КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЯНВАРЬ
1898 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго,** Михайловск. ул., собств. домъ.

лера, *Н. В. Молчановскаго*, *К. П. Михальчука*, *В. А. Мякотина*, *А. И. Малинки*, *Ѳ. Д. Николайчика*, прот. *П. Орловскаго*, проф. *Н. И. Петрова*, *В. К. Пискорскаго*, *Б. С. Познанскаго*, *Л. В. Падалки*, *А. К. Полницкаго*, *А. А. Русова*, проф. *Н. Ѳ. Сумцова*, проф. *Н. И. Стороженка*, *А. В. Стороженка*, *Н. В. Стороженка*, *А. І. Стевовича*, *М. П. Старицкаго*, *А. А. Титова*, *М. К. Чалаго*, *Я. Н. Шульгина*, *Н. В. Шугурова*, *В. И. Щербины*, *Х. П. Ящуржинскаго* и др.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ: на годъ.

Съ пересылкой и доставкой . .	**10** р.	—	
Безъ доставки и пересылки . .	**8**	—	**50** к.
За границу	**12**	—	—

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по 8 руб. годъ, а отдѣльныя книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: (Кузнечная ул., 14), въ книжной торговлѣ журнала „Кіевская Старина“ (Безаковская, 12), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

При редакціи имѣется *Книжная торговля* (Безаковская, 12), значительно расширенная сравнительно съ прошлымъ годомъ. Подробный каталогъ будетъ приложенъ къ № 2 или 3-му журнала.

Издатель *К. М. Гамалѣй*. Редакторъ *В. П. Науменко*.

Дозволено цензурою Кіевъ, 23 января 1898 г. Тип. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LX.

1898 г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.

Дозволено цензурою Кіевъ, 27 января 1898 года.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПРОДЛЕНІИ КОНКУРСА,

НАЗНАЧЕННАГО РЕДАКЦІЕЙ «КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ».

Въ январѣ 1896 года редакціей нашего журнала былъ объявленъ конкурсъ для представленія ей въ теченіе двухъ лѣтъ (по 1-е января 1898 года) обработаннаго курса Исторіи Малороссіи, объемомъ приблизительно около 25 листовъ печати. Подробныя условія конкурса и программа „Очерковъ Исторіи Малороссіи" напечатаны были въ № 2-мъ журнала за 1896 годъ.

Ввиду того, что до 1-го января 1898 года въ редакцію не было представлено ни одного труда на означенный конкурсъ, считаемъ долгомъ заявить, что срокъ представленія сочиненій на тѣхъ-же условіяхъ продленъ теперь редакціей еще *на одинъ годъ*, т. е. *по 1-е января 1899 года.*

Западно-русская церковь при митр. Петрѣ Могилѣ.

(1633 — 1646 гг.).

Извѣстно, что польскіе патріоты, содѣйствуя введенію въ западно-русскихъ областяхъ уніи, ожидали отъ нея благопріятныхъ для своего отечества послѣдствій: они думали, что объединеніе южноруссовъ съ поляками въ религіозномъ отношеніи тѣснѣе скрѣпитъ между ними союзъ политическій и тѣмъ упрочитъ за Польшею ея территоріальныя пріобрѣтенія. Но на дѣлѣ вышло иначе. Унія, вмѣсто ожидаемаго отъ нея государственнаго благоустройства, неуклонно вела къ послѣдсвіямъ совершенно противоположнымъ. Будучи дѣломъ далеко не всего южно-русскаго народонаселенія, она вносила новую рознь въ государственный организмъ Рѣчи Посполитой, раздѣливши значительную часть ея подданныхъ на два враждебныхъ лагеря и служа для нихъ источникомъ нескончаемыхъ пререканій, обоюдныхъ оскорбленій, возмущеній и т. п.; покровительствуемая правительствомъ, имѣвшимъ во главѣ короля-фанатика, и вводимая насиліемъ, выражавшимся въ разнообразныхъ ограниченіяхъ правъ и привилегій греко-восточной церкви, она давала православнымъ многочисленные поводы къ протестамъ противъ правительственныхъ мѣропріятій и наводила нѣкоторыхъ ревнителей православія на мысли о политическомъ союзѣ съ Польшею, далеко не соотвѣтствовавшія указаннымъ желаніямъ и ожиданіямъ польскихъ патріотовъ. Львовскіе православные мѣщане въ инструкціи, данной своему уполномоченному, отправляемому на Варшавскій сеймъ 1609 г., заявляли, что если ихъ положеніе, какъ людей угнетенныхъ „ярмомъ надъ египъскую неволю", не будетъ королемъ облегчено, то имъ остается одно—просить „*волного листу о перестя до Волохъ*". Правда, православные мѣщане отозвались объ этомъ намѣреніи, какъ о *шуткѣ* (жартѣ); но сами назвали ее *злою шуткою*. Дѣйствительно, для этой шутки унія, съ ея „опрессіями, обухами и тюрьмами", представляла очень благопріятную почву—и послѣ пріѣзда іерусалимскаго патріарха Ѳео-

фана въ Кіевъ, когда польское правительство воздвигло гоненіе на возстановленную патріархомъ южно-русскую православную іерархію, нѣкоторые изъ видныхъ представителей послѣдней, *не шутя*, стали обращать свои взоры на сосѣднее, единовѣрное и единоплеменное Московское государство.

Такія неблагопріятныя для Польской короны послѣдствія отъ введенія уніи не могли ускользать отъ вниманія лучшихъ государственныхъ людей того времени и изъ среды поляковъ. Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга въ письмѣ своемъ къ одному изъ наиболѣе фанатичныхъ представителей уніатской церкви, Іосафату Кунцевичу, порицая его жестокіе поступки съ православными, прямо называетъ унію „сварливою и безпокойною подругою, причиняющею многочисленные раздоры и поношенія, неугомонною союзницею, подъ благовидными предлогами приносящею для государства множество несчастій“.

Фанатизмъ Сигизмунда III, окруженнаго ультра-католическою партіею, не дозволялъ ему здравыми глазами смотрѣть на подобное, гибельное для Польши, положеніе дѣлъ, и онъ властною рукою хотѣлъ сокрушить протесты православныхъ, питая тщетную надежду, что въ концѣ концевъ унія восторжествуетъ и будетъ принята большинствомъ южно-русскаго народонаселенія. Его сынъ Владиславъ IV былъ и вѣротерпимѣе, и дальновиднѣе своего отца. Онъ хорошо сознавалъ, что пресловутая унія, до крайности обостривъ отношенія между многочисленными подданными Рѣчи Посполитой, грозитъ ей гибельными послѣдствіями. Поэтому, когда смерть Сигизмунда III вызвала во всѣхъ слояхъ южно-русскаго народа необычайное религіозное движеніе для защиты своей праотцевской вѣры,—движеніе, ясно показавшее, какъ много скопилось горечи и недовольства въ средѣ православныхъ отъ мѣропріятій предшествовавшаго царствованія и до какой степени истощено ихъ долготерпѣніе,—Владиславъ IV, въ то время еще только кандидатъ на польскій престолъ, рѣшительно отступаетъ отъ взглядовъ своего отца по вопросамъ, касающимся уніи, и принимаетъ православныхъ подъ свое покровительство. Лишенный возможности уничтожить язву, глубоко внѣдрившуюся въ организмъ Польши, благодаря близорукой политикѣ Сигизмунда III,—онъ старается, по возможности, облегчить ея болѣзненныя проявленія: стремится смягчить враждебныя отношенія между православными и латино-уніатами и умалить поводы къ нескончаемымъ пререканіямъ между ними. На конвокаціонномъ и избирательномъ сеймахъ онъ принимаетъ самое горячее участіе въ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ между представителями православія и уніи, предсѣдательствуетъ въ коммиссіяхъ по этому дѣлу и не мало пользуется личнымъ своимъ вліяніемъ съ цѣлью удовлетворенія справедливыхъ требованій со стороны пра-

вославныхъ. Проектированные означенными коммиссіями статьи— Puncta uspokoienia religiey Greckiey—возстановляя нарушенныя въ предшествовавшее царствованіе права православной церкви, имѣли въ виду установить такія отношенія между религіозно-разъединенными южно-руссами, которыя бы наименѣе вредно отражались на теченіи государственныхъ дѣлъ.

Сколько усилій употреблено было православными южно-руссами, а также и Владиславомъ IV, чтобы провести на избирательномъ сеймѣ означенный проектъ, имѣвшій въ виду успокоить греческую религію,— объ этомъ подробно говорено было нами въ одномъ изъ предшествующихъ трудовъ. Въ настоящемъ изслѣдованіи мы имѣемъ въ виду изобразить *борьбу православныхъ южно-руссовъ за правовое положеніе въ государствѣ православной церкви* со времени воцаренія Владислава до кончины кіевскаго митрополита Петра Могилы (1633—1646 г.), коснувшись при этомъ и тѣхъ попытокъ къ примиренію съ латино-уніатами, которыя проектировались на почвѣ религіозной, но въ основѣ своей преслѣдовали цѣли преимущественно практическія.

I.

Пренія на коронаціонномъ сеймѣ 1633 г. между православными и латино-уніатами по поводу статей успокоенія; участіе въ примиреніи враждующихъ сторонъ короля Владислава IV.—Дипломъ, выданный съ согласія сейма православнымъ и частныя грамоты, полученныя ими въ это время.—Расшатанность правовыхъ устоевъ въ Польскомъ государствѣ, какъ одна изъ причинъ затрудненій, встрѣченныхъ правительственными комисарами при передачѣ церквей православнымъ на основаніи распоряженій короля, и фактическія данныя, подтверждающія сказанное. — Обостренныя отношенія между латино-уніатами и православными. — Нападенія католиковъ на православныхъ въ Луцкѣ. - Распоряженіе отъ имени короля о закрытіи Кіевскихъ и Винницкихъ школъ П. Могилы. — Молитвенное пѣснопѣніе, составленное П. Могилою „объ умиреніи“ православной церкви.

Когда составлены были на избирательномъ сеймѣ извѣстныя статьи успокоенія между православными и уніатами, новоизбранный король далъ, занесенную въ *Pacta conventa*, клятву исполнить ихъ безъ промедленія [1]), т. е., какъ разумѣлось, на сеймѣ коронаціи, гдѣ

[1]) A co się tycze—читаемъ въ Пактахъ конвентахъ—ludzi religiy Greckiey rozróżnionych, te uspokoić, według podanych na elekcyi teraźnieyszey, na affektacyą Rzeczy Pospolitey przez nas, przy deputatach ex utroque ordine, punktow, będziemy powinni *nieodwłocznie* (Prawa, konstytucye y przywileie krolestwa Polskiego y Wiel. Xiest. Litewskiego... Warszawa, 1735 r., str. 763).

должны были получить окончательную санкцію постановленія сейма избирательнаго. Но успѣхъ, достигнутый православными при избраніи короля, возбудилъ сильнѣйшее волненіе въ латино-уніатскомъ лагерѣ, и приверженцами папизма, поощряемыми къ тому римскимъ престоломъ [1]), употреблены были всевозможныя старанія и подготовленія, чтобы затормозить дѣло своихъ религіозныхъ противниковъ, не допустить предположеннаго утвержденія правъ ихъ церкви на предстоящемъ сеймѣ. Разумѣется, православные южно-руссы обо всемъ этомъ хорошо были освѣдомлены и съ своей стороны тоже дѣлали соотвѣтствующія приготовленія къ предстоящей борьбѣ [2]). Всѣ предвидѣли, что коронаціонный сеймъ будетъ бурный, и именно изъ-за споровъ по вопросамъ религіознымъ. Такъ на самомъ дѣлѣ и случилось.

Первое столкновеніе между латино-уніатами и православными (и вообще диссидентами) произошло передъ коронаціею короля. Послѣдніе настаивали на томъ, чтобы въ королевской присягѣ не было употреблено выраженіе: ,salvis iuribus ecclesiae Romanae catholicae, находившееся въ присяжномъ коронаціонномъ актѣ Сигизмунда III, а принята была форма присяги, произнесенной при вступленіи на престолъ Генрихомъ IV (въ 1573 г.). Католическая партія воспротивилась этому, и посредствомъ разныхъ уловокъ означенныя слова, безъ общаго согласія на то сеймовыхъ депутатовъ, въ королевскую присягу были занесены [3]). И хотя православнымъ депутатамъ было заявлено, что означенное выраженіе не наноситъ ихъ вѣроисповѣданію ущерба, потому что ниже, въ той же присягѣ помѣщены слова: dissidentibus pacem in religione subscribo [4]), тѣмъ не менѣе они, сознавая, какое широкое, въ духѣ папизма, примѣненіе способны дѣлать латино-уніаты изъ невинныхъ, повидимому, выра-

---

[1]) Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, ed. ab *Theiner*. Romae. 1863 an t. III, №№ CCCXXXIX, CCCXL.

[2]) Въ это время (кромѣ обычныхъ инструкцій посламъ, избираемымъ на сеймъ), Виленскимъ православнымъ братствомъ, обнаружившимъ въ 1632 г. особенную заботливость о возстановленіи правъ православной церкви (см. наше изслѣдованіе: Кіевскій митроп. Петръ Могила, т. I, глава VI) составлено было небольшое по объему *новое сочиненіе*, *отпечатанное* въ значительномъ количествѣ экземпляровъ и предназначенное для раздачи сеймовымъ депутатамъ. Это *неизвѣстное библіографамъ* сочиненіе носитъ слѣдующее заглавіе: „Rzym albo Stolica Rzymska ieśli co ma do praw Korony Polskiey y W. X. Litewskiego krotkie uważenie, roku 1633 stanom koronnym na seym koronaciey podane" (Находится въ Москов. Типографской Синодальной Библіотекѣ).

[3]) Pamiętniki Albrechta Stanisława X. *Radziwiłła*, kanclerza W. Litewskego. Wydane z rękopismu przez Edwarda Raczyńskiego. Poznań, 1839 r. t. I, str. 138.

[4]) Кіев. митрополит. Петръ Могила т. I, *прилож.* стран. 510.

женій, занесли по сему поводу протестацію, на которую католики въ свою очередь отвѣтили репротестаціей [1]).

Но этотъ обмѣнъ протестаціями былъ только первымъ выстрѣломъ начинающейся между православными и латино-уніатами борьбы. Сильнѣйшее волненіе началось на сеймѣ, когда приступлено было къ чтенію *пактовъ конвентовъ* и рѣчь зашла объ успокоеніи православной религіи согласно съ заключающимися въ нихъ статьями. Противъ утвержденія сеймомъ этихъ статей со стороны приверженцевъ папизма высказаны были горячіе протесты. Католическіе и уніатскіе депутаты заявили, что Pacta conventa не составляютъ еще обязательнаго закона; что противъ составленныхъ на конвокаціонномъ сеймѣ статей успокоенія греческой религіи занесены были многія протестаціи; что этими статьями нарушаются привилегіи, данныя уніатамъ, и вообще онѣ затрогиваютъ интересы религіозные, относительно чего допускать какія-либо перемѣны ни сеймъ, ни король безъ соизволенія на то св. отца, т. е. папы, не могутъ, а такъ какъ король ходатайствуетъ объ означенномъ соизволеніи, то православные и должны отложить дѣло о своей религіи до полученія отвѣта изъ Рима; что выраженіе въ Пактахъ конвентахъ—*обѣщаюсь безъ промедленія* (*nie odwlocznie*) *успокоить людей греческой религіи*—не должно быть понимаемо въ смыслѣ обѣщанія исполнить это именно на сеймѣ коронаціи, ибо въ такомъ скоромъ времени не могло придти необходимое для того соизволеніе отъ Римскаго престола.

Со стороны православныхъ ревностными защитниками правъ своей церкви выступили: Адамъ Кисель, князь Четвертинскій и брацлавскій подсудокъ Михаилъ Кропивницкій. Они заявили, что Pacta conventa—lex publica, такъ какъ обязательства, данныя новоизбраннымъ королемъ подъ присягою, должны быть исполнены; что занесенныя противъ статей успокоенія протестаціи не имѣютъ существеннаго значенія (ибо для протестацій поле широкое: можно протестовать противъ всего); что обѣщаніе о возстановленіи правъ грековосточной религіи королемъ дано категорическое, безъ всякихъ оговорокъ и ссылокъ на авторитетъ папы, притомъ это прикрытіе авторитетомъ папы есть не что иное, какъ преднамѣренное желаніе лишить православныхъ ихъ законныхъ правъ, потому что отношеніе римскаго престола къ статьямъ успокоенія извѣстно—онъ уже опредѣленно высказался по этому вопросу, и ждать иного рѣшенія изъ Рима нѣтъ основаній: его заранѣе можно предвидѣть; притомъ же авторитетъ папы, имѣющій значеніе для латино-уніатовъ, для нихъ, православныхъ, не обязателенъ: они находятся подъ верховнымъ руко-

---

[1]) Ibid. прилож. № LXXXIV, стр. 525—526.

водствомъ своего пастыря, константинопольскаго патріарха, и въ дѣлахъ вѣры обязаны послушаніемъ ему; что, наконецъ, окончательное успокоеніе православной церкви обѣщано было именно на коронаціонномъ сеймѣ и откладывать его на предбудущее время, до слѣдующихъ сеймовъ, значитъ намѣренно волочить дѣло, чтобы впослѣдствіи окончательно затормозить его... Разумѣется, православные депутаты въ своихъ заявленіяхъ были совершенно правы: они стояли на почвѣ строго юридической (не говоримъ уже о сторонѣ нравственной). Это сознавали даже наиболѣе фанатичные католики, что́, во время сеймовыхъ преній, наивно и высказано было литовскимъ ловчимъ: wolę ia—говорилъ онъ—troche na prawo nastąpić, a niz w piekle być [1]).

Преосвященный Макарій въ своей „Исторіи Русской Церкви", упомянувъ объ означенныхъ препирательствахъ сеймовыхъ депутатовъ, замѣчаетъ: „споры были жаркіе и продолжительные, но ни къ чему, не привели: утвержденіе статей на сеймѣ не состоялось. Несмотря на то, король остался вѣренъ своему слову и немедленно приступилъ къ выполненію данныхъ обѣщаній" [2]). Такимъ образомъ, старанія православныхъ депутатовъ, столь энергично ратовавшихъ во время сейма за интересы своей церкви, представляются уважаемымъ историкомъ какъ бы безрезультатными, и полученныя православными на коронаціонномъ сеймѣ права и привилегіи (о которыхъ рѣчь ниже) являются какъ бы *личнымъ дѣломъ короля*.

Это не совсѣмъ вѣрно. Достаточно указать на то, что въ дипломѣ, обезпечивающемъ для православныхъ свободу вѣроисповѣданія и выданномъ королемъ при заключеніи коронаціоннаго сейма, прямо заявляется, что *означенный дипломъ есть сеймовое постановленіе, аппробованное авторитетомъ всего собранія*. Мы не хотимъ этимъ сказать, что король мало участвовалъ въ дѣлѣ успокоенія православныхъ; напротивъ—участіе его въ данномъ случаѣ было самое живое, дѣятельное и православнымъ сочувственное. Но королевская власть въ Польской Коронѣ, какъ извѣстно, была весьма ограничена, и безъ опоры въ тѣхъ или иныхъ сеймовыхъ постановленіяхъ (а тѣмъ паче вопреки имъ) король не могъ одѣлять извѣстную часть своихъ подданныхъ привилегіями по своему усмотрѣнію. Онъ могъ, до извѣстной степени, расширять или съуживать

---

[1]) Діаріушъ коронаціоннаго сейма (рукоп. Импер. Публ. Библіотеки, значущаяся по каталогу *Разнояз.* Q. IV. № 38); извлеченіе изъ него въ *прилож.* къ I т. сочиненія: Кіев. митрополитъ Петръ Могила, № LXXXIII, стр. 506—524.—Pamiętniki Radziwiłła I. 148—152. Supplementum ad Hist. Russ. Monumenta. № 68, p. 163 et seq.

[2]) Исторія Русской Церкви. XI. 449.

примѣненіе на практикѣ основныхъ законоположеній, но не могъ игнорировать ихъ. Такимъ образомъ для Владислава IV, какъ увидимъ, искренно желавшаго успокоить православныхъ, было весьма важно имѣть точку опоры для этого въ сеймовомъ постановленіи, къ чему, дѣйствительно, и направлены были его усилія, окончившіяся значительнымъ успѣхомъ.

Въ общихъ чертахъ ходъ дѣла, во время коронаціоннаго сейма, по вопросу объ успокоеніи православныхъ, по нашему мнѣнію, былъ слѣдующій.

Многодневныя препирательства сеймовыхъ депутатовъ относительно извѣстныхъ „статей успокоенія", при той стойкости, которую обнаружили обѣ враждующія стороны, мало давали надежды на благополучное окончаніе сейма: являлось опасеніе, что онъ тою или другою стороною будетъ, по тогдашнему выраженію, *сорванъ*. Это не могло не озабочивать „благоразумныхъ патріотовъ", которыхъ въ числѣ сеймовыхъ депутатовъ находилось не малое количество, а въ особенности самого короля, наиболѣе другихъ желавшаго благополучнаго окончанія сейма. Поэтому, въ виду безплодности сеймовыхъ препирательствъ относительно „статей успокоенія", изъ среды депутатовъ послышались голоса: предоставить спорное дѣло на рѣшеніе (na decyzią) самого короля. Послѣ преній сеймъ на этотъ компромиссъ согласился. Такимъ образомъ Владиславъ IV опять (подобно тому, какъ на конвокаціонномъ сеймѣ) оказался въ роли примирителя (посредника) между уніатами и православными [1]).

Уступка, сдѣланная въ данномъ случаѣ православными депутатами (мысль объ означенномъ компромиссѣ исходила отъ католиковъ), можетъ быть объясняема тѣмъ довѣріемъ къ королю, которое онъ успѣлъ внушить православнымъ своею расположенностью къ нимъ и искреннимъ (хотя бы то и изъ политическихъ разсчетовъ) желаніемъ удовлетворить ихъ требованія. Православные видѣли въ новомъ королѣ твердую опору для себя,—и въ этомъ не ошиблись.

Еще въ самомъ концѣ октября 1632 года, когда только что составлены были статьи примиренія православныхъ съ уніатами, папскій нунцій дѣлалъ энергичную попытку отклонить Владислава IV отъ утвержденія этихъ статей, но получилъ отъ послѣдняго сильный отпоръ. Новоизбранный король заявилъ, что унія въ литовско-русскихъ областяхъ съ самаго начала не имѣла достаточной силы, такъ какъ введена была здѣсь безъ согласія большинства, и что удовлетворить требованія православныхъ, какъ членовъ Рѣчи По-

---

[1]) Діаріушъ коронаціоннаго сейма.

сполитой, наравнѣ съ другими несущихъ государственныя повинности, есть дѣло неотложной необходимости. Король передъ нунціемъ выразилъ надежду, что св. отецъ обратитъ вниманіе на условія настоящаго времени и признаетъ сдѣланное постановленіе относительно успокоенія православныхъ цѣлесообразнымъ, если только не желаетъ видѣть руинъ королевства (Польши), а, можетъ быть, и христіанской (католической) религіи [1]). Ни авторитетъ гнѣзненскаго архіепископа, ни просьбы другихъ ревнителей католицизма, ни даже внушенія изъ Рима не могли поколебать рѣшимости короля, основанной на ясно и здраво понимаемомъ положеніи вещей [2]). Владиславъ IV помнилъ обязанности, возложенныя на него христіанскою (католическою) религіей, но не забывалъ и объ обязанностяхъ своихъ какъ государя, подъ властью котораго находились не одни католики. Печальныя послѣдствія ультра-католической политики предшествовавшаго царствованія были у него передъ глазами. Притомъ и въ личномъ характерѣ короля было не мало благородныхъ чертъ, предохранявшихъ его отъ того іезуитизма въ отношеніяхъ къ иновѣрцамъ, какого держался печальной памяти его отецъ. Когда, во время присяги (на избирательномъ сеймѣ) Владиславъ долженъ былъ произнести занесенныя въ нее выраженія относительно успокоенія „диссидентовъ", и въ это время литовскій канцлеръ Станиславъ Радзивиллъ шепнулъ королю на ухо: „nie miey W. K. M. tey intencyi" (т. е. думай про себя, что этого не исполнишь), онъ отвѣтилъ: „komu przysięgam usty, temu przysięgam y intencyą", (кому присягаю устами, тому присягаю и мыслью) [3]).

---

[1]) *Theiner.* Vetera monum. Poloniae et Lithuaniae, t. III. № CCCXXXV, pag. 398—399.

[2]) Pamiętniki Radziwiłła. T. I. стр. 151. Перемышльскій епископъ Павелъ Пясецкій въ своей хроникѣ пишетъ, „quod archiepiscopus stantem iam ad altare regem (передъ коронаціею) initiaturus monuerat, *solam* catholicam Romanam fidem in Polonia scepta tenere; eaque regibus dare, et propterea reges ad altare catholicum sacro oleo perungi, ut memores accepti ibi muneris et honoris fidem catholicam defendere et propagare debeant: insuper obtestabatur, *quod ea, quae sub interregno et circa electionem regiam haereticis pro bono pacis concessa fuisset, vim legis perpetuae habere non possint.* (Chronica gest rum in Evropa singularium, a *Pavlo Piasecio*, episcopo Praemisliensi. Cracovia, 1648 an., pag. 147).

[3]) Объ этомъ заявилъ самъ Владиславъ IV депутаціи диссидентовъ, представлявшейся ему въ 1644 году. См. Dzieje narodu Polskiego za panowania Władisława IV. *Kaietana Kwiatkowskiego.* Warszawa, 1823 г. str. 422—424, гдѣ сдѣлано обширное извлеченіе изъ необнародованной реляціи пана Рея, состоявшаго въ означенной депутаціи.

Поэтому и на коронаціонномъ сеймѣ король прилагалъ всевозможныя старанія къ тому, чтобы удовлетворить требованія православныхъ, встрѣтившія, какъ мы видѣли, столь сильное сопротивленіе со стороны латино-уніатовъ. Свидѣтельство объ этомъ сомнѣнію не подлежитъ. Канцлеръ Великаго княжества Литовскаго Станиславъ Радзивиллъ, бывшій на сеймѣ и близко знакомый съ ходомъ дѣлъ на немъ, пишетъ въ своемъ дневникѣ, что король „явно покровительствовалъ схизматикамъ", т. е. православнымъ. Послѣдніе часто приглашались Владиславомъ IV не только для обычныхъ аудіенцій, но и для *секретныхъ переговоровъ* (sekretnych namòw), что, по заявленію Радзивилла, сильно огорчало добрыхъ католиковъ [1]). На этихъ тайныхъ совѣщаніяхъ присутствовали не одни депутаты, но и другія вліятельныя лица изъ среды православныхъ, въ числѣ которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ безспорно принадлежало и нашему митрополиту, какъ избранному на первосвятительскій постъ въ южно-русской церкви. Въ панегирикѣ, поднесенномъ П. Могилѣ по пріѣздѣ его (послѣ посвященія на митрополію) въ Кіевъ, между прочимъ, говорится: „пресвѣтлѣйшему, вожделѣнному и *мира желающему* монарху царства Польскаго Владиславу и высокому его сенату ты (Петръ Могила)—на избирательномъ и *коронаціонномъ* сеймахъ—доказалъ яснѣе солнца права наши, по силѣ твердыя, какъ алмазъ, золотыя по своей драгоцѣнности. Доказавши неправду, которая тяготѣла надъ нами столько лѣтъ, ты уничтожилъ въ прахъ ее передъ помазанникомъ Божіимъ" [2]). Это панегирическое воззваніе находитъ подтвержденіе и въ другихъ источникахъ [3]).

Совѣщанія короля съ православными начались еще ранѣе, чѣмъ онъ избранъ былъ сеймомъ посредникомъ между ними и уніатами. Безъ сомнѣнія, они продолжались и послѣ этого, до самаго окончанія сейма. Можно съ увѣренностью предполагать, что происходило на этихъ совѣщаніяхъ.

Положеніе короля въ роли посредника между враждующими сторонами было весьма затруднительное. Желаніе его удовлетворить требованія православныхъ во всемъ ихъ объемѣ было, безъ сомнѣнія, искреннее. Къ этому онъ побуждался и политическими сообра-

---

[1]) Pamiętniki, T. I. 148—149.

[2]) Mnemozyne sławy, prac y trudow Przeswiętnego w Bogu Imść oyca Piotra Mohiły... et caet; изд. въ Кіевѣ, 1633 г.

[3]) Самъ Петръ Могила неоднократно указывалъ на свои хлопоты передъ королемъ и сеймами о возстановленіи и упроченіи правъ православной церкви (*Собраніе древнихъ грамотъ городовъ минской губ.* Минскъ, 1848 г.; № 112, стр. 224.—Срав. мнѣніе объ этомъ латино-уніатовъ (Dzieje y prawa kościoła Polskiego. X. *Teodora Ostrowskiego.* Warszawa, 1793 г. Т. III. str 466).

женіями, и даннымъ имъ торжественнымъ (подъ присягою) обѣщаніемъ, и настойчивыми напоминаніями самихъ православныхъ. Но, несмотря на представленное сеймомъ право посредничества, право произнести свое рѣшающее слово по спорному вопросу, Владиславъ IV ясно предвидѣлъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ провести на сеймѣ статьи успокоенія въ полномъ ихъ видѣ *не было возможности*. Ожидались рѣшительные протесты; предвидѣлось „сорваніе“ сейма. Въ виду этого король, желавшій—какъ мы сказали—мирнаго окончанія коронаціоннаго сейма, на совѣщаніяхъ убѣждалъ православныхъ не обострять своихъ отношеній къ латино-уніатамъ и, подчиняясь обстоятельствамъ времени, сдѣлать нѣкоторыя уступки противной партіи, при чемъ, разумѣется, съ своей стороны давалъ рѣшительныя обѣщанія начатое дѣло успокоенія православныхъ довести до конца въ самое непродолжительное время. Очевидно, подобныя совѣщанія, хотя, можетъ быть, и не секретныя, происходили у короля и съ представителями латино-уніатской церкви. Сдѣлать уступки предлагалось и имъ. Какъ можно думать, главнымъ предметомъ при этихъ совѣщаніяхъ съ тою и другою стороною былъ вопросъ *о церковныхъ бенефиціяхъ*, о томъ или другомъ распредѣленіи между православными и уніатами, по тогдашнему выраженію, „духовныхъ добръ“, „духовныхъ хлѣбовъ“. О такомъ характерѣ совѣщаній можно заключить изъ нижеслѣдующихъ данныхъ: 1) Канцлеръ Радзивиллъ въ своемъ дневникѣ пишетъ, что 8 марта король обратился къ нему съ просьбою *склонить луцкаго уніатскаго епископа Почаповскаго къ пріятельскому соглашенію съ Пузиною*, избраннымъ православными на луцкую епископію: убѣдить его уступить нѣкоторыя церковныя бенефиціи Пузинѣ [1]). 2) Нѣкоторыя изъ грамотъ, выданныхъ королемъ при заключеніи коронаціоннаго сейма о распредѣленіи церковныхъ имуществъ между православными и уніатами, могутъ быть объясняемы (какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ) не иначе, какъ предварительнымъ соглашеніемъ, достигнутымъ королемъ при упомянутыхъ совѣщаніяхъ съ представителями церквей православной и уніатской.

Безъ сомнѣнія, одновременно съ этими совѣщаніями съ представителями враждующихъ сторонъ Владиславъ IV велъ переговоры и съ наиболѣе вліятельными государственными чинами, сообщая имъ о результатахъ своего посредничества между православными и уніатами и выставляя на видъ неотложную (по политическимъ соображеніямъ) необходимость удовлетворить, по крайней мѣрѣ, наиболѣе существенныя требованія православныхъ депутатовъ. При

[1]) Pamiętniki. I. 148.

извѣстныхъ намъ воззрѣніяхъ „добрыхъ католиковъ“ на религіозные вопросы и авторитетъ папы,—это тоже было дѣломъ весьма не легкимъ, и Владиславу IV, надо полагать, не разъ приходилось повторять произнесенныя имъ во время коронаціи слова о тяжести королевской короны въ Польшѣ [1]). Тѣмъ не менѣе старанія короля, какъ мы замѣтили, увѣнчались значительнымъ успѣхомъ. Сеймомъ былъ утвержденъ составленный отъ имени короля *дипломъ*, обезпечивающій свободу вѣроисповѣданія православныхъ и предоставлявшій имъ извѣстныя права и привилегіи, притомъ съ категорически выраженнымъ обѣщаніемъ расширить оныя, согласно со статьями успокоенія, на слѣдующемъ сеймѣ.

Приводимъ этотъ дипломъ въ полномъ его видѣ (за исключеніемъ обычнаго вступленія).

„Когда мы, на прошлой счастливой нашей елекціи, начиная наше благополучное царствованіе уврачеваніемъ ранъ Рѣчи Посполитой и примиреніемъ государственныхъ сословій, приняли на себя, по ихъ просьбѣ и согласію, заботу разсмотрѣть нарушеніе правъ народа русскаго и успокоить греческую религію и, вмѣстѣ съ депутатами той и другой стороны, къ намъ сеймомъ назначенными, совершили это надежными средствами (какъ о томъ достаточно свидѣтельствуютъ статьи, за подписомъ руки нашей внесенныя въ актовыя книги Варшавы и потомъ утвержденныя нашею присягою въ пактахъ конвентахъ), то оставалось только, чтобы на настоящемъ сеймѣ нашей счастливой коронаціи мы неотложно исполнили все, изложенное въ тѣхъ статьяхъ и въ цѣломъ и въ частяхъ. Но такъ какъ теперь мы всего этого выполнить не могли, а между тѣмъ земскіе послы отъ Короны и Великаго Княжества Литовскаго изъ многихъ воеводствъ и повѣтовъ, основываясь на данныхъ имъ братьями, неунитами, инструкціяхъ, не захотѣли приступить къ заключенію (ствержденію) сейма, доколѣ не будетъ имъ предоставлено все обѣщанное помянутыми статьями, то мы, со всею Рѣчью Посполитою, удостовѣряемъ настоящимъ нашимъ дипломомъ и обязуемся (примѣнительно къ тѣмъ же статьямъ, ствerженнымъ нашею присягою), что на будущемъ, дай Боже, самомъ первомъ сеймѣ мы тотчасъ, на другой же день по окончаніи сенаторскихъ рѣчей (wot), все, изложенное въ статьяхъ, прежде всего ствердимъ и въ точности означенныя статьи, ни въ чемъ имъ не противорѣча, будемъ приводить въ исполненіе. А теперь утверждаемъ для ненаходящихся въ уніи свободное отправленіе богослуженія по всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ и монастырямъ въ Коронѣ и Вел. княжествѣ Литов-

[1]) Ibid. I, 139.

скомъ, также всѣ братства, школы, семинаріи, типографіи и госпитали, какими они владѣютъ, одобряемъ всѣ привилегіи, какія только они имѣютъ отъ нашихъ благочестивыхъ предмѣстниковъ и блаженной памяти наияснѣйшаго короля его милости, милостиваго пана отца нашего. Что же касается до велебнаго отца Петра Могилы, архимандрита печерскаго, избраннаго неунитами въ митрополита Кіевскаго, имѣющаго сакру отъ константинопольскаго патріарха, равно что касается до благороднаго Александра Пузины, избраннаго на владычество Луцкое, отца Іосифа Бобриковича, избраннаго на владычество Мстиславское, и того, кто будетъ избранъ мѣстными неунитами на владычество Перемышльское—то всѣмъ имъ мы позволяемъ безпрепятственно пользоваться юрисдикціею и исполнять свои обязанности въ средѣ всѣхъ ненаходящихся въ уніи, и обращаться къ этимъ владыкамъ предоставляется свобода каждому, не желающему оставаться въ уніи, безъ малѣйшаго препятствія со стороны уніатовъ. А такъ какъ о. архимандритъ печерскій не имѣетъ теперь на своей митрополіи никакой бенефиціи, то онъ долженъ владѣть до живота своего, кромѣ св. Софіи, и печерскою архимандріею съ Пустыннымъ Николаевскимъ монастыремъ. Перемышльскому же и мстиславскому владыкамъ, по силѣ статей, будетъ ежегодно выдаваемо нами жалованье по двѣ тысячи злотыхъ польскихъ. Что касается благороднаго Александра Пузины, номината на владычество Луцкое и Острожское, то онъ имѣетъ пребывать по особому нашему письменному акту. Наконецъ все, что только изъ варшавскихъ статей не приведено нами теперь въ исполненіе, мы непремѣнно исполнимъ, да поможетъ Богъ, на слѣдующемъ сеймѣ: въ этомъ мы удостовѣряемъ ихъ, неунитовъ, настоящимъ нашимъ дипломомъ, который есть сеймовое постановленіе, аппробованное авторитетомъ всего собранія, и для этого мы дали настоящій нашъ дипломъ за подписью нашею и депутатовъ, какъ отъ сената, такъ и отъ кола посольскаго, и за печатями коронною и вел. княжества Литовскаго [1]).

Очевидно, что несмотря на значительные урѣзки сравнительно со статьями успокоенія, дипломъ былъ благопріятенъ для православныхъ: ими достигнуто было самое главное и существенное—полная свобода вѣроисповѣданія и оффиціальное возстановленіе іерархіи, словомъ, упрочено было правовое положеніе въ государствѣ православной церкви съ присущими ей учрежденіями. Такъ смотрѣли

---

[1]) Supplem. ad Histor. Russ. Monumenta. № LXIX. Рус. переводъ у преосв. Макарія (Исторія Рус. Церкви. XI. 450—452), но не безъ значительныхъ отступленій отъ подлинника.

на дипломъ и сами православные, такъ смотрѣли на него и католики [1]). Въ виду послѣдняго королю не малыхъ усилій и волненій стоило даже самое стверждение диплома извѣстными печатями, т. е. исполненіе простой уже формальности, хотя и чрезвычайно важной [2]).

Дипломъ для православныхъ, какъ одобренный сеймомъ (слѣдовательно, какъ lex publica), предоставилъ королю возможность издавать частныя, исключительно отъ своего имени, грамоты, испрашиваемыя у него разными православными лицами и учрежденіями. Такихъ грамотъ Владиславомъ IV выдано было, большею частью при заключеніи коронаціоннаго сейма, значительное количество. Такъ получили грамоты всѣ новоизбранные іерархи: *Петръ Могила* на

---

[1]) См. панегирики П. Могилѣ, изданные въ 1633 г. (*Мнемогуне*... и *Евфонія веселобрмячая*). Rozmowa albo relatia rozmowy dwóch Rusinow - schizmatika z unitem, przez Kaspara Thom. Skupińskiego. Warszawa, 1634 г. (въ полномъ видѣ напечатана нами въ Архивѣ Юго-Зап. Россіи, ч. I, т. VII, стр. 650—733).

[2]) А. С. Радзивиллъ въ своемъ дневникѣ пишетъ, что для скрѣпы печатью диплома, даннаго схизматикамъ (т. е. православнымъ), „не смѣли" просить канцлера короннаго, какъ особу духовную (въ то время короннымъ канцлеромъ былъ бискупъ Іаковъ Задзикъ); поэтому съ означенною просьбою обратились къ коронному подканцлеру (Ѳомѣ Замойскому) и къ нему, Радзивиллу, какъ канцлеру Вел. Княж. Литовскаго. До мозга костей проникнутый ультра-католическими воззрѣніями, Радзивиллъ обратился къ своему духовнику и къ другимъ римскимъ „капланамъ" за разъясненіями, можетъ ли онъ сдѣлать это безъ отягощенія своей совѣсти. Понятное дѣло, латинскіе капланы позаботились еще болѣе настроить сего „добраго католика" противъ православныхъ, и онъ заявилъ королю, что духовникъ не совѣтуетъ ему прикладывать печати къ помянутому диплому: *skrupuł w tem zadał*. Королю извѣстно было, что Радзивилловъ духовникъ умѣетъ и любитъ починять часы. Поэтому, вынувъ свои часы и показывая Радзивиллу, Владиславъ сказалъ: *„пусть твой духовникъ занимается починкою часовъ, а не вмѣшивается въ дѣла, которыя могутъ производить волненія въ Рѣчи Посполитой"*. Радзивиллъ упорствовалъ, заявляя, что во всемъ онъ готовъ подчиниться приказаніямъ своего государя, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ дѣло касается совѣсти и святой католической религіи. Разгнѣванный король сказалъ, что и онъ будетъ имѣть *угрызенія совѣсти* (skrupuły), когда къ нему Радзивиллъ и другія, подобныя ему лица станутъ обращаться съ своими просьбами. Радзивиллъ, хотя и съ маскою смиренія на лицѣ, продолжалъ стоять на своемъ. Тогда еще болѣе разгнѣванный король воскликнулъ: *„какъ только освободится печать коронная или Вел. Княж. Литовскаго, отдамъ ее еретику!"* Такія слова произвели большое смущеніе среди католиковъ. — И послѣ этого не мало было хлопотъ и упрашиваній, чтобы Радзивиллъ скрѣпилъ дипломъ (нѣкоторые изъ высшаго католическаго духовенства брали грѣхъ на свою душу). Да и приложивъ къ диплому печать, Радзивиллъ занесъ манифестацію, гдѣ заявлялъ, что сдѣлалъ это вопреки своей волѣ и желанію, *исключительно какъ министръ и чиновникъ*. (Pamiętniki I. 151—152).

митрополію кіевскую (12 марта) [1]), *Іосифъ Бобриковичъ*—на епископію мстиславскую, оршанскую, могилевскую (14 марта) [2]), *Александръ Пузина*—на епископію луцкую (18 марта) [3]) и *Иванъ Романовичъ Попель*—на епископію перемышльскую (18 марта) [4]).

Этими грамотами православнымъ іерархамъ, между прочимъ, предоставлялось полное право имѣть подъ своею властью и „послушенствомъ" весь народъ русскій не въ уніи съ костеломъ римскимъ будучій и *„быти не хотячій"*, подобно тому какъ это предоставлено было уніатскимъ епископамъ относительно своей паствы и всѣхъ желающихъ находиться въ уніи; и также обезпечивалось свободное, *безъ малѣйшаго препятствія*, отправленіе архипастырскихъ обязанностей при посѣщеніи разныхъ городовъ и мѣстечекъ, имѣющихъ хотя бы часть православнаго населенія.

Даны были Владиславомъ IV въ означенное время грамоты и православнымъ братствамъ: *Виленскому Свято-Духовскому* (18 марта) [5]), *Минскому Петропавловскому* (18 марта) [6]), *Люблинскому Преображенскому* (15 марта) [7]), *Львовскому Успенскому* (15 марта) [8]), *Перемышльскому* [9]), *Бѣль-*

[1]) Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-зап. Руси. т II. № 36, стр. 48—49.

[2]) А. Ю. и З. Р. IV. № 5.

[3]) Архивъ юго-зап. Россіи. ч. I, т. VI. № CCLXIX, стр. 662—664.

[4]) Подлинникъ находится въ библіотекѣ греко-уніат. собора въ Перемышлѣ; занесенъ въ Inducta Relationum castr. Premisl; въ Львовскомъ Бернандинскомъ Архивѣ № кн. 352, стр. 1742.

[5]) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ: Вильны, Ковна и проч. Вильно. 1843. ч. II. № 42, стр. 118—125.

[6]) Собраніе древнихъ грамотъ городовъ минской губ. № 123, стр. 255—258.

[7]) Кіев. Централ. Архивъ; № кн. 2834, л. 1406.

[8]) Архивъ Львов. Ставропиг. Института (копія полуистлѣвшая).

[9]) Архивъ уніат. Перемышльскаго собора. (Оригиналъ). Въ этой грамотѣ, между прочимъ, говорится: „Bractwo przy cerkwi Świętey Troycy Religiey Greckiey, pod posłuszeństwem Patriarchi Konstantinopolskiego będące, na grunte od wielebnego w Bogu oyca *Bazyla Kopystenskiego,* ihumena cerkwi pomienioney, darowanym, także na placu przykupionym od corki Chominei Mariny Warowi na wieczność, do iego gruntu przyległym, ktory iuż w ieden plac przywrocił, *na przedmiescie* Przemyskim, rzeczonym Lwowskim"... и проч. Братству предоставляется имѣть „порядки", заведенные въ другихъ православныхъ братствахъ—луцкомъ, виленскомъ и проч., „y szkoły (позволяется) fundować y ucsyć w nich bez contradictiy."—Спустя нѣсколько дней (23 марта) дана была королемъ особая грамота перемышльскимъ православнымъ мѣщанамъ и предмѣщанамъ (хранится въ томъ же архивѣ), уравнивающая ихъ въ правахъ съ католиками. Здѣсь, между прочимъ, говорится, что такъ какъ православные перемышляне „wolności y swobod za niedopuszczaniem

скому [1]), *Могилевскому* [2]), новоучрежденному *Кременецкому* [3]) и, безъ сомнѣнія, другимъ, просившимъ о томъ короля. Въ этихъ грамотахъ подтверждались пріобрѣтенныя братствами въ прежнее время права, ограждались притязанія на нихъ латино-уніатовъ, признавалось дозволеннымъ существованіе при нихъ разныхъ учебныхъ и благотворительныхъ учрежденій, разрѣшалась, съ вѣдома короля, постройка новыхъ церквей,—вообще, признавалось за ними правовое положеніе въ государствѣ, о чемъ такъ много хлопотали православные въ предшествующее царствованіе. Труднѣе было королю удовлетворить просьбы православныхъ о передачѣ имъ нѣкоторыхъ церквей, захваченныхъ уніатами въ разныхъ городахъ и дотолѣ находившихся въ ихъ фактическомъ владѣніи. Относительно этого на конвокаціонномъ сеймѣ высказаны были предположенія весьма благопріятныя для православныхъ. Имъ обѣщано было возвращеніе отъ уніатовъ, по крайней мѣрѣ, по одной церкви болѣе чѣмъ въ 43 городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ довольно прочно укоренилась унія и гдѣ, слѣдовательно, въ предшествующее время православные наиболѣе были обижены своими религіозными противниками [4]). Но на коронаціонномъ сеймѣ исполненіе означеннаго обѣщанія, какъ затрогивавшаго имущественные религіозные интересы, возбуждало наибольшіе протесты, и вопросъ объ этомъ (объ отчужденіи отъ уніатовъ церквей съ пріуроченными къ нимъ бенефиціями) считался неподлежащимъ рѣшенію безъ предварительнаго сношенія съ папою. Вопросъ этотъ совершенно обойденъ былъ въ дипломѣ, выданномъ православнымъ. Тѣмъ не менѣе Владиславъ IV, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе усилен-

mieszczan religiey katholickiey, tak w obieraniu do urzędow, rad, rzemiosł, cechow y inszych przerogatiw, wszystkim iednostaynie służących, zażywać y z nich cieszyć się nie mogli... przeto my, zważywszy słuszną prozbę, a chcąc wszytkie prawa sacrosancte et intaminate zachować, ponieważ na tem szczęśliwym początku panowania naszego do uspokoienia pewnego te roznicy przypuszczeni są.. pomienionich mieszczan Przemyskich religiey Graeckiey, nie w unii będących, s przedmieszzancami, zarowno z ludzmi catholickimi do wszelakich urzędow y godności, swobod y wolności miastu temu służących, tym listem naszym przypuszczamy“.. et caet.

[1]) Рукоп. сборн. Кіево-печ. Лавры по кат. № 20. А. З. Р. т. V. № 9.

[2]) Археогр. сборн докум. сѣверо-зап. Руси. II. №—34.

[3]) Луцк. гродск. книга, хранящ. въ *Кіев. Центр. Архивѣ*, подъ № 2167, л. 909, и рукоп. сбор. Кіев. Дух. Академія (изъ коллекціи преосв. Макарія) № 209, стр. 9-10. Послѣдній сборникъ, очевидно, находился нѣкоторое время во владѣніи уніатовъ: всюду въ грамотѣ уничтожено *не* предъ словомъ *унія*, вслѣдствіе чего мѣста, гдѣ говорится, что грамота дана *не въ уніи будучимъ* читаются: *въ уніи будучимъ*. Въ грамотѣ, между прочимъ, говорится, что король даетъ ее wygadzaiąc intentiey ich wedlug punctow uspokoienia religiey Greckiey.

[4]) Архивъ Юго-зап. Рос. ч. I, т. VI. № CCLXVI, стр. 656—658.

ныхъ просьбъ православныхъ и даннаго имъ во время упомянутыхъ переговоровъ съ ними обѣщанія, издалъ грамоты, коими предоставлялось православнымъ по одной и по двѣ церкви въ нѣкоторыхъ городахъ, находившіяся передъ тѣмъ во владѣніяхъ уніатовъ. Можно думать, что сдѣлано было это королемъ не безъ согласія на то „государственныхъ чиновъ". По крайней мѣрѣ, въ означенныхъ грамотахъ говорилось, что на прошлой коронаціи, при умиротвореніи людей греческой религіи неунитовъ съ уніатами, *съ согласія на то всѣхъ чиновъ (stanow) коронныхъ и Вел. княжества Литовскаго*, прежде окончательнаго, предположеннаго на будущемъ сеймѣ успокоенія православныхъ (т. е. согласно со статьями успокоенія), королемъ назначено теперь же имъ передать нѣкоторыя церкви въ своихъ владѣніяхъ (dobrach). Извѣстны подобныя распоряженія короля о передачѣ православныхъ церквей въ городахъ: Вильнѣ (двѣ церкви), Минскѣ, Пинскѣ, Могилевѣ, Брестѣ, Кобринѣ, Гроднѣ, Слонимѣ, Новогрудкѣ, Бѣльскѣ, Красноставѣ и Клещеляхъ [1]), кромѣ церквей, предоставленныхъ православнымъ по диплому и грамотамъ нѣкоторымъ іерархамъ (Петру Могилѣ и А. Пузинѣ). Передача церквей православнымъ возложена была на коммиссаровъ, назначенныхъ для сего королемъ.

Такимъ образомъ, если на коронаціонномъ сеймѣ православнымъ не удалось провести „статьи успокоенія" въ полномъ ихъ объемѣ, то, при добромъ содѣйствіи короля, главнѣйшія и существенныя ихъ желанія были удовлетворены.

Но въ Польской Коронѣ, при расшатанности правового порядка и авторитета верховной власти, иногда легче было исхлопотать то или иное постановленіе, исходящее отъ королевскаго имени и даже сейма, нежели воспользоваться имъ фактически. Это въ особенности должно сказать о постановленіяхъ, касавшихся спорныхъ вопросовъ по дѣламъ имущественнымъ, когда юридически оформленныя права нерѣдко приходилось получать или отстаивать вооруженною силою. Подобныхъ примѣровъ исторія Рѣчи Посполитой представляетъ безчисленное множество [2]).

---

[1]) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильны... и проч. ч. II, №№ 92—94. Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ минской губ. №№ 94—95. Археогр. сборн. документовъ сѣверо-зап. Руси. т. II, №№ 101—103. Ibid. Записки игумена Ореста, стр. X. Ibid. т. VI № 82. Древніе акты холмс. епархіи, книги т. I (въ холмскомъ церковно-археолог. музеѣ).

[2]) Характерно выразился о расшатанности юридическихъ устоевъ въ Рѣчи Посполитой Николай Лигенза на сеймѣ 1635 года. „*U nas*—заявилъ онъ—*prawem*

Съ такимъ анормальнымъ явленіемъ въ Польской Коронѣ приходилось имѣть дѣло и православнымъ.

Что касается пріобрѣтенныхъ православными на сеймахъ правъ, не затрогивавшихъ имущественныхъ интересовъ уніатовъ (свобода вѣроисповѣданія, оффиціальное возстановленіе іерархіи, правовое положеніе въ государствѣ и т. п.), то съ ними volens-nolens латино-уніаты, по крайней мѣрѣ большинство ихъ, должны были, какъ съ фактомъ совершившимся, мириться; но заранѣе можно было предвидѣть, что большія затрудненія встрѣтятъ православные, когда будутъ приводиться въ исполненіе распоряженія короля, касающіяся отобранія отъ уніатовъ предназначенныхъ къ тому церквей, и что дѣло въ данномъ случаѣ не обойдется безъ сопротивленія и открытыхъ столкновеній; можно было заранѣе предвидѣть, что въ большинствѣ случаевъ тотъ или иной исходъ по вопросу объ отобраніи церквей будетъ зависѣть отъ перевѣса въ извѣстной мѣстности матеріальной силы на той или другой сторонѣ. Такъ (за малыми исключеніями, обусловливаемыми особыми обстоятельствами) и было на самомъ дѣлѣ.

Петру Могилѣ предоставлена была кіевская митрополія, „при церкви святой Софіи лежачая". Кіево-Софійскій соборъ находился до того времени во власти уніатскаго митрополита Вельямина-Рутскаго, не жившаго въ Кіевѣ, но имѣвшаго здѣсь своего намѣстника Станислава Корсака.

Петръ Могила, послѣ своего посвященія на митрополію, возвращаясь въ Кіевъ, съ дороги разослалъ вліятельнымъ православнымъ лицамъ письма, въ которыхъ усиленно просилъ ихъ прибыть въ означенный городъ *для сопровожденія его при занятіи митрополіи* и присутствованія при торжествѣ ея освященія,— чѣмъ, по словамъ Могилы, и ему доставлена будетъ „выгода", и „тому святобливому акту" придана соотвѣтствующая случаю обстановка. Очевидно, Петръ Могила опасался сопротивленій при отобраніи митрополіи со стороны латино-уніатской партіи, какое опасеніе могло увеличиваться предположеніемъ, что не всѣ кіевляне (разумѣемъ сторонниковъ Исаіи Копинскаго) сочувствуютъ его избранію на первосвятительскую каѳедру. Опасенія эти были преувеличены. Хотя отобраніе кіевской митрополіи отъ уніатовъ совершилось путемъ и немирнымъ, но состоялось еще до пріѣзда Петра Могилы въ Кіевъ, и онъ съ торжествомъ могъ вступить во св. Со-

dochodzić, iakoby w wodzie głubokey zguby szukać (Votum na seym wolny Warszawski, pro ultima die ianuarii w roku 1635 przychodzący, jasnie wielmożnego Mikołaia Spytka Ligezy, z Bobriku na Brzezowie, kasztelana Sendomirskiego, Bielskiego et caet starosty. W. Krakowie, 1635 г.).

фію безъ всякихъ сопротивленій [1]). Возбужденные противъ П. Могилы процессы отъ имени уніатскаго митрополита и его клевретовъ, по поводу „насильственнаго" отобранія отъ нихъ Кіево-Софійскаго собора съ приписанными къ нему церквами и угодьями, не были опасны для нашего митрополита [2]). Унія не имѣла прочныхъ корней въ Кіевѣ и едва влачила здѣсь свое существованіе. И нравственный, и матеріальный перевѣсъ въ этомъ городѣ всецѣло былъ на сторонѣ православныхъ. Притомъ означенные процессы не имѣли прочной юридической подкладки. Кіево-Софійскій соборъ переданъ былъ Петру Могилѣ не только грамотою короля, но и дипломомъ, одобреннымъ всѣмъ сеймомъ. Правда, кромѣ св. Софіи отобраны были у уніатовъ еще три кіевскія нагорныя церкви, не упомянутыя ни въ означенномъ дипломѣ, ни въ королевской грамотѣ Могилѣ на митрополію, именно: св. Николая Десятиннаго, св. Симеона и св. Василія,—но всѣ эти церкви принадлежали къ митрополіи кіевской (находились подъ патронатствомъ митрополитовъ) и съ переходомъ послѣдней къ православнымъ, естественно, должны были перейти къ нимъ. Затѣмъ, хотя упомянутыми документами не представлялось П. Могилѣ „добръ", пріуроченныхъ къ кіевской митрополіи, и они должны были оставаться во владѣніи уніатскаго митрополита (взамѣнъ чего за Могилою оставалась архимандрія Кіево-Печерская и отдавались доходы Никольскаго монастыря), а между тѣмъ при занятіи митрополіи отобраны были и Софійскіе пляцы въ Кіевѣ съ находившимися на нихъ крестьянами,—но эти пляцы и не входили въ число упомянутыхъ дóбръ. Это ясно видно изъ статей успокоенія, гдѣ говорится, что *вотчины митрополіи* должны оставаться за уніатскими митрополитами, самая же св. Софія Кіевская *съ крестьянами, живущими на пляцахъ вокругъ нея, отдается во владѣніе православнаго митрополита*. Поэтому, хотя жалобы уніатовъ на П. Могилу и были сильно поддерживаемы ихъ покровителемъ, кіевскимъ воеводою, но, по указаннымъ выше обстоятельствамъ, практическаго значенія не имѣли.

Новоизбранному луцкому православному епископу Аѳанасію Пузинѣ королемъ предоставлены были особымъ актомъ, глухо упомянутымъ въ дипломѣ, Жидичинскій монастырь, села Теренки и Теремное, а для резиденціи церковь Пресв. Богородицы въ предмѣстьѣ г. Луцка. Всѣ эти „духовныя бенефиціи и добра" находились до того времени во владѣніи уніатовъ. Въ Жидичинскомъ монастырѣ настоятельствовалъ Оранскій, а луцкая церковь и упо-

---

[1]) Кіевск. митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники т. I, стр. 550—551.
[2]) Ibid. *Прилож.* №№ XC—XCI, стр. 540—548.

мянутыя помѣстья принадлежали луцкой уніатской епископіи. Передача Пузинѣ этихъ бенефицій совершилась мирно, и никакихъ протестовъ со стороны представителей уніатской церкви не послѣдовало. Это случилось потому, что заботы короля во время коронаціи—склонить луцкаго уніатскаго епископа Почаповскаго къ мирному соглашенію съ Пузиною и уступить послѣднему нѣкоторыя бенефиціи уніатской епископіи—увѣнчались успѣхомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ король въ грамотѣ, данной А. Пузинѣ. Здѣсь говорится, что добра Теренки „съ принадлежностями" и Теремное, а также Пречистенская церковь на предмѣстьѣ въ Луцкѣ переданы Пузинѣ „za pozwoleniem y ustąpieniem xiędza Poczapowskiego [1]). Не безъ согласія Оранскаго переданъ былъ Пузинѣ и Жидичинскій монастырь. Разумѣется, сказанное сомнѣнію не подлежитъ. Но представляется весьма странною и потому требующею разъясненія такая уступчивость со стороны Почаповскаго и Оранскаго, не менѣе другихъ уніатскихъ духовныхъ лицъ, дорожившихъ своими церковными бенефиціями. *Чѣмъ* была вызвана подобная уступчивость?—По нашему мнѣнію, уступчивость эта есть результатъ небезвыгоднаго для означенныхъ лицъ добровольнаго соглашенія съ православными, учиненнаго при посредствѣ Владислава IV. Мы думаемъ, дѣло происходило такимъ образомъ. Вслѣдствіе возстановленія правъ православной церкви въ томъ объемѣ, какъ оно проектировалось статьями успокоенія, положеніе, въ какое былъ поставляемъ Почаповскій, было для него весьма нежелательнымъ. Въ означенныхъ статьяхъ говорилось: „Луцкое епископство, съ каѳедрою и со всѣми имѣніями, *должно быть передано теперешнимъ луцкимъ владыкою Пачаповскимъ владыкѣ неуниту*, избранному обывателями волынскими, неунитами, и *передано тотчасъ*, какъ только послѣдній получитъ привилегію отъ короля на коронаціонномъ сеймѣ. Послѣ того Почаповскій, сохраняя титулъ епископа луцкаго, переселится въ Жидичинскій монастырь и будетъ владѣть имъ до своего перемѣщенія или смерти; преемникъ же его уніатскій епископъ уже не будетъ называться луцкимъ". Правда, на коронаціонномъ сеймѣ статьи успокоенія не были утверждены въ полномъ ихъ видѣ, и въ томъ числѣ осталось безъ исполненія и предположеніе о перемѣщеніи въ Жидичинскій монастырь Почаповскаго. Но послѣдній, ознакомленный съ воззрѣніями короля и вообще съ положеніемъ дѣлъ, не могъ не сознавать, что это только вопросъ времени и притомъ недалекаго. Поэтому, когда Владиславъ IV предложилъ ему пойти на добровольныя уступки

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI, № CCLXVIII.

новоизбранному православными луцкому епископу, Почаповскій воспользовался этимъ и въ свою очередь заявилъ извѣстныя требованія отъ своего имени. Словомъ, онъ пожелалъ войти съ Владиславомъ IV и православными въ сдѣлку. Имѣемъ основаніе думать, что сдѣлка эта состояла въ слѣдующемъ: Почаповскій соглашался поступиться нѣкоторыми принадлежавшими ему бенефиціями Пузинѣ, но съ условіемъ, чтобы остальныя „добра" луцкой уніатской епископіи оставались за нимъ и онъ до своей смерти оставался епископомъ statu quo,—словомъ, требовалъ новой редакціи статей успокоенія *по отношенію къ себѣ.* Повторяемъ, что такая сдѣлка для Почаповскаго была небезвыгодна. Но могли считать ее таковою и православные, и въ частности Пузина. Во 1-хъ, они получали довольно богатую Жидичинскую обитель и часть имѣній, принадлежавшихъ уніатамъ, и притомъ, что особенно важно, получали путемъ мирнымъ; во 2-хъ, преклонныя лѣта Почаповскаго давали основаніе думать, что переходъ остальныхъ бенефицій луцкой епископіи въ ихъ владѣніе есть вопросъ недалекаго будущаго (въ чемъ и не ошиблись). Въ подобное же соглашеніе православные, при посредничествѣ Владислава IV, вошли и съ Оранскимъ, которому королемъ обѣщано было соотвѣтствующее занимаемому имъ дотолѣ положенію мѣсто,—каковое обѣщаніе королемъ тогда же на сеймѣ и было исполнено [1]. Надо полагать, что всѣ указанныя нами сдѣлки между заинтересованными лицами были оформлены посредствомъ соотвѣтствующихъ актовъ... Наше предположеніе, что изложенное дѣло происходило такимъ именно образомъ находитъ для себя подкрѣпленіе въ королевской привилегіи, которою на сеймѣ 1635 года подтверждены были статьи успокоенія. Въ этой привилегіи королемъ сдѣланы были нѣкоторыя отступленія отъ означенныхъ статей, и существеннѣйшія изъ нихъ касаются луцкой епископіи: именно, она со всѣми принадлежащами ей бенефиціями (кромѣ упомянутыхъ, уступленныхъ А. Пузинѣ въ 1633 году) оста-

---

[1]) „Подъ часъ вспокоення порозненного народу русского, за счасливое елекціи (и) коронаціи Его Королевской милости, *взглядомъ затриманое архимандрии Жидичинское конферованый есть монастырь Святаго Спаса въ Володимеру его милости отцу Пахомему Войне Оранскому и поданый есть правне* (изъ протестаціи отъ имени Оранскаго противъ владимірскаго уніатскаго епископа, вслѣдствія „заѣхавшаго" означенный монастырь и „отнявшаго" его у Оранскаго вопреки королевскому привилею. См. *гродскую Володимірскую книгу за 1631 г.*, хранящуюся въ Кіевс. Центральномъ Арх. подъ № 1001, л. л. 1091—1092.—„Наѣздъ" на монастырь въ количествѣ 50 вооруженныхъ людей и отнятіе его *случилось 1633 года, ноября 19-го.* (Той же книги см. л. л. 34, 35 и 36).

валась за Почаповскимъ пожизненно и только по смерти его имѣла быть передана православнымъ (въ статьяхъ успокоенія—какъ мы видѣли—сказано, что она послѣднему должна быть передана немедленно). При этомъ король, допустивъ столь существенное отступленіе отъ прежняго, ствержденнаго его присягою постановленія, не дѣлаетъ относительно сего *никакихъ объясненій* (каковыя объясненія были бы необходимы, если предположить, что измѣненіе относительно луцкой епископіи вызывалось особыми, неизвѣстными православнымъ обстоятельствами); мало того, король находитъ возможнымъ заявлять, что *онъ пребываетъ вѣрнымъ статьямъ успокоенія.* И сами православные, ревностно защищавшіе постановленія относительно своей церкви, состоявшіяся на конвокаціонномъ сеймѣ, не заявили протестовъ по поводу означеннаго королевскаго распоряженія. Все это, безъ предварительныхъ предполагаемыхъ нами соглашеній между заинтересованными въ дѣлѣ сторонами, было бы явленіемъ въ высшей степени страннымъ и положительно необъяснимымъ.

Для приведенія въ исполненіе королевскаго распоряженія объ отобраніи отъ уніатовъ извѣстнаго количества церквей въ другихъ городахъ и передачѣ ихъ православному населенію назначены были особые коммиссары, снабженные соотвѣтствующими полномочіями. Православные, и во главѣ ихъ нашъ митрополитъ, прилагали всѣ возможныя старанія къ тому, чтобы дѣло это увѣнчалось желаемымъ для нихъ успѣхомъ.

Заботливость Петра Могилы въ данномъ случаѣ выразилась въ слѣдующемъ:

1) Онъ разсылалъ грамоты православнымъ, въ коихъ, восхваляя ихъ стойкость въ праотцевской вѣрѣ и ободряя ихъ на дальнѣйшіе подвиги при борьбѣ съ противниками, *позволялъ и благословлялъ* отправлять богослуженіе въ тѣхъ церквахъ, которыя, по распоряженію короля, будутъ отобраны отъ „апостатовъ" и возвращены имъ—православнымъ [1]). Этими грамотами имѣлось въ виду устранить могущее возникнуть въ средѣ православныхъ сомнѣніе,—возможно ли пользоваться церквами, „оскверненными" въ предшествующее время уніатами.

2) Уполномочилъ назначенныхъ королемъ коммиссаровъ для передачи православнымъ церквей—князя Григорія Четвертинскаго и пана Семена Гулевича—занести въ гродскія луцкія книги списокъ тѣхъ городовъ и мѣстечекъ, въ коихъ согласно постановле-

---

[1]) Рукоп. сборн., хранящійся въ Москов. Синод. типограф. Библ. № 1097—442; л. 19.

нію, состоявшемуся во время избирательнаго сейма, должно быть предоставлено православнымъ извѣстное количество церквей [1]). Занесеніе въ судебныя книги означеннаго списка, *не утвержденнаго на коронаціонномъ сеймѣ*, имѣло цѣлью показать, что православные отнюдь не желаютъ отказываться отъ своихъ правъ на предназначенныя имъ церкви, и что предстоящая передача, согласно распоряженію короля, нѣкоторыхъ, сравнительно со спискомъ, немногихъ церквей, составляетъ только частичное удовлетвореніе данныхъ имъ (православнымъ) на конвокаціонномъ сеймѣ по сему предмету обѣщаній.

3) Назначалъ изъ среды духовенства наиболѣе способныхъ лицъ, въ качествѣ своихъ представителей, присутствовать при передачѣ православныхъ церквей и вообще содѣйствовать успѣху въ этомъ дѣлѣ, давалъ имъ соотвѣтствующія инструкціи и полномочія [2]), одобрялъ и поощрялъ православныхъ къ ревностной защитѣ пріобрѣтенныхъ ими правъ [3]), посылалъ вліятельнымъ людямъ и изъ противнаго лагеря письма, гдѣ, выставляя на видъ, сколько вреда принесли раздоры изъ-за религіозныхъ вопросовъ въ средѣ одного и того же народа, одной и той же братіи, просилъ ихъ содѣйствовать, согласно волѣ короля, успокоенію православныхъ и не дѣлать имъ затрудненій при предстоящей передачѣ церквей [4]),—словомъ, какъ верховный представитель западно-русской церкви, принималъ самое живое и дѣятельное участіе по означенному дѣлу въ интересахъ православія.

Къ сожалѣнію, эти заботы П. Могилы и вообще всѣхъ православныхъ далеко не всегда сопровождались желаемымъ успѣхомъ. Сколько извѣстно, только въ Могилевѣ всѣ предназначенныя православныя церкви были безпрепятственно переданы имъ, не возбуждая протестовъ противной стороны [5]). Послѣднее, безъ сомнѣнія, зависѣло отъ того, что унія въ Могилевѣ не имѣла прочной опоры, и упомянутыя церкви не находились въ фактическомъ владѣніи уніатовъ (онѣ были запечатаны). Но въ другихъ городахъ, гдѣ уніаты чувствовали подъ собою болѣе прочную почву, грамоты короля объ отобраніи у нихъ церквей вызвали въ средѣ ихъ сильное волненіе, и мы видимъ, что нѣкоторые коммиссары, въ виду протестовъ со-

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI. № CCLXVI.

[2]) Рукоп. сборн., въ библ. Кіево-печ. лавры, № 20, л. 30.

[3]) Idid. л. 10.

[4]) Ibid. л. 27.

[5]) Археогр. сборникъ докум. Сѣверс-Зап. Руси. т. II Записки игумена Ореста, стр. X).

стороны уніатовъ, не рѣшаются приводить въ исполненіе королевскаго распоряженія (во избѣжаніе—какъ иногда заявляли—кровопролитія), и церкви по прежнему остаются во владѣніи уніатскаго духовенства или же отбираются православными иными способами, уже послѣ отъѣзда слабосильныхъ (а иногда своей обязанности и не сочувствовавшихъ) исполнителей королевской воли; а въ иныхъ случаяхъ, когда коммиссарами являются люди энергичные и притомъ отличавшіеся ревностью къ православію, хотя предназначенныя королемъ церкви и передаются православнымъ, но вскорѣ послѣ отъѣзда коммиссаровъ вновь захватываются уніатами.

Отмѣтимъ факты, подтверждающіе сказанное.

Въ Вильнѣ грамотою короля предназначены были къ передачѣ православнымъ двѣ церкви: св. Параскевы (Пятницкая) и св. Іоанна Предтечи, или, точнѣе, пляцы этихъ церквей „съ принадлежностями“, такъ какъ самыя церкви представляли въ то время развалины. Но когда королевскій коммиссаръ (Константинъ Евстафій Залѣсскій), побуждаемый къ тому Виленскимъ Свято-Духовскимъ братствомъ, выѣхалъ на означенные пляцы для передачи ихъ православнымъ, то встрѣтилъ на пляцѣ Предтеченскомъ о. Николая Рубинскаго, уніатскаго пресвитера церкви св. Пречистой, а на Пятницкомъ—о. Сильвестра Котлубая, которые отъ своего имени и отъ имени митрополита (уніатскаго) воспротивились означенной передачѣ и въ этомъ смыслѣ вручили коммиссару письменное заявленіе. Послѣдній не пожелалъ воспользоваться предоставленною ему властью и (nie czyniąc żadney decyzii) ограничился тѣмъ, что о происшедшемъ донесъ королю; къ нему же обратиться за рѣшеніемъ дѣла предоставилъ и обѣимъ сторонамъ, назначивъ для сего опредѣленное время [1]).

Въ Минскѣ подлежала передачѣ православнымъ Свято-Троицкая церковь. Назначенный для сего королевскою грамотою коммиссаръ—земскій писарь воеводства минскаго Христофоръ Володкевичъ—отнесся къ своей обязанности съ бо́льшимъ вниманіемъ, нежели упомянутый Залѣсскій, но встрѣтилъ энергичное сопротивленіе со стороны уніатовъ. Сначала представители уніатскаго духовенства въ Минскѣ заявили коммиссару, что имъ якобы не выполнена судебная формальность: они поздно извѣщены объ отобраніи у нихъ церкви. Володкевичъ не вступилъ въ препирательство по этому поводу и вручилъ уніатамъ вторичное извѣщеніе о возложенномъ на него порученіи, назначивъ для выполненія его новый срокъ

[1]) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ: Вильны и проч. ч. II №№ 94—95.

(26 іюля). Но когда къ назначенному времени онъ прибылъ въ Минскъ и вмѣстѣ съ судебными властями и православными—духовенствомъ и шляхтою—отправился къ Троицкой церкви, то встрѣтилъ здѣсь огромную толпу уніатовъ и во главѣ ея—митрополичьяго намѣстника Игнатія Шоповича, прокуратора минскихъ монастырей Іосифа Бокія, а также троицкаго священника. Многіе изъ уніатовъ заняли преддверіе церкви (бабинецъ) и были вооружены. Когда коммиссаръ прочелъ королевскую грамоту и на основаніи ея хотѣлъ передать церковь православнымъ, уніаты не допустили его до этого („учинили явное сопротивленіе") и вручили Володкевичу протестацію, предварительно громко прочитавши ее. Здѣсь они заявляли, что на коронаціонномъ сеймѣ статьи успокоенія не были утверждены, и сужденіе о нихъ отложено до будущаго сейма, а потому, хотя по этимъ статьямъ и предназначено передать неуніатамъ церковь въ Минскѣ, но исполненіе сего въ данный моментъ преждевременно. Православные (Петро-Павловскій игуменъ Ѳеофилактъ Заяцъ) возражали, что статьями успокоенія предназначено распредѣлить церкви въ городахъ между „неунитами и унитами" соотвѣтственно численности тѣхъ и другихъ (według proporcyi), но такъ какъ депутаты на коронаціонномъ сеймѣ не согласились на это, и окончательное рѣшеніе по данному вопросу отложено до будущаго сейма, то милостивый король, желая хотя отчасти удовлетворить просьбы православныхъ, приказалъ передать имъ, по крайней мѣрѣ, по одной церкви въ нѣкоторыхъ городахъ, каковое королевское распоряженіе и должно быть приведено въ исполненіе коммиссаромъ.—Уніатскій игуменъ отвѣтилъ на это, что королевскія грамоты имѣютъ частный характеръ и, какъ выпрошенные *ad male narrata, не обязательны для уніатовъ*, причемъ присовокупилъ, что и предназначенная къ отобранію отъ нихъ Свято-Троицкая церковь сооружена ими, уніатами, и, слѣдовательно, уже по одному этому не можетъ быть передана православнымъ.— Это заявленіе вызвало оживленныя возраженія со стороны православныхъ, особенно по вопросу о томъ, кѣмъ сооружена была Свято-Троицкая церковь. „Не десять лѣтъ тому назадъ, а еще въ то время, когда объ уніи не было и слышно",—говорилъ Петро-Павловскій игуменъ,—„означенная церковь построена была нами—православными, и живы еще нѣкоторыя лица, которыя ее строили; затѣмъ она сгорѣла и въ 1603 году возобновлена нами же". Справедливость этихъ словъ удостовѣряли находившіеся въ толпѣ прихожане Свято-Троицкой церкви. Затѣмъ православные заявили, что о лживости завѣреній уніатовъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ самый „звонъ", находящійся на Свято-Троицкой колокольнѣ. На

этомъ „звонѣ“ находится надпись, гласящая, что онъ въ 1612 г. отлитъ въ Гданскѣ иждивеніемъ (nakładem) минскаго мѣщанина Михаила Савича при содѣйствіи прочихъ прихожанъ Свято-Троицкой церкви и отданъ на хвалу Божію *по обряду православному* (względem posłuszenstwa patriarchi Konstantinopolskiego). Православные просили коммиссара удостовѣриться въ справедливости сказаннаго ими: разсмотрѣть означенную надпись. Но когда тотъ поручилъ „возному генералу“ отправиться на колокольню съ означенною цѣлью, уніаты оказали ему сопротивленіе и „замкнули дзвоницу“. Православные, опасаясь, чтобы противная сторона не уничтожила надписи на колоколѣ, просили коммиссара „арестовать звонъ“: приставить стражу изъ прихожанъ, живущихъ около церкви, дабы они не допускали уніатовъ дѣлать какія-либо поврежденія на звонѣ. Коммиссаръ вновь приступилъ было къ передачѣ церкви православнымъ, но вновь встрѣтилъ со стороны уніатовъ сильное сопротивленіе (stawszy z tumultem bronili y nie dopuszczali), а посему, опасаясь возмущенія и пролитія крови, ограничился составленіемъ соотвѣтствующаго происшествію акта и, выдавъ съ него копію, отослалъ его на благоусмотрѣніе короля [1]).

Въ Пинскѣ, согласно королевской грамотѣ, православнымъ имѣла быть переданною церковь св. Ѳедора Тирона. Коммиссаромъ для этого назначенъ былъ Ѳедоръ Корсакъ (уніатъ). Здѣсь королевское распоряженіе встрѣтило тоже протесты со стороны уніатскаго духовенства и опять подъ прикрытіемъ того предлога, что о передачѣ православнымъ означенной церкви не упомянуто въ дипломѣ, одобренномъ сеймомъ. Коммиссаръ удалился, оставивъ церковь во владѣніи уніатовъ. Но, очевидно, перевѣсъ матеріальной силы въ Пинскѣ былъ на сторонѣ православныхъ. Еще въ предшествовавшее царствованіе имъ удавалось, и не разъ, возвращать отъ уніатовъ свою древнюю Ѳеодоровскую церковь, хотя и не надолго. Теперь же сдѣлать это (воспользовавшись своею численностью) православные могли съ бо́льшимъ правомъ. Такъ они и поступили: когда на третій день послѣ отъѣзда коммиссара уніатскій священникъ, по обычаю, въ третьемъ часу утра отправился въ Ѳеодоровскую церковь для совершенія богослуженія, онъ нашелъ ее отпертою и наполненною молящимися православными. На этотъ разъ уже уніатамъ приходилось вчинять судебные иски противъ православныхъ [2]).

---

[1]) Собраніе древн. грамотъ и актовъ минской губ. № 95.

[2]) Археогр. сборникъ документовъ Сѣверо-Западн. Руси. VI. № 82.

Повидимому, еще удачнѣе пошли было дѣла православныхъ *въ Бѣльскѣ*, гдѣ королевскою грамотою имъ предназначена была къ передачѣ церковь Богоявленія, и *въ Клещеляхъ*, гдѣ они должны были получить церковь св. Николая. Коммиссаромъ для передачи означенныхъ церквей назначенъ былъ земскій луцкій писарь Семенъ Гулевичъ Воютинскій, извѣстный своею ревностью къ православію и избранный уже православными однимъ изъ кандидатовъ на перемышльскую епископію. Послѣ предварительныхъ сношеній и переговоровъ съ Бѣльскими братчиками, Гулевичъ 24 іюля (по старому стилю) прибылъ въ Бѣльскъ и въ этотъ же день въ присутствіи митрополичьяго намѣстника о. Өеофила (нарочито командированнаго сюда П. Могилою „для отысканія отъ уніатовъ церкви“), многочисленнаго собранія дворянъ воеводства подляшскаго и мѣстныхъ обывателей, безпрепятственно отомкнулъ Богоявленскую церковь и передалъ ее „упривилегированному Бѣльскому православному братству со всею утварью и всѣми принадлежностями: школою, госпиталомъ, поповскимъ домомъ и церковными грунтами. Разумѣется, безъ протестовъ со стороны уніатовъ дѣло не обошлось, но эти протесты, хотя „барзо злые и фальшивые“, на первыхъ порахъ были только письменные, и православные безпрепятственно стали отправлять богослуженіе въ возвращенной имъ церкви. Но радость ихъ была непродолжительна: въ ихъ владѣніи церковь находилась только пять недѣль. Владимірскій уніатскій епископъ лично посѣтилъ Бѣльскъ, безъ сомнѣнія, съ цѣлью подготовить почву для противодѣйствія православнымъ, и затѣмъ прислалъ сюда своего намѣстника Симоновича, который, сговорившись съ мѣстнымъ уніатскимъ протопопомъ, священниками и нѣкоторыми членами магистрата, отправился въ костелъ и здѣсь произнесъ зажигательную рѣчь противъ православныхъ. Нафанатизированная толпа, запасшись оружіемъ, съ крикомъ и шумомъ подступила къ церкви Богоявленія, отбила церковные замки и передала ее во власть уніатскаго духовенства [1]). Въ это время, надо полагать, произведено было сильное давленіе и на тѣхъ бѣльскихъ гражданъ, которые отреклись было отъ уніи (принадлежа къ ней прежде наружно, страха ради іудейска) и присоединились къ православію. Изъ письма бѣльскихъ братчиковъ къ Петру Могилѣ, писанному по означенному случаю, видно, что въ это время настали времена Сигизмундовскія: „новонарожденныхъ отрочатъ крестити (читаемъ здѣсь), хорихъ и хотячихъ се сповѣдати, мертвыхъ погребати, сильне намъ, правовѣрнымъ, (уніаты) не допу-

---

[1]) Ibid. т. II. № 102—103. Рукописный Сбор. Кіево-печ. Лавры № 20, л. 31.

скають, але до себе презъ мусъ гвалтовне з'пострахами приневоляють и притягають зъ неутоленными слезами нашими"[1]).

Тоже было и въ Клещеляхъ. Благополучно возвращенная православнымъ чрезъ Гулевича Николаевская церковь, благодаря усиліямъ того же Симоновича, вновь была отнята у нихъ (запечатана)[2]).

Сопротивленіе оказано было коммиссарамъ при исполненіи ими королевскаго распоряженія о передачѣ православнымъ церквей и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, напр., Гроднѣ, Слонимѣ, Новогрудкѣ, Сокалѣ, Красноставѣ и др.[3]).

Всѣ эти протесты, независимо отъ упомянутой нами слабости королевской власти въ Польшѣ, были слѣдствіемъ усилившагося фанатизма ультра-католической партіи, которая, враждебно относясь къ политикѣ новаго царствованія по вопросу о религіозной вѣротерпимости, напрягала всѣ усилія къ тому, чтобы воспрепятствовать осуществленію добрыхъ начинаній короля. Какъ на образчикъ подобныхъ усилій, разсчитанныхъ возжечь пламя религіозной нетерпимости въ сердцахъ „добрыхъ" уніатовъ и католиковъ, укажемъ на „казанья" придворнаго проповѣдника Фабіана Бирковскаго, произнесенныя имъ на конвокаціонномъ сеймѣ 1632 года и тогда же напечатанныя, а затѣмъ два раза изданіемъ повторенныя и въ 1633 году, причемъ на этотъ разъ съ особымъ посвященіемъ уніатскому митрополиту Вельямину-Рутскому. Въ означенныхъ казаньяхъ Бирковскій, принадлежавшій къ ордену Доминиканскому, но котораго іезуиты, по всей справедливости, могли считать *своимъ присным*ъ[4]),—не обинуясь говорилъ, что права, дарованныя пра-

---

[1]) Рукоп. Сбор. Кіево-печер. Лавры, № 20; л. 31.

[2]) Древніе акты Холмской епархіи (въ Холмскомъ церковно-арх. музеѣ) кн. I.

[3]) Ibid. О Красноставѣ см. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. I. т. VI. № CCLXXI.

[4]) Іезуитъ Адамъ Маковскій въ своемъ казаньи, произнесенномъ 10 декабря 1636 г. при погребеніи Фабіана Бирковскаго (*Obraz Wielebnego oyca Fabiana Birkowskiego z zakonu Dominika swiętego doktora, wystawiony na kazaniu pogrebnym*, et caet. Krakow 1637 г.), указавъ на тѣсныя связи почившаго съ орденомъ іезуитовъ, — восклицаетъ: „Własnie noster iest... w Athenach snadź, aboli w Rzymie, parę pacholąt na podziw wystawiono było, oba rożnych rodzicow y z miasta inszego, a iednak tak sobie wzrostem, mową, chodem, obyczayami y urodą podobnych, że kto imion i nazwisk ich nie wiedział, rzecz była nie podobna, aby iednego od drugiego rozeznał... *Amicus*, powiedział ieden, *alter ego*, co się między nami y oycami nalazło, a *w osobie oyca Fabiana prawie dobrze wykonteferowało*" (Казанье Маковскаго перепечатано въ изд. *Biblioteka Polska*, ser. na rok 1859, zeszyt 36, 37, 38, 39, но съ нѣкоторыми, весьма незначительными, впрочемъ, уклоненіями отъ подлинника и съ измѣненіемъ ореографіи. По первому изданію приведенное нами мѣсто находится на стр. 7 и 8.

вославнымъ, не имѣютъ юридическаго значенія, коль скоро на дарованіе ихъ согласились *не всѣ католики*. Поэтому православные (и диссиденты) напрасно торжествуютъ. „Nicеście — говорилъ онъ, обращаясь къ нимъ — nie wygrali, marnie są triumfy waszi". Дерзость и фанатизмъ проповѣдника не знаютъ предѣловъ: они простираются до того, что онъ въ безумномъ ослѣпленіи отваживается сравнивать религіи диссидентскія, а въ томъ числѣ и *православную*, съ *непотребными учрежденіями*, терпимыми только по причинѣ человѣческой распущенности! (Jako miasta niektóre próżnych domów dla swawolnych ludzi dopuszczają, non tam libenter, quam reverenter, tak waszych religiy luterskich i kalwinskich i arianskich i *nalewajkowskich*) [1]).

Разумѣется, казанья Бирковскаго не единственный примѣръ подобныхъ отношеній къ православной церкви. Предшествовавшее царствованіе — царствованіе іезуитовъ въ дѣлахъ по вопросамъ религіознымъ—воспитало не мало изувѣровъ, считавшихъ православіе „проклятою схизмою", искорененіе которой представлялось однимъ изъ самыхъ достопочтенныхъ и богоугодныхъ дѣлъ.

Неудивительно поэтому, что несмотря на королевскія грамоты, ограждающія православныхъ отъ притѣсненій, вспышки латино-уніатскаго фанатизма противъ „схизматиковъ" были возможны даже и тогда, когда, повидимому, не затрогивались матеріальные интересы латино-уніатовъ, какъ при отобраніи церквей; одна изъ такихъ вспышекъ, напоминающая собою времена Сигизмундовскія, из-

---

[1]) O exorbitancyach, kazania dwoje przeciwko niewiernym, heretikom, odszczepencom y nowim politikom, wierze s. katolickiej Rzymskiej y duchowenstwu nieprzyiaciołom.. Первое изданіе (безъ посвященія Рутскому) перепечатано въ изданіи: *Biblioteka Polska*. Serya na r. 1859, zeszyt 36—39. Изданія 1633 г. носятъ слѣдующее заглавіе: Exorbitancye Ruskie z Grekow odszczepencow, heretyckie z konfederatow. Kazania dwoie. (Krakow. 1633). Въ посвященіи Рутскому Бирковскій говоритъ, что бывшія на сеймахъ пренія приводятъ ему на мысль судъ передъ Соломономъ между двумя матерями, жившими въ одномъ дому, но „не въ одникхъ обычаяхъ". Дурная мать, задушивши собственнаго ребенка, замѣнила его живымъ другой матери и усиливалась доказывать на судѣ, что онъ ея собственный; а когда премудрый Соломонъ, съ цѣлію узнать дѣйствительную мать живого ребенка, предложилъ судившимся разсѣчь его на двое, ложная мать кричала: *не тебѣ, не мнѣ; сѣките его на двое*. Разумѣется, по Бирковскому, дурною матерью оказывается православная церковь, которая обѣими ужъ ногами стоитъ въ пеклѣ и рождаетъ только мертвыхъ дѣтей, а между тѣмъ стремится отнять у св. уніи ея достояніе, требуетъ, чтобы отъ уніатовъ отобраны были церкви, епископіи, митрополія, архимандріи... Для чего это дѣлается? спрашиваетъ Бирковскій,—и даетъ слѣдующій отвѣтъ: *Solus ut in vacua regnet basiliscus arena*.

вѣстна.—24 мая 1634 года въ Луцкѣ католики совершали церковную процессію по случаю праздника Тѣла Господня. Подъ тѣмъ предлогомъ, что въ православномъ монастырѣ, принадлежавшемъ луцкому братству, не производилось церковнаго звона, отцы іезуиты луцкой коллегіи со множествомъ своихъ слугъ и другихъ участвовавшихъ въ процессіи лицъ (всего человѣкъ до ста), съ саблями, ружьями, кольями, камнями, ворвались въ монастырскій дворъ и, раздѣлившись на партіи, производили здѣсь буйства и опустошенія. Одни, взобравшись на колокольню, забили въ колокола (чрезъ что толпа папистовъ еще болѣе увеличилась), другіе ворвались въ церковь, опрокидывая здѣсь подсвѣчники, срывая завѣсы и т. п., третьи вторглись въ училище, богадѣльню, братскія кельи, били и увѣчили всѣхъ попадавшихся подъ руку — учениковъ, богадѣльныхъ старцевъ и старицъ и поповъ,—причемъ избитъ былъ самъ игуменъ, у многихъ выбиты были зубы, подбиты глаза, а у учителя Босынскаго отрубленъ палецъ на правой рукѣ. Во время этого буйства разбиты два сундука съ деньгами, которыя и были похищены. Значительно пострадали и самыя монастырскія зданія. Буйства въ Луцкѣ продолжались и въ слѣдующіе дни: сдѣлано было нападеніе на домъ одного православнаго, православныхъ, показывавшихся на улицахъ, схватывали, били и сѣкли, причемъ одинъ дворянинъ, служившій при дворѣ Пузины (православнаго луцкаго епископа), былъ замученъ до смерти [1]).

Случалось, что и сеймовое постановленіе (дипломъ), коимъ предоставлялось православнымъ епископамъ „пользоваться всѣми своими правами и обязанностями надъ всѣми ненаходящимися въ увіи“,—встрѣчало сопротивленіе со стороны рьяныхъ приверженцевъ папизма. Извѣстна жалоба луцкаго епископа Аѳанасія Пузины на жену виленскаго воеводы Анну Ходкевичъ, урожденную княжну Острожскую,характеризующая положеніе православныхъ, находившихся подъ властью *владѣльцевъ папистовъ* (по отношенію къ церквамъ, находившимся въ ихъ владѣніяхъ, такъ называемыхъ *патроновъ*). Пузина заявляетъ, что онъ позванъ былъ княземъ Чарторыйскимъ въ г. Корецъ для погребенія княжны Серафимы, игуменьи Корецкой, каковое и совершилъ. Узнавъ, что въ то время прибыла въ Корецъ и Анна Ходкевичъ, епископъ сдѣлалъ ей визитъ („врожоной людскости звычайный поклонъ“) и, пользуясь случаемъ, просилъ „воеводину“ дозволить ему произвести ревизію церквей, находившихся въ ея владѣніяхъ, о чемъ ходатайствуютъ его пасомые, долго не имѣвшіе своихъ архипастырей, и на что онъ, согласно со-

[1]) Архивъ Юго-Зап. Россіи. ч I. VI. №№ CCLXXVIII, CCLXXVI.

изволенію короля и Рѣчи Посполитой, имѣетъ полное право. Но Ходкевичъ, въ присутствіи многочисленныхъ бывшихъ у нея въ то время именитыхъ гостей, не дала епископу просимаго позволенія: „визитовать и ревидовать заборонила" и сдѣлала распоряженіе— „мѣсто свое и церкви замыкать и печатовать", а также: „особамъ духовнымъ и светскимъ послушенство отдавать (Пузинѣ) заказала, за епископа и пастыра имъ (православнымъ подданнымъ) належнаго вызнавать заборонила, до церквей, такъ въ местахъ, яко селахъ своихъ будучихъ, не пускать и моцно боронить казала". Дѣйствительно, когда А. Пузина, прибывъ въ Острогъ, хотѣлъ произвести ревизію въ мѣстной каѳедральной церкви, оказалось, что церковныя принадлежности изъ нея были, по приказанію Ходкевичъ, забраны, самая церковь запечатана шестью печатями и къ ней приставлена денная и ночная стражи. Не допущенъ былъ Пузина до ревизіи и другихъ церквей, находившихся въ г. Острогѣ [1]).

Въ это время самъ П. Могила получилъ огорченіе, и оттуда, откуда, повидимому, его ожидать было нельзя. Состоялось королевское распоряженіе о закрытіи Винницкой школы, основанной митрополитомъ, по всей вѣроятности, въ половинѣ 1634 года, и объ низведеніи коллегіи Кіевской на уровень низшаго учебнаго заведенія. До насъ дошли три письма отъ имени короля по означенному предмету: одно къ самому П. Могилѣ (отъ 29 октября 1634 г.), другое къ винницкому старостѣ (отъ того же числа) и третье къ воеводѣ кіевскому (27 ноября 1634 г.).

„Напоминали твоей велебности—писалъ король нашему митрополиту—и напоминали строго, чтобы болѣе не позволялъ себѣ превышенія правъ и дарованными пользовался скромно. Таково однако велебности твоей послушаніе, что доселѣ воли и приказанія нашего, къ великому прискорбію нашему, не выполнилъ. Посему приказываемъ велебности твоей, чтобы, не дожидаясь другого письма и не обращаясь къ намъ ни съ какимъ разъясненіемъ, тотчасъ же и латинскую типографію и школы латинскія уничтожилъ (zniosl) такъ, чтобы ихъ ни въ Кіевѣ, ни въ Винницѣ и ни въ какомъ иномъ мѣстѣ не было. И если это безъ всякаго промедленія, тотчасъ же на самомъ дѣлѣ не будетъ исполнено, и школы съ типографіею не будутъ уничтожены, знай о томъ, велебность твоя, что мы прикажемъ инстигатору нашему выдать мандаты, и непослушаніе велебности твоей,—вслѣдствіе котораго, по наущеніямъ чернцевъ, бунты и своеволія въ Винницѣ происходятъ,—строго будемъ карать. Сверхъ того приказываемъ велебности твоей, чтобы чернцевъ

---

[1]) Ibid. ч. I. т. VI. № CCLXII.

Аѳанасія Ивашкевича, игумена Варлаама Литопольскаго и Христофора Кальнофойскаго непремѣнно отозвалъ и тотчасъ оттуда, какъ бунтовщикамъ, приказалъ выѣхать" [1]).

Въ письмѣ къ Винницкому старостѣ король пишетъ: „Мы удивляемся, что вельможность твоя, имѣя отъ насъ ясное и опредѣленное предписаніе, не выполнилъ нашей воли, вслѣдствіе чего своеволіе въ Винницѣ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе увеличивается. Поэтому желаемъ и напоминаемъ вельможности твоей опредѣленно, дабы по полученіи нашего письма безъ всякаго уже промедленія и отсрочекъ латинскія школы, открытыя схизматиками безъ нашего вѣдома и воли, а напротивъ, вопреки приказанію,—тотчасъ закрылъ и ни подъ какимъ видомъ не допускалъ ихъ существованія въ Винницѣ. При этомъ желаемъ, дабы вельможность твоя поукротилъ и уничтожилъ своеволіе ихъ учениковъ: ибо мы не хотимъ, чтобы студенты отцевъ іезуитовъ и сами отцы претерпѣвали отъ нихъ угнетеніе и неудобства (angarie y niewczas) о чемъ и самъ, в. твоя, позаботишься и чинамъ своимъ (urzędowi swemu) строго накажешь" [2]).

---

[1]) Wladysława IV, krola polskiego... listy i inne pisma urzędowe, ktore do znakomitych w kraiu mężow z kancelaryi krolewskiej wychodziły. Z rękopismow zebrał *Ambr. Grabowski.* Krakow. 1845 г. Грабовскій не указываетъ источниковъ, откуда извлечены имъ издаваемые документы. Восполнимъ этотъ пробѣлъ: они цѣликомъ и въ томъ же порядкѣ перепечатаны имъ съ рукописи, хранящейся въ Краковскомъ Университетѣ подъ № 94, гдѣ означенная грамота помѣщена на стр. 28—29. Въ рукописи она помѣчена данною *изъ Томашева*, а у Грабовскаго—изо *Львова.* Разумѣется, въ данномъ случаѣ отступленіе Грабовскаго отъ подлинника обусловливалось тѣмъ, что 29 октября 1634 года Владиславъ IV былъ во Львовѣ (онъ прибылъ сюда 26 октября и пробылъ здѣсь цѣлый мѣсяцъ,—см. *Pamiętniki Radziwilla*, I. str. 223 и 225); но дѣлать такія отступленія отъ источниковъ отнюдь не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе безъ оговорокъ. Въ данномъ случаѣ указаніе на составленіе грамоты въ Томашевѣ, гдѣ король въ означенное время не находился, можетъ быть объясняемо не ошибкою со стороны составителя письма, что, очевидно, предполагалъ Грабовскій, а иначе, - именно, что письмо составлено по происканъ латино-уніатской партіи *канцеляріею королевскою*, даже—можетъ быть—безъ вѣдома короля. Въ означенныхъ письмахъ обращаетъ вниманіе также то, что П. Могила не называется (не титулуется) *митрополитомъ*, а только *архимандритомъ:* пріемъ (относительно умаленія титуловъ православныхъ іерарховъ, т. е. какъ бы непризнанія за ними ихъ сана), нерѣдко практиковавшійся латино-уніатскою партіею и вызывавшій энергичные протесты со стороны православныхъ. (См. относительно сего гродс. Владим. книгу, хранящуюся въ Кіев. Центр. Архивѣ, № 1004, л. 1140).

[2]) Ibid. По рукоп. стр. 28—29. Письмо тоже помѣчено данными изъ Томашева, а Грабовскимъ опять поправлено, какъ и прежде (см. предшествующее примѣчаніе).

Въ письмѣ къ Кіевскому воеводѣ говорится: „Получивъ извѣстіе, что *архимандритъ* въ кіевскомъ, волынскомъ, также брацлавскомъ воеводствахъ школы латинскія открылъ, напоминали ему, чтобы онъ непремѣнно закрылъ ихъ. Но онъ воли и приказанія нашего не исполнилъ, напротивъ, еще болѣе подобныхъ же школъ устрояетъ (więcey tychże szkoł stanowi). Не мало такой его поступокъ огорчаетъ насъ, ибо не имѣетъ относительно сего никакого позволенія отъ насъ, но долженъ довольствоваться русскими школами. Поэтому требуется отъ вельможности твоей предварительно его извѣстить, напоминая, дабы оставилъ свои намѣренія и школы латинскія непремѣнно закрылъ. Если же окажется упорнымъ, тогда желаемъ, чтобы в. твоя возбранялъ имъ шириться, а о тѣхъ, которыя постановлены имъ, помимо нашего приказанія и воли, извѣстилъ бы его, что имѣешь отъ насъ приказаніе уничтожить ихъ“ [1]).

Подобныя распоряженія отъ имени короля, повидимому идущія въ разрѣзъ съ его благосклонностью къ православнымъ, могутъ быть объясняемы, съ одной стороны, неопредѣленностью сеймоваго постановленія относительно православныхъ школъ, а съ другой—усиленною агитаціею латино-уніатской партіи противъ могилянскихъ коллегій, въ коихъ она, не безъ основанія, видѣла сильнѣйшее противъ себя оружіе. Въ дипломѣ о дозволеніи православнымъ имѣть школы упоминалось глухо, безъ обозначенія учебной программы ихъ, а особой грамоты относительно своей коллегіи Могилою получено не было. Между тѣмъ заботы митрополита сравнять кіевскую коллегію въ учебномъ отношеніи съ коллегіями католическими и устройство новой школы въ Винницѣ, тоже съ расширеннымъ кругомъ преподаванія, вызвали усиленную тревогу среди латино-уніатовъ и сочтены были за *своеволіе*, въ чемъ, по мнѣнію „добрыхъ“ католиковъ, небезвиненъ былъ самъ король, „явно покровительствовавшій схизматикамъ“. О Могилѣ паписты стали распространять слухъ, что онъ вступилъ иъ связь съ еретиками-лютеранами и кальвинистами, открываетъ новыя латинскія школы въ трехъ воеводствахъ, вопреки диплому (гдѣ предоставляется право православнымъ имѣть школы, которыя были уже у нихъ in posessione, и притомъ русскія, ибо не сказано explicite: szkoły łacinskie [2]), что наставники и ученики могилянскихъ школъ производятъ буйства, угнетаютъ студентовъ коллегій іезуитскихъ (въ Винницѣ) и т. п. Словомъ, ультра-католическая партія усиливалась выставить просвѣтительную дѣятельность П. Могилы, направленную къ благоустройству устроенныхъ имъ коллегій,

---

[1]) Ibid. по рукоп. стр. 55.

[2]) Exegesis... С. Коссова. 1635 г., стр. 28.

какъ дѣло и *противозаконное* (съ юридической точки зрѣнія), и для католическаго государства крайне опасное. Подъ давленіемъ этого шума король и вынужденъ былъ подписать, очевидно, изготовленныя въ его канцеляріи упомянутыя письма.

Но какъ королевскія распоряженія, благопріятствовавшія православнымъ, не исполнялись—если была къ тому какая-либо возможность,—точно такъ не было исполнено митрополитомъ приказаніе короля, испрошенное латино-уніатами, относительно закрытія Кіевскихъ и Винницкихъ школъ, въ защиту которыхъ по означенному дѣлу, по приказанію Могилы, издано было цѣлое сочиненіе, вышедшее изъ-подъ пера префекта кіево-могилянской коллегіи С. Коссова (Exegesis.. изд. 1635 г. въ Кіевѣ).

Въ это время—время разгара религіозныхъ страстей—нашимъ митрополитомъ составлено, въ утѣшеніе и ободреніе православныхъ, замѣчательное молитвословіе *объ умиреніи православной церкви*, которое вскорѣ (въ 1634 году) въ распространенномъ видѣ напечатано было въ типографіи Кіево-Печерской Лавры, подъ заглавіемъ: *Параѳимія*. Молитвословіе это—какъ плодъ религіознаго воодушевленія П. Могилы, вызваннаго борьбою съ иновѣріемъ, характеризуетъ переходное (еще не вполнѣ опредѣленное) положеніе западно русской церкви и свидѣтельствуетъ о надеждахъ, питаемыхъ православными на заступничество новаго короля.

Представляемъ нѣсколько выдержекъ изъ означеннаго молитвословія:

„Боже, Боже нашъ, призри съ высоты святаго жилища твоего и *виждь озлобленіе, еже отъ сопротивныхъ церкви твоей належащее, умилосердись на нищету ея и изми ю воскорѣ отъ рукъ ихъ и съвръшеннѣ умири ю*, молимъ ти, услыши и помилуй.

Царю праведный и Господи господствующихъ, волныхъ ти ради страстей и живоносныя смерти и погребенія, и животворнаго въскресенія твоего, *совѣтъ благъ о вѣрѣ православнѣй и о святѣй твоей соборнѣй церкви въ сердце цареви и всѣхъ предстоящихъ ему въ полатѣ всади и мирная и благая о ней всегда глаголати устрой, и еже воскорѣ съвръшеннѣ ю умири и совѣтуй*,—прилѣжно молимътись, услыши и помилуй.

Боже и Творче и Содѣтелю нашъ, не помяни нашихъ беззаконій первыхъ, аще бо и согрѣшихомъ, но не отступихомъ отъ тебе, Бога нашего, не воздѣхомъ руки наша ко Богу чюждему, тебе молимъ и тебе мился дѣемъ, *призри на рабъ твоихъ, труждующихся о умиреніи церкви твоея святыя*, и простивъ имъ и намъ всякое согрѣшеніе волное и неволное, ниспосли на нихъ

благодать и даръ пресвятаго ти Духа, *въ еже подати имъ силу и крѣпость и слово во устѣхъ, еже мощи сопротивитисъ всѣмъ сопротивящимся церкви его святѣй, и благополучнѣ побѣдити ихъ,*—рцемъ вси: Господи услыши и воскорѣ помилуй.

Еще молимся о благочестивыхъ рабѣхъ Божіихъ (имя рекъ) о еже Господу нашему *укрѣпити и утвердити ихъ во службѣ своей и подати имъ силу и крѣпость Духа своего Пресвятаго во побѣду на вся противящіясь церкви его святѣй и во потребленіе злочестія ихъ.*

Господи Боже, Спаситель нашъ, упованіе всѣхъ концевъ земли и сущимъ на морѣ далече, молимтись: утверди, помилуй и благослови новоизбраннаго царя нашего Владислава, *и въ сердцѣ его мирная и благая о церкви твоей и всѣхъ людяхъ твоихъ всегда глаголати и съвершеннѣ ю умирити и во пръвое благолѣпіе и благочиніе украсити сътвори,* во дняхъ его всему царству благочиніе, миръ и благоденствіе подаждь, людемъ твоимъ здравіе, воздуховъ благорастворенiе, плодовъ земныхъ умноженіе и времена мирная даруй.

Обручивый себѣ невѣсту церковъ, *возмущенную нынѣ отъ враговъ отступныхъ,* причистыхъ ти ради страстей, яже того ради человѣколюбнѣ претерпѣлъ еси, *отъ озлобленія ихъ избави и вскорѣ умири,*—молимтись, услыши и помилуй.

Раны, зашуніа, оплеваніа и поносная уничижения церкви ради своей волею претерпѣвый, *отъ волъковъ хищныхъ нынѣ возмущенную и отъ безбожныхъ отступныхъ гонимую, тую нынѣ отъ сихъ злодѣйства избави и воскорѣ умири,*—молимтись, Владыко святый, услыши и помилуй" [1]).

С. Голубевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Собственноручныя записки П. Могилы, вполнѣ напечатанныя нами въ I ч. т. VII *Архива Юго-Зап. Россіи* (приведенныя нами мѣста см. на стр. 167—170).

ФИЛОСОФЪ БЕЗЪ СИСТЕМЫ.

(Опытъ характеристики Григорія Саввича Сковороды).

„Я долго разсуждалъ и по многомъ испытаніи себя увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ простого, беспечнаго и уединеннаго; я сію роль выбралъ, взялъ и доволенъ“.

Гр. Сав. Сковорода.

I.

Предварительныя замѣчанія.

„Пусть судитъ всякій, какъ хочетъ, а по моему такъ *философъ Хома стоитъ философа Сковороды*“ [1]). Эти заключительныя слова, брошенныя какъ-бы мелькомъ Бѣлинскимъ при разборѣ повѣсти Гоголя „Вій“, невольно вспоминаются теперь, когда недавнее юбилейное торжество Г. С. Сковороды въ 1894 г., (по случаю исполнившагося столѣтія со времени его смерти) нѣсколько воскресило доброе и забытое имя украинскаго философа.

Украинскій философъ!... Можно было подумать, что столь рѣдкое явленіе издавна привлекало вниманіе нашихъ изслѣдователей и читающаго общества. Ничуть не бывало. Философъ Хома далеко популярнѣе философа Сковороды. Перваго у насъ

---

[1]) Сочин. Бѣлинскаго, изд. Солдатенк. и Щепк. т. 1 стр. 345.

знаетъ всякій школьникъ, а о второмъ—въ литературѣ заговорили лишь въ 1894 году и заговорили какъ-то торопливо, неувѣренно.

Въ свое время Сковорода очень интересовалъ собою общество. Послѣ смерти его (1794 г.) возникла цѣлая литература какъ о личности философа, такъ и о его философіи. Многіе изъ писателей старались выяснить личность Григорія Саввича и разсматривали философа подъ тѣмъ или другимъ угломъ зрѣнія. Не перечисляя работъ о Сковородѣ, скажемъ только, что въ первой половинѣ XIX в. писали о немъ очень многіе: Гасъ-де-Кальве, Вернетъ, Коваленскій, И. Снегиревъ, Хиждеу, Срезневскій, Баталинъ, Вс. Крестовскій, арх. Гавріилъ, Данилевскій, Аскоченскій. Личностью Сковороды интересовались Костомаровъ, пр. Иннокентій и др. Съ начала XIX в. и до 61 года можно насчитать до 30 печатныхъ произведеній разныхъ авторовъ, касающихся Сковороды. Такое количество работъ по тому времени говоритъ само за себя. Критико-библіографическій обзоръ этихъ работъ можно найти въ первой части вступительной статьи проф. Багалѣя о Сковородѣ, приложенной къ сочиненіямъ философа („Сочин. Сковороды“ стр. I—LXIII. Харьковъ 1894 г.). Отмѣтимъ лишь общую особенность всѣхъ этихъ трудовъ—страстность тона въ сужденіяхъ о философѣ. Кажется, эта особенность была обусловлена свѣжестью живыхъ воспоминаній о немъ. На работахъ авторовъ, писавшихъ о Сковородѣ въ первой половинѣ XIX в., слишкомъ явно отражается впечатлѣніе, произведенное философомъ.

Съ 1861 г. и до 90-хъ годовъ о Сковородѣ ничего почти не говорятъ въ печати. Правда, Н. Ѳ. Сумцовъ напечаталъ въ „Кіев. Стар. (за 1886 г.) „Житіе Сковороды, составленное другомъ его М. И. Коваленскимъ“; но появленіе этого замѣчательнаго въ своемъ родѣ литературнаго памятника не вызвало въ обществѣ интереса къ забытой личности философа.

Похороненный, такимъ образомъ, въ архивныхъ складахъ 60-хъ годовъ, Сковорода почивалъ съ своей философіей въ покойной области историческаго забвенія до 90-хъ годовъ. Лишь

случайные каталоги антикварной книжной торговли сохраняли его имя для памяти потомству.

Совершенно независимое отъ людскихъ побужденій обстоятельство воскресило память забытаго философа—столѣтній юбилей со дня его смерти. Историческій календарь сохранилъ подъ 29-мъ октября 1894 г. ремарку—смерть Гр. Савв. Сковороды. Новымъ открытіемъ забытаго философа русское общество обязано Харьковскому историко-филологическому обществу и, въ частности, члену этого общества, профессору Багалѣю, который въ своемъ сочиненіи „Опытъ исторіи Харьковскаго университета“ указалъ на нѣкоторое значеніе Сковороды для харьковскаго края и на приближеніе столѣтія со времени его смерти. Тотъ-же профессоръ вошелъ въ ученое общество съ предложеніемъ о собраніи и юбилейномъ изданіи трудовъ философа. Предложеніе это было единогласно принято историко-филологическимъ обществомъ, „среди членовъ котораго, по словамъ проф. Багалѣя, *снова* пробуждается интересъ къ личности и сочиненіямъ Сковороды“ (Сочин. Сковор., L.). Кто-же послѣ этого можетъ винить публику, если она не помнитъ стараго философа? Кстати сказать, забывать нашихъ лучшихъ людей прошлаго—наша особенность, почти національная привычка, которую не могутъ исправить никакіе уроки минувшаго. Припомнимъ, напр., Лобачевскаго, русскаго оригинальнаго математика, котораго разыскали въ томъ-же 1894 году и открытіе котораго было тоже для общества сюрпризомъ.

Какъ-бы тамъ ни было, но припомнилось, что дѣйствительно былъ на свѣтѣ такой философъ и оставилъ послѣ себя нѣкоторое „духовное наслѣдіе“... Принялись за открытіе и изслѣдованіе этого наслѣдія, раскопали рукописи, сняли копіи. Харьковское историко-филологическое общество приняло на себя изданіе сочиненій Сковороды, поручивъ редакцію ихъ г. Багалѣю, который имѣлъ полное право сказать: «*только теперь мы открыли Сковороду*». Со времени юбилея появился цѣлый томъ сочиненій Гр. Савв. Сковороды, изданныхъ Харьковскимъ историко-филологическимъ обществомъ: „Сочиненія Григорія Саввича Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣ-

емъ". Юбилейное изданіе (1794—1894 гг.). Съ портретомъ его, видомъ могилы и снимками почерка. (Харьковъ. Типогр. губернск. правл. CXXXI+132+352).

Г-жѣ Ефименко едва-ли не первой принадлежитъ честь открытія философа для нашей публики. Въ своихъ двухъ статьяхъ: „Личность Гр. Сав. Сковороды какъ мыслителя" („Вопр. фил. и псих." кн. 25) и „Философъ изъ народа" („Недѣля" 1894 г. 1 кн.) она сдѣлала попытку выяснить личность Сковороды и общій смыслъ его міросозерцанія. Статьи г-жи Ефименко не претендовали, впрочемъ, на всестороннее изъясненіе украинскаго философа. Давая общую посильную характеристику философа, авторъ возлагалъ надежду на юбилей. Г-жа Ефименко думала, что „юбилей освѣтитъ болѣе или менѣе полно эту туманную, но несомнѣнно даровитую и чрезвычайно интересную фигуру".

Г. Зеленогорскій въ своей статьѣ: „Философія Григ. Савв. Сковороды, украинскаго философа XVIII в."(„Вопр. фил. и псих". 1894 г. кн. 23) представилъ попытку систематическаго изложенія философемы Сковороды. Далѣе, г. Лебедевъ пытался генетически выяснить богословскую сторону философскихъ идей Сковороды въ статьѣ: „Сковорода—какъ богословъ". (Вопр. фил. и псих." 1895 г., мартъ).

Указанныя статьи представляютъ собою рефераты, читанные въ разныхъ обществахъ. На основаніи ихъ были составлены легкіе біографическіе очерки философа въ другихъ журналахъ: въ „Мірѣ Божіемъ" статья С. Р., въ „Трудахъ Кіевск. Духов. Акад.", въ „Нивѣ" и др.

Совершенно особнякомъ стоитъ замѣтка г. Нетушила въ „Филос. Обозр." т. VII о Сковородѣ, какъ лингвистѣ.

Явившіяся вслѣдъ затѣмъ частныя статьи о Сковородѣ въ „Кіевлянинѣ", „Кіевск. Словѣ", „Южномъ Краѣ", „Одесск. Нов." и, вообще, въ южныхъ газетахъ, представляютъ собою резюме и перифразъ указанныхъ выше статей съ болѣе или менѣе субъективно-авторскимъ освѣщеніемъ стараго матеріала.

Лучшія работы о философѣ далъ проф. Багалѣй, спеціально занявшійся изученіемъ рукописей, оставшихся послѣ философа. Его перу принадлежитъ обширный историко-критическій

очеркъ, предпосланный изданію сочиненій Сковороды (стр. I—CXXXI). Продолженіемъ этого очерка служитъ статья того-же профессора: „Украин. филос. Григорій Савв. Сковорода“ (въ „Кіевск. Стар.“ 1895 г. I и II).

Вотъ, кажется, и все, что было написано о философѣ въ юбилейный годъ. Юбилей не пролилъ желаннаго свѣта на эту „туманную фигуру“. Если же пролилъ, то слишкомъ недостаточно для окончательнаго сужденія о философѣ.

Два обстоятельства препятствуютъ объективному изученію философа.

Первое изъ нихъ—недостатокъ біографическаго матеріала въ собственномъ значеніи этого слова. Дѣло въ томъ, что сохранившимся о Сковородѣ свѣдѣніямъ нельзя довѣрять безусловно. Нѣкоторыя изъ нихъ требуютъ тщательной критической провѣрки. Біографическій матеріалъ о Сковородѣ прошелъ сквозь призму или личныхъ впечатлѣній (какъ записка Коваленскаго въ „Кіев. Стар.“ 1886 г. кн. IX), или сантиментальныхъ воспоминаній о Сковородѣ (какъ біографія, составленная Г. П. Данилевскимъ. „Основа“ 1861 г.). По этимъ свѣдѣніямъ справедливѣе можно заключать о томъ, какъ общество относилось къ Сковородѣ, какое впечатлѣніе производилъ на украинскихъ образованныхъ людей этотъ философъ, чѣмъ о томъ, какъ дѣйствительно жилъ и мыслилъ философъ.

Второе обстоятельство—недостатки метода въ изслѣдованіи о *Сковородѣ*. Намъ представляется, что писавшіе о Сковородѣ слишкомъ увлекались тенденціей объяснить философему Сковороды вліяніемъ на него то писателей древности, то новѣйшихъ раціоналистовъ. Къ длинному перечню авторитетовъ, вліявшихъ на Сковороду (въ числѣ этихъ авторитетовъ есть и Сократъ, и Платонъ, и Діогенъ, и Пиѳагоръ, Оригенъ Александрійскій, Лейбницъ и др.) обыкновенно дѣлается приписка, что мысли этихъ умовъ были усвоены Сковородой вполнѣ самостоятельно и примѣнены къ жизни соотвѣтственно съ духомъ времени, въ которое жилъ Сковорода. Методъ историческихъ параллелей—методъ мало благодарный по отношенію къ философу, который оцѣни-

вается и долженъ цѣниться, главнымъ образомъ, крѣпостью самобытнаго мышленія.

Изученіе нашего философа сложилось какъ то странно. До юбилея—обстоятельства его жизни были извѣстны болѣе, чѣмъ его философскія воззрѣнія. Послѣ юбилея—его ученіе взяло явный и рѣшительный верхъ надъ его біографіей.

Такимъ образомъ, нашему философу, случайно выплывшему для своего юбилея изъ тьмы историческаго забвенія, опять грозитъ отставка, забвеніе, быть можетъ, до слѣдующаго юбилея. Пусть такъ! Противъ факта не пойдешь. Но всякое дѣло требуетъ подсчета. Юбилей Гр. Сав. Сковороды, оживившій на время интересъ къ этой личности и вызвавшій рядъ разрозненныхъ статей, нуждается въ подсчетѣ, въ нѣкоторомъ итогѣ. Попробуемъ подвести эти итоги въ видѣ посильной характеристики этого чудака—философа.

II.

Біографія Сковороды. Его дѣтство, воспитаніе. Путешествіе заграницу.

Воспитаніе Григорія Саввича было начато природой. И неудивительно. Онъ родился въ живописномъ уголкѣ Малороссіи (1722 года), въ с. Чернухахъ, Лубенскаго округа. Его первыми учителями были „вишневый садокъ“, кленовыя рощи и заливы, которыми была богата его родная рѣчка Многа, живописно извивавшаяся около родныхъ селъ Сковороды—Хорсики и Чернухи. Кажется, это былъ вначалѣ некрасивый, худощавый и болѣзненный мальчикъ. Съ годами онъ выровнялся и поправился, физически окрѣпнувъ на лонѣ природы. Еще ребенкомъ онъ привыкъ быть съ однимъ собой и всецѣло довѣрился впечатлѣніямъ. Съ тѣхъ поръ какъ Грыць сталъ на ноги, онъ пропадалъ по цѣлымъ днямъ. Любимымъ его занятіемъ было засѣсть гдѣ либо въ уединенномъ мѣстѣ и играть на дудкѣ. Этотъ непритязательный музыкальный инструментъ, который въ полъ-часа могъ сдѣлать изъ сырой лозы всякій парень на селѣ,

открылъ маленькому Грыцю міръ звуковъ; а пѣніе птицъ, тихій ропотъ потока и еле слышное дыханіе вѣтра ввели систему въ изученіе этого сложнаго міра, развили его музыкальный слухъ и открыли ему такія тайны, которымъ едва ли научили-бы его простые родители козацкаго рода. Мальчикъ рано началъ жить сердцемъ. Непригля дная трудовая жизнь родныхъ, дрязги и разныя нестроенія, которыми такъ богата хозяйственная жизнь всякаго простолюдина, рано пробудили въ немъ сердечныя эмоціи... А природа обострила эти эмоціи и придала имъ грустный, элегическій оттѣнокъ. На „хлопця", по обыкновенію, не обращали никакого вниманія. Крестьяне обращаютъ вниманіе на дѣтей лишь тогда, когда послѣднія могутъ составить въ семьѣ рабочую силу. Мальчикъ былъ предоставленъ самому себѣ. И онъ сталъ быстръ и подвиженъ, какъ козакъ, разсказы о которомъ онъ слышалъ въ дѣтствѣ, элегиченъ и задумчивъ, какъ тихая заводь его родной рѣчки. Дѣтскія путешествія по окрестностямъ родного села воспитали въ Сковородѣ ту страсть къ передвиженію, которая впослѣдствіи составила отличительную черту его жизни. Мальчика все интересовало, но не все было ему понятно. И онъ часто обращался за распросами къ взрослымъ по тому или другому вопросу. Чего не могли объяснить старшіе, то подсказывала ему природа, чего не могла объяснить природа, до того доходилъ постепенно его умъ, обнаруживавшій замѣчательную быстроту соображенія; а чего и умъ не могъ понять, о томъ онъ задумывался съ истинно-малороссійскимъ упорствомъ. Впослѣдствіи онъ искалъ отвѣтъ на свои недоумѣнные вопросы въ книгахъ и посвятилъ имъ всю свою жизнь. „Изъ самыхъ младенческихъ лѣтъ, вспоминаетъ о себѣ Сковорода, тайная сила и маніе влекли меня къ нравоучительнымъ книгамъ".

Въ мальчикѣ ясно обозначился меланхолическій темпераментъ,—основной темпераментъ малоросса, привыкшаго жить за одно съ природой. Казалось, рощи, поля, луга, по которымъ бѣгалъ маленькій Грыцъ, протестовали противъ дальнѣйшаго искуственно-школьнаго воспитанія своего питомца и говорили: „оставьте намъ это дитя!" Но вышло не такъ. Родители были

глухи къ этому голосу и предназначили своего сына къ духовному званію. По словамъ его біографа Коваленскаго, Григорій Саввичъ „на седьмомъ году отъ рожденія примѣтенъ былъ склонностью къ богочтенію"... „Въ церковь ходилъ онъ самоохотно и пѣвалъ отмѣнно пріятно". „Козацкій хлопець на крилоси и спивае разомъ за дьякомъ"—лучшей аттестаціи для деревенскаго мальчика въ то время не могло существовать. Это создавало лучшую репутацію въ деревнѣ, и на мальчика, должно быть, указывали какъ на отмѣченнаго самою природою. „Зъ Грыця выйде розумный чоловикъ", безъ сомнѣнія говорили въ Чернухахъ. Грыць слушалъ эти лестные отзывы о себѣ и, быть можетъ, раньше, чѣмъ слѣдовало, считалъ себя уже необыкновеннымъ человѣкомъ, предназначеннымъ для особенной жизни.

Время шло. Дьячекъ, учившій любознательнаго Грыця разнымъ начальнымъ премудростямъ по примитивнѣйшему методу, посовѣтовалъ родителямъ отдать его въ кіевскую бурсу, одно названіе которой въ то время звучало очень назидательно. Козацкія дѣти въ то время часто поступали въ кіевскую бурсу. Да и въ самомъ дѣлѣ, какому „батьку"—козаку не хотѣлось, чтобы его сынъ вышелъ въ старшины или попы? А для этого необходимо было образованіе. И мальчика, опьяненнаго природой, воздухомъ, свѣтомъ, ароматомъ полей и луговъ, мальчика, для котораго свобода буквально стала закономъ существованія, посадили въ темную, мрачную комнату съ черными, какъ длинные гробы, скамьями, на которыхъ бурсаки вырѣзывали старымъ гвоздемъ всевозможныя глупости изъ своего нецензурнаго лексикона, передававшагося по преданію отъ поколѣнія къ поколѣнію. Посадили, сообщили ему правила казенной инструкціи для обузданія свободы и заставили изучать разные „квестіоны и дефиниціи". Мы не знаемъ, какъ учился въ бурсѣ Сковорода, но извѣстно, что наука, которой его учили бакалавры кіевскіе, была сложной наукой и особенно такою она должна была казаться чернуховскому Грыцьку послѣ полей, луговъ и дудки. До сихъ поръ на него все и всѣ дѣйствовали прямо и непосредственно. Теперь все нужно было разграничить по пунктамъ, по разрядамъ, статьямъ, тезисамъ, делинеаціямъ.

Самая простая мысль представлялась не просто, а разбивалась на punctum primum, secundum, tertium и т. д., argumentum primum, secundum и т. д., conclusio prima, secunda и т. д. Чернуховскій Грыцько познакомился съ такими понятіями, какъ entitas, quidditas (чточество) и быть можетъ философствовалъ на любимую въ то время бурсаками тему: quo anni tempore mundus sit creatus, id est, quae pars anni tunc fuerit, verne an aestas, an autumnus, an hiems,—т. е. въ какое время года сотворенъ міръ:—лѣтомъ или осенью или зимой? и т. п. Такіе квестіоны были тогда въ модѣ, на нихъ воспитывались умы въ XVIII в. Одинъ изъ польскихъ визитаторовъ школъ западнаго края, быть можетъ, былъ не совсѣмъ неправъ, когда назвалъ кіевскую академію того времени сатирой „rozumu ludskiego" [1]). Впрочемъ, не одними „квестіонами" занимался Григорій Саввичъ.

Онъ основательно изучилъ древніе и новые языки. Первые открыли ему доступъ въ сокровищницу древней классической мысли; вторые впослѣдствіи дали ему возможность разумно путешествовать по Европѣ.

Впечатлѣнія дѣтства остались неизгладимыми. Сковорода и въ кіевской академіи не оставилъ музыки. Вопросы у него превратились въ „квестіоны", а дудка—въ флейту. При томъ же Грыць недурно пѣлъ. Въ бурсѣ онъ еще болѣе усовершенствовалъ свой голосъ.

Въ 1745 году довелось кіевскому бурсаку, которому оставалось учиться еще два года, побывать въ Петербургѣ въ качествѣ придворнаго пѣвчаго императрицы Елизаветы, любительницы малороссовъ и пѣвчихъ. Это было время славы Разумовскихъ. Придворнымъ пѣвчимъ малороссамъ жилось тогда недурно.

Знатные малороссійскіе паны за честь почитали имѣть своихъ сыновей въ придворной капеллѣ. Притомъ же придворные пѣвчіе могли всегда имѣть движеніе впередъ, по протекціи.

Сковорода однако не долго пробылъ въ шумномъ столичномъ городѣ. Издавна замѣчено, что бурсакъ, а пѣвчій въ осо-

---

[1]) М. Владимірскій-Будановъ. Исторія Кіевск. univер. стр. 11.

бенности, относится пренебрежительно, свысока ко всему, что носитъ иной, не бурсацкій оттѣнокъ.

Около трехъ лѣтъ пробылъ Сковорода въ качествѣ придворнаго пѣвчаго и вернулся изъ столицы разочарованный пустотой столичной жизни. Онъ прибылъ въ Кіевъ продолжать свой академическій курсъ. Есть извѣстіе, что въ академіи Сковорода ревностно занимался еврейскимъ, греческимъ, латинскимъ языками, упражнялся въ краснорѣчіи, философіи, метафизикѣ, математикѣ, естественной исторіи и богословіи.

Въ Кіевѣ архіерей соблазнялъ его духовнымъ званіемъ. Сковорода, чуждый карьеризма, отказался отъ предложенія. Но преосвященный должно быть слишкомъ настойчиво предлагалъ ему священный санъ,—Сковородѣ ничего не оставалось, какъ прикинуться чудакомъ. Если вѣрить одному изъ его біографовъ, онъ началъ заикаться, дѣлать разныя чудачества. По всей вѣроятности, онъ не дурно сыгралъ свою роль, потому что его оставили въ покоѣ. Скоро онъ совсѣмъ оставилъ академію, убѣдившись, что высшее въ то время духовно-учебное заведеніе распространяло кругомъ себя гнилое знаніе схоластики. Ему открылась возможность жить гдѣ угодно. Для его свободолюбивой натуры это было дороже всего.

И Сковорода—за границей. Его давно тянуло туда. Черніуховская обстановка не нравилась ему. Она не могла удовлетворить его широкихъ запросовъ мысли. Юношѣ страстно хотѣлось посмотрѣть, какъ живутъ и мыслятъ другіе народы. А разсказы о западѣ были такъ заманчивы, увлекательны. Замѣчено, что „малороссовъ никогда не пугала Европа“ (Ефименко), но не у многихъ малороссовъ хватило бы смѣлости путешествовать по чужимъ краямъ съ одною палкою въ рукахъ да съ котомкой за плечами, какъ это дѣлалъ Сковорода.

Путешествующій украинецъ—это, безспорно, прямое уклоненіе отъ національнаго типа малоросса, извѣстнаго своею неподвижностью и домосѣдствомъ и издавна считающаго, „що за селомъ бабы кладутъ прачи на небо“. Но Сковорода былъ исключительная натура. На ряду съ строго-національными чертами

малоросса, онъ умѣлъ соединить самобытную предпріимчивость, проявить личныя оригинальныя черты.

Обстоятельства благопріятствовали планамъ Сковороды. Русскій генералъ-маіоръ Вишневскій отправлялся, по порученію двора, къ токайскимъ садамъ въ Венгрію и пожелалъ взять съ собой для находившейся въ Венгріи православной церкви пѣвца, способнаго къ церковной службѣ. Ему былъ рекомендованъ Сковорода. Григорій Саввичъ съ восторгомъ отправился за границу, хотя и съ условіемъ падѣть дьяческій стихарь въ грекороссійской церкви въ Офенѣ. Впрочемъ, онъ не долго былъ дьячкомъ. Дьяческій подрясникъ, быть можетъ, послужилъ для него лишь удобнымъ костюмомъ для болѣе безопаснаго путешествія по Западной Европѣ.

По нѣкоторымъ извѣстіямъ, онъ путешествовалъ по Венгріи, Польшѣ съ большимъ запасомъ любознательности и очень тощимъ кошелькомъ. Такого рода путешествія съ цѣлью самообразованія не представляли тогда въ Западной Европѣ чего либо особенно оригинальнаго. Двѣ страны, по сообщенію Гасъде-Кальве, особенно привлекали вниманіе Сковороды—Италія и Германія. Страна Цицерона, Сенеки и Катона тянула его къ себѣ своей музыкальностью, роскошью природы. Италія—гробница древней славы—нравилась ему еще и своими знаменитыми руинами, памятниками прежняго величія. Во второй—ему были по душѣ теоретическій анализъ и критицизмъ нѣмцевъ. На лонѣ восхитительной, романтической, горной природы Италіи онъ искалъ пищи своему чувству. Холодный, разсчетливый нѣмецъ съ своей въ то время абстрактной философіей удивлялъ его глубиной и широкимъ захватомъ мысли. Онъ говорилъ, что любилъ Германію почти какъ родину. Впрочемъ, болѣе точный въ своихъ извѣстіяхъ біографъ Сковороды (Коваленскій) говоритъ только объ Австріи и Венгріи, какъ мѣстахъ путешествія философа.

Какъ и слѣдовало ожидать, онъ не удовлетворилъ своихъ запросовъ и за границей. Эти запросы были по существу своему такого характера, что въ сущности ихъ не могла удовле-

творить никакая страна. Сковорода вынесъ лишь убѣжденіе, что вездѣ люди какъ люди: есть добрые, есть и злые.

Онъ не искалъ, подобно Діогену, людей со свѣчею; „его добрая душа находила, что міръ сей и въ великомъ своемъ развратѣ питаетъ еще много добрыхъ смертныхъ“ (Гасъ-де Кальве). Въ общемъ, онъ пришелъ къ выводу, что вездѣ „богатому поклоняются, а бѣднаго презираютъ, глупость предпочитаютъ разуму и шутовъ награждаютъ, вездѣ развратъ нѣжится въ мягкихъ пуховикахъ, а невинность томится въ мрачныхъ темницахъ“. Чтобы всесторонне и опытно убѣдиться въ этой простой истинѣ, для этого стоило, конечно, побывать за границей. Священное недовольство росло въ немъ больше и больше. Неизвѣстно, какъ долго продолжилось-бы его путешествіе, если бы онъ не затосковалъ на далекой чужбинѣ по родинѣ. Это обстоятельство круто измѣнило марштрутъ его европейскаго путешествія, и Сковорода, не задумываясь, повернулъ назадъ— въ Чернухи. Дорога была не близкая. Но путешественникъ былъ нетребователенъ и твердо положился на крѣпость своихъ ногъ. Врожденная страсть къ мыслительному анализу и меланхолическое настроеніе были его надежными спутниками, облегчавшими тяжесть пути.

III.

Возвращеніе изъ за-границы на родину. Путешествіе Сковороды по разнымъ мѣстамъ. Педагогическіе опыты Сковороды. Его неуживчивость. Сковорода и Коваленскій.

Конечно, въ Италіи, въ Римѣ не мало новинокъ удалось видѣть Сковородѣ. Будетъ о чемъ поразсказать. Но что онъ увидитъ новаго на родинѣ, въ Чернухахъ?

Послѣ длиннаго пути изъ-за холмовъ ему весело замахали крылья родныхъ „вѣтряковъ“. Еще усиліе, еще холмъ—и панорама роднаго села открылась ему въ знакомомъ, все томъ же неизмѣнномъ видѣ. Вотъ—„церква“, и куда до нея базиликѣ рим-

скаго Петра? Развѣ тамъ такіе сады? А рѣка Многа съ затонами, „де три вербы схилылыся“ надъ привязанными къ нимъ „човнами“!.. Развѣ могутъ Тибръ и Дунай идти въ сравненье? Развалины родныхъ сѣноваловъ и амбаровъ, накренившихся отъ времени, были симпатичнѣе для него развалинъ знаменитыхъ каракальскихъ бань и историческаго амфитеатра... Въ восторгѣ, навѣянномъ привязанностью къ родинѣ, Сковорода готовъ былъ цѣловать родную землю. Онъ не пошелъ сразу въ село, а посѣтилъ прежде родное кладбище, гдѣ увидѣлъ много могильныхъ кургановъ и съ грустью узналъ среди новыхъ небожителей нѣкоторыхъ своихъ близкихъ и дорогихъ лицъ.

Пожилъ Сковорода на родинѣ, но не долго... Онъ скоро соскучился. Что ему дѣлать въ Чернухахъ? Сфера узко-практическихъ интересовъ, въ которые были погружены его земляки, была такъ чужда Сковородѣ. А силъ у него—много; является потребность такого или иного ихъ приложенія... Съ другой стороны, привычка къ мысли, къ аналитическимъ наблюденіямъ, воспитанная путешествіями, такъ сильно сказывается въ Сковородѣ, что ему ничего не остается, какъ опять взять въ руки свой „журавель“-палку и отправиться по свѣту искать занятій и пищи своему уму.

Онъ оставилъ Чернухи и пошелъ путешествовать изъ села—въ село, изъ уѣзда—въ уѣздъ, изъ губерніи—въ губернію... Послѣ пѣшаго путешествія по заграничнымъ, чужимъ государствамъ, хожденіе по родной землѣ не представляло для него особенныхъ препятствій и затрудненій. Въ своей свиткѣ съ откладнымъ мѣшкомъ („видлогою“), пришитымъ къ вороту для защиты отъ дождя и вѣтра, съ узелкомъ за плечами, въ которомъ хранилась его флейта и двѣ-три книжки, съ неизмѣнной палкой въ рукахъ, бодро пошелъ онъ—веселый и здоровый—по лицу родной земли съ свѣтлымъ убѣжденіемъ, что всѣ люди братья и что они не дадутъ человѣку—кто бы онъ ни былъ—умереть съ голода. „Добрый человѣкъ, говаривалъ онъ, вездѣ найдетъ насущный хлѣбъ у людей, а воду дастъ ему земля безъ платы, а лишнее не нужно“. Къ кому онъ шелъ? Кому онъ нуженъ былъ? Всѣмъ. Нуженъ онъ былъ священнику, потонувшему въ тинѣ механи-

чески исполняемыхъ требъ, чтобы встряхнуть его заплѣсневѣлый умъ трезвымъ богословскимъ вопросомъ и напомнить ему о его призваніи. Нуженъ онъ былъ писарю, чтобы напомнить ему, что не одинъ онъ „письменный“ человѣкъ въ деревнѣ; пахарю-мужику, чтобы ободрить его въ тяжеломъ трудѣ; молодежи, чтобы поиграть ей на флейтѣ или спѣть какую нибудь пѣсню; строптивому самодуру-помѣщику, чтобы во-время остановить его расходившуюся руку, отъ которой трепетала жена, семейство и прислуга; и всѣмъ вообще, чтобы разсказать о своемъ путешествіи, подѣлиться впечатлѣніями заграничной жизни и доказать на опытѣ полуграмотному обществу, что „философъ не есть родъ орангутанговъ, которыхъ показываютъ за деньги“, надъ которыми лишь „чудятся“, а человѣкъ, побуждающій людей „къ свѣтлости мыслей, яко главѣ всего“, и „въ любомудріи опытномъ раздирающій ризу высокоумствующихъ“. Съ каждымъ Сковорода умѣлъ поговорить. Въ каждомъ умѣлъ вселить „возбужденную борьбу мыслей“.

Онъ направился собственно въ Харьковъ, но попалъ въ Переяславль. Съ нимъ это случалось и ему было въ сущности совершенно безразлично, быть ли въ Переяславлѣ, или въ Харьковѣ. Ему нужны были только новыя мѣста и слушатели. Новизна мѣста удовлетворяла его страсти къ любознательности, собиранію свѣдѣній. Слушатели удовлетворяли его потребности учительства—тратѣ свѣдѣній. Сковорода не могъ довольствоваться однимъ лишь внутреннимъ сознаніемъ идей. Ему нужно было проявлять ихъ, обнаруживать предъ кѣмъ-бы то ни было.

Сковорода—учитель семинаріи. Это случилось неожиданно, какъ и многое въ жизни этого замѣчательнаго человѣка. Въ Переяславлѣ, „городѣ изрядномъ и довольно многолюдномъ“, гдѣ была въ то время многолюдная семинарія (до 700 учащихся), Сковородѣ предложили мѣсто семинарскаго учителя поэзіи. Онъ принялъ предложеніе и уже написалъ спеціально для учениковъ „Руководство о поэзіи“, теоретическія положенія котораго подтверждалъ составленіемъ собственныхъ пѣснопѣній. Но скоро переяславльскому профессору поэзіи пришлось убѣдиться, что умственныя дарованія и интеллектуальное преимущество надъ

окружающими не даютъ еще права на оффиціальное обладаніе этимъ преимуществомъ. „Руководство“ Сковороды показалось либеральнымъ семинарскому начальству, и архіерей Никодимъ Сребницкій предложилъ автору измѣнить сочиненіе. Особенно либеральнымъ казалось предпочтенье, оказанное Сковородой ямбамъ Ломоносова предъ силлабическими стихами Симеона Полоцкаго. Предложено было автору исправить „Руководство“ и слѣдовать старинѣ. Сковорода не согласился. Отъ него потребовали „письменнаго отвѣта образомъ судебнымъ чрезъ Консисторію“. Это вмѣшательство мѣстнаго епископа въ его педагогическія занятія вызвало раздоры. Запальчивое изреченіе Сковороды: „alia res spectrum, alia res plectrum“, высказанное имъ по адресу епископа, стоило ему мѣста. „Не живяше посредѣ дому моего, творяй гордыню“, отвѣтилъ епископъ тоже изреченіемъ, и Сковорода изгнанъ былъ изъ переяславльскаго училища.

Сковорода—частный репетиторъ. Его рекомендовали одному просвѣщенному и гуманному, но тщеславному и кичливому помѣщику Томарѣ для занятій съ его сыномъ. Съ точки зрѣнія современнаго „пана“ это былъ довольно таки странный учитель—въ камлотовомъ кафтанѣ, не подчинявшійся этикету, не заискивающій и не унижающійся. Все еще шло сносно до поры до времени, пока учитель не обозвалъ своего ученика за какой то неудачный отвѣтъ мыслителемъ съ свиной головой. Прислуга донесла родителямъ о непочтительномъ обращеніи репетитора съ „родовитымъ шляхетскимъ сыномъ“—и Сковородѣ отказали отъ мѣста. Томара, не говорившій все время со Сковородой, лишь при прощаніи удостоилъ его словами: „Прости, государь мой! Мнѣ жаль тебя!“ Подобными неудачами „нужда обрабатывала въ немъ сердце полезнѣйшее и насѣяла въ немъ сѣмена терпѣнія“.

Оставшись безъ мѣста, „безъ пропитанія, безъ одежды, но не безъ надежды“, Сковорода зашелъ къ одному своему пріятелю, переяславльскому сотнику, должно быть „на пустынножительство“. Но по случаю, игравшему такую видную роль въ жизни Сковороды, попалъ неожиданно въ Москву вмѣстѣ съ

какимъ-то Калиграфомъ, получившимъ мѣсто проповѣдника въ Московской академіи.

Въ Троице-Сергіевой Лаврѣ ему предлагали сдѣлать переводъ Ливія и предоставляли мѣсто преподавателя при лаврскомъ училищѣ. Но Сковорода, разозливши монаховъ своими саркастическими замѣчаніями на счетъ ихъ благоутробія, предпочелъ удалиться обратно въ Малороссію, куда его влекла тоска по родинѣ. Для дальнѣйшаго насажденія „сѣмянъ терпѣнія" судьба вторично опредѣлила его домашнимъ учителемъ у Томары, который, распростившись со Сковородой, скоро пожалѣлъ о немъ и просилъ своихъ знакомыхъ во что-бы то ни стало разыскать Григорія Саввича, когда онъ появится опять въ Малороссіи. Разсказываютъ, будто одинъ знакомый привезъ къ Томарѣ Сковороду въ сонномъ состояніи, ночью.

Быть можетъ философъ былъ въ это время и подъ хмѣлемъ. Извѣстно, что онъ „не дурень бувъ и выпыты". Иногда это не противорѣчило его философскимъ убѣжденіямъ. Вино развязываетъ языкъ, а Сковорода любилъ одушевленно поговорить. Съ другой стороны, нельзя было не выпивать, живя въ странѣ, гдѣ повсюду на ряду съ вѣтряками стояли примитивной конструкціи винокурни. Сковорода остался вѣренъ особенностямъ своего времени и среды. Пьяницей онъ, впрочемъ, никогда не былъ. Такое утвержденіе шло-бы совершенно въ разрѣзъ съ біографическими свѣдѣніями о Сковородѣ. Никто не могъ, конечно, поставить ему въ упрекъ его по временамъ проявлявшуюся слабость къ выпивкѣ. А если бы кто и поставилъ, онъ могъ-бы отвѣтить словами Пушкина, сказанными относительно Байрона: „толпа въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ—могучаго. При открытіи всякой мерзости она въ восхищеніи. Онъ малъ, какъ и мы, онъ мерзокъ—какъ и мы! Врете, подлецы: онъ и малъ и мерзокъ, но не такъ какъ вы, иначе".

Жизнь Сковороды въ это время пріобрѣтаетъ болѣе или менѣе ровное и спокойное теченіе. Сковорода погрузился въ природу, вошелъ во „вкусъ къ свободѣ... въ уединеніи, но безъ разстройки съ самимъ собою". Послѣ нѣскольких часовъ сна

онъ вставалъ обыкновенно до зари, чтобы привѣтствовать во всякое время года восходъ солнца, въ честь котораго онъ составилъ мистико-пантеистическій, восторженный гимнъ. Пѣть онъ всегда любилъ. Его любимой церковной пѣснью былъ ирмосъ Іоанна Дамаскина: „Образу златому на полѣ Деирѣ служиму". Эту пѣснь онъ пѣлъ всегда, „по нѣкоему махинальному побужденію". Пищу онъ предпочиталъ больше растительную, и то послѣ захода солнца; мяса и рыбы не любилъ. Гулялъ всегда пѣшкомъ. Для прогулокъ выбиралъ уединенныя мѣста. По замѣчанію біографа, онъ былъ въ это время „веселъ, бодръ, подвиженъ, выдержанъ, благодушествующій, словоохотенъ, изъ всего выводящій нравоученье и почтителенъ". Оказывается, еще Сковорода былъ на той „первой ступени", которую, съ легкаго слова Л. Н. Толстого, съ такимъ энтузіазмомъ проповѣдуютъ вегетаріанцы. Разница между Сковородой и современными вегетаріанцами въ томъ, что первый не кичился своимъ безмяснымъ столомъ и не проповѣдывалъ о безъудобномъ питаніи, какъ объ основномъ моральномъ законѣ.

Заведеннаго порядка своей жизни Сковорода не измѣнилъ и тогда, когда получилъ, благодаря ходатайству своихъ знакомыхъ, должность учителя поэзіи въ Харьковскомъ коллегіумѣ въ 1759 году. Это была своеобразно-аскетическая жизнь. Она такъ напоминала монашескую, что представитель духовенства, имѣвшій ближайшее отношеніе къ коллегіуму, настойчиво предлагалъ ему монашество. „Ѣшьте жирно, пейте сладко, одѣвайтесь мягко и монашествуйте", отвѣтилъ ему Сковорода и изложилъ ему свой взглядъ на монашество, послѣ чего ему оставалось принять напутственное благословеніе и удалиться изъ коллегіума, не проживши въ немъ и года.

Съ неразлучнымъ „журавлемъ" въ рукахъ, узелкомъ и болтавшимися „чоботами" за спиной, въ своей сѣрой свиткѣ вышелъ бѣдный, ничего неимѣющій учитель Харьковскаго коллегіума изъ шумнаго города, не ощущая въ душѣ своей ни грусти, ни упрековъ совѣсти. Ему было легко и весело. Сознаніе свободы, независимости отъ людскихъ дрязгъ и пересудъ доставляло ему царственныя минуты покоя и удовлетворенія. Предъ

нимъ были открыты всѣ дороги. Ему улыбался весь міръ. Онъ понялъ, что „ходя по землѣ, слѣдуетъ обращаться въ небесахъ“, и сталъ насвистывать на своей флейтѣ импровизацію на эту тему, смущая встрѣчныхъ своимъ видомъ и настроеніемъ и наблюдая „различныя охоты житія человѣческаго по разнымъ мѣстамъ“.

Но окончательно успокоился Сковорода только у одного своего пріятеля въ глухой живописной деревнѣ Старицѣ (близъ Бѣлгорода), въ которой уединенно принялся за свой любимый самоанализъ.

Свои идеи, какъ результатъ философскаго настроенія, онъ излагалъ въ формѣ діалоговъ-размышленій и иногда записывалъ ихъ въ формѣ писемъ для памяти и для свѣдѣнія отсутствующимъ друзьямъ.

Но ему не долго пришлось оставаться въ покоѣ. Онъ несъ уже за собой слишкомъ извѣстный всѣмъ слухъ, славу. О немъ вездѣ говорили. Его стали навѣщать ближніе и отдаленные помѣщики и искать знакомства.

Скоро онъ снова очутился въ Харьковѣ въ качествѣ домашняго учителя юноши Коваленскаго, котораго сталъ учить добродѣтельной жизни, истинѣ и музыкѣ и ради котораго рѣшился снова принять въ училищѣ должность учителя синтаксиса и греческаго языка. Сковорода полюбилъ Коваленскаго и такъ привязался къ нему, что дѣлалъ его даже участникомъ своихъ странностей.

Порою, позднимъ вечеромъ уходили они вдвоемъ на загородное кладбище и тамъ, при возбуждающей обстановкѣ могильной картины, среди безмолвныхъ надгробныхъ памятниковъ и разрытыхъ въ пескѣ отъ вѣтра могилъ, разговаривали о естественномъ исходѣ всякаго существованія на землѣ и о „безумномъ страхѣ“ людей при видѣ мертвыхъ. Эти неурочные разговоры иногда прерывались пѣніемъ Сковороды или игрой на сопилкѣ, которую онъ усовершенствовалъ такъ, что могъ передавать на ней переливы голоса пѣвчихъ птицъ, и которую неизмѣнно носилъ съ собой.

Въ августѣ 1764 года для продолженія наблюденія надъ „различными охотами житія человѣческаго“ онъ прибылъ съ

своимъ ученикомъ Коваленскимъ въ Кіевъ. Здѣсь учитель старался развить своего ученика объясненіемъ ему различныхъ церковныхъ древностей. Здѣсь ему опять предлагали монашество, „уловляли святыней“ и предсказывали ему, что онъ будетъ „столбомъ церкви“. Но Сковорода отказался. „Я столботворенія умножать не хочу“, отвѣчалъ онъ инокамъ. „Довольно и васъ столбовъ неотесанныхъ въ храмѣ Божіемъ!“ Вообще, кореннымъ непониманіемъ духа Сковороды звучали совѣты тѣхъ друзей, которые рекомендовали ему священство. Ничего не могло быть противоположнѣе между раціоналистическими взглядами Сковороды на религіозные вопросы и складомъ убѣжденій, какихъ держалось духовенство.

Сковорода любилъ мистико-поэтическое созерцаніе природы и провелъ на берегу Днѣпра лучшія минуты своей жизни. Погруженный въ пантеистическое созерцаніе „сущаго“, онъ подолгу сидѣлъ на нагорной сторонѣ Днѣпра, размышлялъ о суетѣ человѣческой жизни, о безсмертіи, о вѣчной красотѣ природы, о самосознаніи и молился. На живописномъ берегу Днѣпра чудакъ-философъ сочинялъ оригинальныя, мистико-философскія молитвы, которыя въ устахъ его дышали искренностью горячо преданнаго своему дѣлу человѣка, вѣрующаго въ свое призваніе. Нерѣдко, потрясенный до глубины души своими идеями, онъ впадалъ какъ-бы въ экстазъ, погружался въ сущее и сливался съ мірозданіемъ. Въ одну изъ такихъ минутъ къ нему пришелъ одинъ кіевопечерскій монахъ, слышавшій споръ Сковороды съ кіевскими иноками объ аскетизмѣ, съ признаніемъ, что слова философа правдивы и что онъ точно такъ же думаетъ, но что у него не хватало силъ слѣдовать собственнымъ мыслямъ.

IV.

Сковорода-учитель Харьковскаго училища.—Встрѣча съ губернат. Щербининымъ. Сковорода и Елена Майоръ.

Изъ Кіева Сковорода вернулся въ Харьковщину въ рубищѣ, но съ новымъ запасомъ идей, добытыхъ собственнымъ анали-

зомъ. Онъ задумалъ еще разъ попытать свои силы на поприщѣ оффиціальной педагогической дѣятельности и еще разъ убѣдиться, что казенная служба съ ея требованіями не его удѣлъ. При харьковскомъ училищѣ, въ которомъ прежде училъ Сковорода, въ 1766 году открылись добавочные классы для дворянъ.

Сковороду пригласили преподавать дворянамъ „правила благонравія". Ему предлагали жалованье, но Сковорода отказался отъ денегъ, говоря, что преподаваніе доставляетъ ему и безъ того одно удовольствіе. Ему было въ это время 44 года. Послѣ преподаванія поэзіи, синтаксиса, греческаго языка,—правила благонравія представляли новую область мысли; но Сковородѣ по существу было все равно, что ни преподавать. Каѳедра правилъ благонравія была тѣмъ хороша, что открывала свободу его мыслямъ, просторъ его рѣчамъ безъ оффиціальной программы. Онъ вышелъ на каѳедру и началъ:

— „Весь міръ спитъ, спитъ глубоко протянувшись, будто ушибленъ! А наставники не только не пробуживаютъ, но еще поглаживаютъ, глаголюще: спи, не бойся, мѣсто хорошее, чего опасаться!"

Сковорода не объяснилъ, кто усыпилъ міръ, но должно быть харьковское дворянское юношество не слышало еще съ каѳедры такихъ рѣчей. Сковорода не удовлетворился рѣчами и написалъ свой учебникъ по этому предмету: „Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодаго шляхетства харьковской губерніи". Новизна и оригинальность взглядовъ, изложенныхъ въ этой „двери", не понравились начальству и духовенству и своимъ раціоналистическимъ духомъ, съ какимъ Сковорода выражался о разныхъ религіозныхъ вопросахъ, произвели цѣлую бурю.

Для характеристики приведемъ наиболѣе характерное положеніе, которое Сковорода предлагалъ харьковскому дворянскому юношеству. „Божественный духъ, училъ Сковорода, весь міръ, какъ машинистова хитрость часовую на башнѣ машину, въ движеніи содержитъ и самъ бытіемъ есть всякому созданію. Самъ одушевляетъ, кормитъ, распоряжаетъ, починяетъ, защищаетъ и по своей же волѣ, которая всеобщимъ закономъ

зовется, опять въ грубую матерію обращается. По сей причинѣ разумная древность сравнивала его съ математикомъ, или геометромъ; потому что непрестанно въ пропорціяхъ или размѣрахъ упражняется, вылѣпливая по разнымъ фигурамъ, напримѣръ, травы, дерева, звѣрей и все проч."—„Время, жизнь и все прочее въ Богѣ содержится". Опредѣляя ту же міровую субстанцію въ ея метафизически-нравственномъ смыслѣ, Сковорода называлъ Бога евангельски — любовью: „Богъ любы есть". Даже такіе взгляды казались соблазнительными для тогдашнихъ педагоговъ, опекавшихъ мыслительную цѣломудренность юношества. Сочиненіе Сковороды въ рукахъ обскурантовъ превратилось въ грозную улику неблагонамѣренности. Сковорода долженъ былъ оставить педагогическую службу въ Харьковѣ съ горькимъ убѣжденіемъ, что сила обскуратизма и лести сильнѣе здраваго смысла и прямодушія.

Въ Харьковѣ многіе изъ лицъ высшаго положенія искали знакомства съ Сковородой. Любопытна встрѣча Сковороды съ харьковскимъ губернаторомъ Е. А. Щербининымъ. Щербининъ любилъ музыку и хотѣлъ познакомиться со Сковородой. Однажды губернаторъ ѣхалъ въ своемъ пышномъ рыдванѣ съ гайдуками по улицѣ. Сковорода въ это время сидѣлъ на тротуарѣ у гостиннаго двора. Быть можетъ, онъ размышлялъ о суетѣ властоначалія, или пѣлъ что нибудь „приличное благодушеству". Рыдванъ поравнялся съ гостиннымъ дворомъ. Къ Сковородѣ подбѣжалъ адъютантъ.

— Васъ требуетъ къ себѣ его превосходительство, сказалъ онъ.

— Какое превосходительство? недоумѣвалъ философъ.

— Г. губернаторъ!

— Мы незнакомы. Передайте ему...

Адъютантъ, заикаясь, передалъ отвѣтъ Сковороды. Черезъ минуту адъютантъ опять подбѣжалъ къ Сковородѣ.

— Васъ проситъ къ себѣ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ.

— А, отвѣтилъ Сковорода, подымаясь съ мѣста, объ этомъ слышалъ. Говорятъ—добрый человѣкъ и музыкантъ.

Снявши шапку, онъ подошелъ къ рыдвану; завязался разговоръ.

— Почему не возьмешь себѣ какого нибудь занятія? спросилъ между прочимъ губернаторъ.

— Свѣтъ подобенъ театру, отвѣтилъ Сковорода, въ немъ берутъ роли по способностямъ. Я увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ простого, безпечнаго и уединеннаго; я сію роль выбралъ, взялъ и доволенъ.

— Но, другъ мой, возразилъ губернаторъ. Можетъ быть, имѣешь способности къ другимъ занятіямъ, но тебѣ мѣшаютъ многія предубѣжденія...

— Если бы я почувствовалъ, отвѣтилъ Сковорода, что могу рубить турокъ, то привязалъ бы гусарскую саблю, и, надѣвъ киверъ, пошелъ бы служить въ войско. А ни конь, ни свинья не сдѣлаютъ этого, потому что не имѣютъ природы къ тому".

Разсчитавшись съ харьковскимъ коллегіумомъ, Сковорода окончательно рѣшилъ больше не служить и удалился въ село Гурвинское къ помѣщикамъ Земборскимъ, которые радушно встрѣтили чудака-философа. Тамъ, среди густого лѣса, въ уютной пасѣкѣ онъ написалъ свои первыя философскія сочиненія о самопознаніи подъ названіями: „Наркизъ, или познай себя" и „Книгу Асхань, о познаніи себя".

А между тѣмъ о Сковородѣ шли разные слухи. На ряду съ хорошими слухами распускалось много и небылицъ. Его упрекали въ нелюбви къ ближнему, называли его мизантропомъ, манихейцемъ и т. под. Появилось много завистниковъ, „оглагольниковъ", выдумывавшихъ различныя басни о жизни Сковороды. Григорій Саввичъ, въ общемъ довольно равнодушный ко всякимъ сплетнямъ, порою не выдерживалъ, являлся въ городѣ, діалектически громилъ своихъ враговъ и послѣ этого удалялся еще въ большее одиночество.

Серьезныя сердечныя волненія, кажется, вовсе не играли роли въ его жизни. По замѣчанію біографовъ, онъ былъ „вовсе не склоненъ къ женскому полу". Впрочемъ, есть смутное преданіе, что чудакъ чуть-чуть не былъ увлеченъ цѣпями гименея.

Разсказъ относится къ довольно пожилому возрасту Сковороды. Ему уже было за сорокъ. Свернувъ въ сторону во время одного своего путешествія съ какой-то дороги въ проселокъ, гдѣ были расположены Валковскіе хутора, а изъ поселка—въ огороды, Сковорода видитъ „садокъ“ близъ пасѣки, а въ пасѣкѣ красивую дѣвушку, распѣвавшую пѣсни. Сковорода самъ былъ музыкантъ и мотивы пѣсни не проходили мимо его уха незамѣченными. Дѣвушка привлекла его вниманіе и онъ познакомился съ ея отцомъ, оригинальнымъ хуторяниномъ, носившимъ прозвище „Майоръ“. Можетъ быть, впрочемъ, это было и его званіе. Дальнѣйшее знакомство повело къ тому, что Сковорода убѣдилъ отца въ необходимости для его дочери грамоты и началъ учить дѣвушку. Какъ часто бываетъ, учитель постепенно влюбился въ ученицу. Когда Елена Майоръ заболѣла, учитель превращается въ лѣкаря и лѣчитъ ее. Она, кажется, отвѣчала ему взаимностью. Все видимо шло хорошо. Сковорода былъ объявленъ женихомъ. Его ставятъ подъ вѣнецъ. Но въ самую рѣшительную минуту природа чудака беретъ верхъ надъ сердечнымъ влеченіемъ и онъ убѣгаетъ изъ церкви, изъ-подъ вѣнца. .

Это преданіе, легшее въ основу повѣсти Срезневскаго „Майоръ-майоръ“ (въ „Моск. Наблюд.“ 1836 г. VI), пока еще не провѣрено біографами и на достовѣрность его полагаться нельзя, хотя разсказъ не стоитъ въ противорѣчіи со всѣмъ, что намъ извѣстно о Сковородѣ.

V.

Послѣднія скитанія Сковороды. Его смерть.

Въ характерѣ Сковороды въ послѣдній періодъ его жизни замѣчается перемѣна, вполнѣ естественная, впрочемъ, въ положеніи человѣка его возраста, человѣка, прожившаго притомъ такъ оригинально свою жизнь. Его живое, впечатлительное сердце постепенно грубѣетъ, и меланхолія сильнѣе овладѣваетъ его настроеніемъ. Добрый и веселый отъ природы, онъ черствѣетъ и дѣлается своенравнѣе. Его присутствіе, всегда желательное

для общества, теперь иногда становилось тяжелымъ, вслѣдствіе капризовъ и чудачества старика. Чувство уединенія, которымъ онъ жилъ въ молодые годы, постепенно стало переходить въ немъ въ чувство отчужденія отъ людей и свѣта. Нѣкогда живой и свѣтлый умъ теперь подавляется болѣе и болѣе мистицизмомъ.

Ироническое отношеніе къ людямъ часто переходитъ у него въ ѣдкую сатиру. Чуждый опредѣленныхъ привязанностей, не знавшій никогда радостей семейной жизни, Сковорода подъ старость какъ будто озлобляется и не можетъ покойно ужиться на одномъ мѣстѣ. Ко второму періоду жизни Сковороды особенно должно быть отнесено свидѣтельство Вернета: „Своенравіе, излишнее самолюбіе, нетерпящее никакого противорѣчія, слѣпое повиновеніе, котораго онъ (Сковорода) требовалъ отъ слушавшихъ его (magister dixit), затмевали сіяніе дарованій его и уменьшали пользу, которой общество могло-бы ожидать отъ его способностей".

Вторая половина жизни украинскаго философа представляетъ рядъ скитальческихъ похожденій, не выясненныхъ еще окончательно его біографами. У Сковороды была жгучая страсть къ передвиженію, которой не могли охладить въ немъ усталость и преклонный возрастъ. Ему въ это время было уже около пятидесяти лѣтъ. Не спѣша, съ сознаніемъ правоты и необходимости своего передвиженія, путешествовалъ онъ то въ воронежскую губернію, то опять въ любимую пасѣку въ с. Гурвинскомъ, то въ Бабаи, харьковской губерніи, то въ Гусинскую пустошь къ Сошальскимъ, „гдѣ пасъ стада и читалъ Виргиліевы эклоги", то въ Кіевъ „для любопытства",—и наставительно всѣхъ поучалъ при всякомъ удобномъ случаѣ, не разбирая, какого званія и положенія были его слушатели. Изъ Кіева онъ однажды во-время уѣхалъ, предчувствуя приближеніе чумы. Объ этомъ такъ, между прочимъ, разсказываютъ его біографы. Проживъ въ Кіевѣ три мѣсяца у родственника своего Іустина, въ Китаевской пустынѣ, Сковорода почувствовалъ вдругъ въ себѣ „движеніе духа", побуждавшаго его скорѣй уйти изъ Кіева. Онъ просилъ родственника своего отправить его на Украйну, но тотъ отговаривалъ, прося погостить подольше. Самъ Сковорода колебался,

„уходить или остаться"? Однажды, онъ задумчиво спускался съ верхней части Кіева на Подолъ и вдругъ остановился. Онъ почувствовалъ сильный запахъ трупный... и на другой день поспѣшно выѣхалъ изъ Кіева. Черезъ двѣ недѣли, когда онъ былъ уже въ Ахтыркѣ, до него дошло извѣстіе, что въ Кіевѣ чума и что городъ уже окруженъ кордономъ.

Иногда его просили погостить подольше. Тогда Сковорода располагался скромно въ какомъ нибудь уголкѣ и, самъ услуживая себѣ и никого не утруждая никакими просьбами, проживалъ нѣсколько дней, обучая дѣтей, если они были въ домѣ, или, если ихъ не было, помогая хозяевамъ въ ихъ хозяйственныхъ работахъ. Потребности его были очень несложны. Онъ довольствовался лишь необходимымъ. Ему пробовали давать какіе-нибудь подарки. Онъ отказывался, говоря: „дайте неимущему". Его любимымъ изреченіемъ всегда было: „благодареніе Богу, что Онъ трудное сдѣлалъ ненужнымъ, а нужное—нетруднымъ".

„Не стяжалъ онъ ни золота, ни серебра,—воспоминаетъ о Сковородѣ Лубяновскій,—но народъ не затѣмъ принималъ его подъ свои кровли. Хозяинъ дома, въ который онъ входилъ, прежде всего всматривался, не нужно-ли было чего-либо поправить, почистить, перемѣнить въ его одѣяніи, въ его обуви; все это и дѣлалось немедленно. Жители тѣхъ особенно слободъ и хуторовъ, гдѣ онъ чаще бывалъ и долѣе оставался, любили его какъ родного. Онъ отдавалъ имъ все, что имѣлъ: не золото и серебро, а добрые совѣты, увѣщанія, наставленія, дружескіе попреки за несогласія, неправду, нетрезвость, недобросовѣстность".

Всю жизнь свою онъ провелъ свободно, чуждый карьеры и славолюбія. Во всякомъ оффиціально-общественномъ положеніи онъ видѣлъ „мышеловку для души" и боялся попасть въ нее. „Чины, богатство онъ вмѣнялъ во хвостъ". Его любимыя поговорки носятъ характеръ игривой сатиры, въ которой мысль беретъ перевѣсъ надъ формой. Вотъ нѣкоторыя изъ его любимыхъ изреченій: „старайся манить собаку, но палки изъ рукъ не выпускай"; „курица кудакчетъ на одномъ мѣстѣ, а яйца кладетъ на другомъ"; „рыба начинаетъ отъ головы портиться".

Незадолго предъ своей смертью, удрученный, изможденный 73-лѣтній старикъ, по просьбѣ стараго друга Коваленскаго, съ которымъ не видѣлся около 20 лѣтъ, путешествовалъ къ нему пѣшкомъ въ Орловскую губернію, въ с. Хотетево, чтобы еще разъ увидѣть и обнять своего любимаго ученика и „раздѣлить съ нимъ ничтожество его". Путешествіе было предпринято въ самую ненастную погоду. Сковорода принесъ съ собой свои сочиненія, изъ которыхъ многія посвятилъ Коваленскому. Старые друзья ежедневно занимались чтеніемъ книгъ и разсужденіями. Знакомства съ философомъ искали многія въ то время важныя „персоны": губернскій прокуроръ, директоръ экономіи и др.; но Сковорода, по обыкновенію, уклонялся отъ такихъ знакомствъ. Нигдѣ такъ предупредительно не ухаживали за Сковородой, какъ въ домѣ Коваленскаго, который былъ въ значительной степени обязанъ своимъ умственнымъ развитіемъ Григорію Саввичу. Но ухаживанія были напрасны.—Ими нельзя было удержать старика. Ему взгрустнулось по родинѣ, по Украйнѣ, и никакія просьбы Коваленскаго не могли остановить рѣшенія Сковороды вернуться обратно на родину. Онъ захандрилъ, почувствовалъ приближеніе смерти, и любимою темою для разговоровъ въ послѣдніе дни его жизни былъ вопросъ о смерти. „Страхъ смерти, говорилъ Сковорода, нападаетъ на человѣка всего сильнѣе въ старости его. Потребно заблаговременно заготовить себя вооруженіемъ противу врага сего не умствованіемъ, но мирнымъ расположеніемъ воли своей". Коваленскій упрашивалъ его остаться на зиму и со временемъ скончать свою жизнь въ его домѣ.

— Ничего не жалѣю для тебя... живи сколько хочешь,— упрашивалъ бывшій ученикъ своего учителя.

— Духъ мой велитъ ѣхать,—отвѣтилъ Сковорода и сталъ немедленно собираться въ путь.

Коваленскій, зная характеръ философа, не стѣснялъ его, далъ ему полную свободу—какъ, куда, съ чѣмъ и въ чемъ онъ хочетъ ѣхать... Въ послѣднюю минуту, при прощаніи, онъ предложилъ философу необходимый запасъ на дорогу и денегъ.

— Это что? зачѣмъ? спросилъ Сковорода.

— Возьмите на дорогу,—быть можетъ, въ пути болѣзнь усилится и заставитъ гдѣ-нибудь остановиться, то нужно будетъ заплатить.

Но Сковорода остановилъ его.

— Другъ мой, сказалъ онъ, промыслъ Божій, вѣроятно, заботится о насъ и дастъ все потребное за благовременность.

Проживъ три недѣли въ Хотетевѣ, Сковорода 26 августа 1794 года, не обращая вниманія на холодное осеннее время, съ большими трудностями совершилъ свое послѣднее путешествіе изъ Орловской губерніи черезъ Курскъ, гдѣ нѣкоторое время пробылъ у архимандрита Амвросія, на родину, въ Харьковскую губернію.

Умеръ Сковорода такъ же характерно и типично, какъ и жилъ. Послѣдніе дни своей жизни онъ провелъ въ слободѣ Канъ-Ивановкѣ, Харьковской губерніи, въ имѣніи помѣщика Коваленскаго. Здѣсь ему была отведена небольшая, но уютная комнатка, окнами въ садъ. Но въ комнатѣ онъ оставался, впрочемъ, очень рѣдко. Старикъ оставался вѣренъ своей старой привычкѣ къ движенію и цѣлыми днями бродилъ по саду и полямъ.

Былъ веселый, теплый день. У помѣщика собралось много гостей. Григорій Саввичъ былъ въ ударѣ. Остроумная, веселая рѣчь такъ и лилась у него потокомъ, къ великому удовольствію общества, которое всегда любило послушать страннаго философа. Онъ разсказывалъ свою біографію, свои приключенія, которыхъ на его долю выпало не мало. Онъ давно уже жилъ воспоминаніями. Настоящее представляло для него мало радости и интереса. Изреченіе философа-пессимиста, что человѣкъ сорокъ лѣтъ живетъ, а другіе сорокъ лѣтъ вспоминаетъ пережитое (Шопенгауеръ), въ большой степени должно отнести къ нашему философу...

Наблюдательный человѣкъ подмѣтилъ-бы странную возбужденность философа въ этотъ день, неестественность его веселія, судорожность его смѣха. И неудивительно, — это былъ предсмертный приливъ радости жизни, болѣзненно-веселый подсчетъ пережитаго, предчувствіе необходимости окончательной

расплаты. Сковорода предчувствовалъ смерть и хотѣлъ наговориться, и въ его рѣчахъ звучала конвульсивно-нервная нота.

Сковорода послѣ обѣда скрылся и цѣлый день одиноко бродилъ по саду, срывалъ плоды, раздавалъ ихъ работавшимъ въ саду мальчикамъ. Приближался вечеръ. Философа не было. Коваленскій сталъ безпокоиться и пошелъ отыскивать его. Солнце шло къ закату и его косые лучи грустнымъ осеннимъ блескомъ освѣщали пожелтѣвшіе листья. Подъ развѣсистой липой Сковорода задумчиво былъ погруженъ въ странное занятіе. Огороднымъ заступомъ старикъ рылъ подъ деревомъ узкую, продолговатую могилу.

— „Что это?“ спросилъ Коваленскій.—„Пора успокоиться!“ отвѣтилъ Сковорода.—„Полно шутить! Пойдемъ!“—„Иду, но я буду просить тебя, пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя храмина!“

Вошли въ домъ. Сковорода былъ задумчивъ. Веселость не возвращалась къ нему. Онъ удалился въ свой кабинетъ. Его ждали къ ужину, но онъ не вышелъ. Его оставили въ покоѣ. И раньше на него находили такія минуты, но никто не предполагалъ, что уже наступили послѣдніе часы для Григорія Савича. Въ кабинетѣ онъ умылся, надѣлъ чистое бѣлье, помолился Богу, подложилъ подъ голову сѣрую свитку и узелокъ своихъ сочиненій—и заснулъ.

На другой день его ждали къ чаю. Сковороды не было. Наступило время обѣда. Онъ не являлся.

Встревоженный Коваленскій вошелъ въ его комнату. Онъ спалъ. Коваленскій сталъ будить его; но сонъ былъ вѣчный... Сковорода лежалъ съ сложенными на груди накрестъ руками, холодный, окостенѣлый. Онъ умеръ въ полномъ сознаніи, покойно, безъ агоніи. Смерть нашла его готовымъ. Онъ самъ приготовилъ свое тѣло къ погребенію, не желая и этимъ быть обязаннымъ людямъ. На своей могилѣ онъ завѣщалъ написать эпитафію, такую-же оригинальную, какъ и онъ самъ и вся его жизнь: „*міръ ловилъ меня, но не поймалъ*“. Такъ умеръ этотъ человѣкъ, который, говоря словами Снегирева, „жилъ больше для другихъ, чѣмъ для себя, говорилъ правду людямъ не обинуясь и умеръ, не сожалѣя о своей страннической жизни“.

Тѣло Сковороды похоронили на возвышенномъ берегу пруда, близь рощи, на любимомъ его мѣстѣ, гдѣ часто по зарямъ игрывалъ онъ на своемъ завѣтномъ флейттраверсѣ псалмы и пѣсни. Впослѣдствіи тѣло его было перенесено оттуда и похоронено въ саду священника, близъ памятника владѣльца, стараніемъ одного изъ его учениковъ, который прибылъ послѣ смерти его изъ Петербурга и издалъ впослѣдствіи его портретъ („весьма цѣнимый нашими молоканами, замѣчаетъ Ливановъ, авторъ сочин. „Раскольники и острожники“).

Впослѣдствіи имя Сковороды въ Ивановкѣ было совершенно забыто и къ могилѣ его не имѣли никакого уваженія. Быть можетъ, это происходило отчасти и оттого, что Ивановка въ это время часто переходила изъ рукъ въ руки. Лишь среди близкихъ къ могилѣ Сковороды жителей сохранилась молва о немъ, поддерживаемая разными суевѣрными разсказами о странныхъ явленіяхъ, происходившихъ около его забытой могилы. Разсказываютъ, что владѣльцы усадьбы, въ которой похороненъ Сковорода, умирали или лишались своихъ женъ. Еще чаще бывало, что новые владѣльцы усадьбы въ продолженіе пяти лѣтъ окончательно спивались... Ходили разсказы о видѣніяхъ и привидѣніяхъ, объ опустошительныхъ вихряхъ, налетавшихъ на мѣсто упокоенія Сковороды. Народная фантазія, вообще, любитъ разработывать такіе сюжеты. Но когда одинъ изъ владѣльцевъ Ивановки обложилъ могилу философа дерномъ и устроилъ около нея пасѣку, столь любимую философомъ и притомъ считающуюся въ Малороссіи мѣстомъ священнымъ, видѣній на могилѣ чудака-философа стало меньше.

Ѳ. Кудринскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БЮДЖЕТЫ Г. КІЕВА ВЪ СРЕДИНѢ XVIII В.

14 іюля 1754 г. послѣдовалъ именной указъ объ уничтоженіи въ Малой Россіи т. наз. индукты и эвекты, а сенатскимъ указомъ 2 апрѣля 1755 г. (П. С. З. Р. И., 10386) повелѣно „во облегченіе малороссійскаго народа" впредь ни съ кого не взимать покуховного и скатнаго съ продажнаго вина и дегтю, ярмарковаго и торговаго, поколеснаго съ мельницъ, показанщины отъ винокуренныхъ котловъ и прочихъ тому подобныхъ разнаго званія сборовъ, какіе бы они ни были.

Эти распоряженія, вытекавшія изъ видовъ современной фискальной политики, неизбѣжно должны были отразиться на магистратскихъ доходахъ г. Кіева. Являлось опасеніе, что кіевскій магистратъ не въ состояніи будетъ нести нѣкоторыя государственныя повинности, возложенныя на него въ прежнее время (почтовая, подворная, квартирная и т. п.) и постоянно возраставшія. Дѣйствительно, уже 7 февраля сдѣлано распоряженіе объ отпускѣ кіевскому магистрату на содержаніе нижняго города Кіево-Подола и на прочія надобности по 479 р. 66 к. изъ таможеннаго сбора (П. С., 10509), а 9 марта того-же года сенатомъ затребованы изъ магистрата вѣдомости о доходахъ и расходахъ за 1744, 1748 и 1754 годы. Вѣдомости были составлены и переданы въ кіевскую губернскую канцелярію для сличенія съ магистратскими приходо-расходными книгами.

Въ 1758 г. состоявшая при сенатѣ коммиссія о пошлинахъ вновь требуетъ отъ кіевскаго магистрата вѣдомости о доходахъ

и расходахъ уже за 1752, 1753 и 1754 годы. Требованіе было исполнено (посланы вѣдомости о расходахъ), но послѣдствій не имѣло.

Въ 1760 г. магистратъ, ссылаясь на эти вѣдомости, ходатайствовалъ передъ сенатомъ объ увеличеніи казеннаго пособія до 1214 р. 66 коп. въ годъ, въ возмѣщеніе отмѣненныхъ въ 1754 и 1755 гг. магистратскихъ доходовъ. При этомъ магистратъ ссылался на послѣдовавшее „отъ устремленія быстрины рѣки Днѣпра Кіеву нижнему городу Подолу разореніе" и на необходимость поправленія берега.

Въ началѣ 1765 г. сенатъ поручилъ разсмотрѣніе этого вопроса кіевскому генералъ-губернатору Глѣбову. Завязалась переписка съ магистратомъ. Въ концѣ концовъ Глѣбовъ исходатайствовалъ увеличеніе казеннаго пособія до 1209 р. 12 к. въ годъ, съ соотвѣтственною доплатою съ 1756 года (всего, по 1766 г., 7294 р. 60 к.), но за то магистрату вмѣнено въ обязанность выстроить хлѣбо-запасный магазинъ, стоимостью по смѣтѣ въ 3507 р. 70 к. Къ постройкѣ магазина приступлено уже въ 1767 г. Не лишенъ интереса мотивъ Глѣбова, требовавшаго устройства магазина: еще въ 1754 г. кіевская губернская канцелярія представила сенату пункты по такимъ матеріямъ, которыя по состоянію Кіевской губерніи къ пользѣ народной быть могутъ, и въ 6-мъ пунктѣ написано, что „народъ малороссійскій къ земледѣлію неприлеженъ и запаснаго хлѣба не имѣетъ; когда у нихъ одинъ годъ хлѣба не родится, терпятъ голодъ, какъ то въ 1748 году, когда саранча на полѣ хлѣбъ пожрала, то на другой годъ всеобщимъ голодомъ назвать было можно, ибо здѣсь въ Кіевѣ, какъ въ великомъ городѣ, въ торговые дни 50 четвертей ни за какую дорогую цѣну купить невозможно было"; но магистратъ уклонился тогда отъ постройки магазина, ссылаясь на недостатокъ средствъ [1]).

Такова исторія происхожденія кіевскихъ „бюджетовъ" средины прошлаго вѣка, случайно уцѣлѣвшихъ въ старыхъ дѣлахъ бывшей кіевской губернской канцеляріи.

---

[1]) Ср. А. Андріевскій, объ учр. въ Кіевѣ зап. хлѣб. магазина—„Кіев. Стар." 1891 г. № 6, стр. 475—479.

Изъ тѣхъ же дѣлъ и другихъ источниковъ видно, что кіевскій магистратъ ревниво оберегалъ свое право безконтрольнаго распоряженія городскими доходами и всѣми силами отклонялъ вмѣшательство въ это дѣло постороннихъ властей. Правильнаго денежнаго хозяйства магистратъ не велъ, никакихъ смѣтъ не составлялось. Впервые были заведены шнуровыя книги для записи нѣкоторыхъ расходовъ не ранѣе 1757 года, но тогда же эта реформа встрѣтила рѣзкое противодѣйствіе со стороны нѣкоторыхъ членовъ магистрата. Попытки контроля со стороны преемника Глѣбова, Воейкова вызвали также отпоръ и осуществились не ранѣе 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, но безъ особой пользы для города. Въ средѣ самого магистрата не было также контролирующаго органа: очередные члены отчитывались другъ передъ другомъ, разоблаченія были возможны лишь на почвѣ личныхъ интересовъ и самолюбій, а вмѣшательство войтовъ, въ-родѣ Сычевскаго и Пивоварова, было далеко не безкорыстнымъ. Въ общемъ финансовое хозяйство того времени носило патріархальный характеръ. Не даромъ сенаторъ Костюринъ (бывшій кіевскимъ вице-губернаторомъ съ 1753 по 1758 г.) многозначительно замѣтилъ въ 1762 г. магистратскимъ депутатамъ: „А вы, бурмистры и райцы, о расходахъ магистратскихъ, о коихъ я знаю довольно, не можете ничѣмъ оправдаться, только возьмите сумку на плечи и, положа каменья, въ Кіевѣ съ мосту въ Днѣпръ бросайтесь“ [1]).

При такихъ условіяхъ, возстановить истинную финансовую исторію „матери городовъ русскихъ“ въ прошломъ столѣтіи чрезвычайно затруднительно. Добытыя до настоящаго времени цифровыя данныя, если-бы даже считать ихъ достовѣрными, безусловно недостаточны, совершенно случайны и, въ сущности, поясняютъ очень мало. Исторія финансоваго городского хозяйства предполагаетъ наличность точныхъ данныхъ по крайней мѣрѣ о числѣ и группировкѣ населенія по занятіямъ, но для Кіева прошлаго вѣка достовѣрныхъ данныхъ по этому вопросу

---

[1]) А. Андріевскій, Войтовство Ив. Сычевскаго въ Кіевѣ—„Кіев. Стар.“ 1891 г. № 4, стр. 26.

нѣтъ [1]) и едва-ли удастся ихъ установить на сколько-нибудь прочныхъ основаніяхъ.

Такимъ образомъ, на предлагаемыя сводки кіевскихъ бюджетовъ слѣдуетъ смотрѣтъ лишь какъ на матеріалъ для будущей финансовой исторіи города, подлежащій дальнѣйшей провѣркѣ и разработкѣ. Пригодный для общей характеристики современнаго хозяйства, онъ едва-ли можетъ имѣть цѣну точнаго статистическаго показателя: данная эпоха еще не чувствовала особой нужды въ подобной точности.

I. ДОХОДЫ.

По даннымъ магистратскихъ вѣдомостей, доходы Кіева (т. е. собственно Подола, подвѣдомственнаго магистрату) въ 1744, 1748 и 1754 гг. выражаются такими цифрами: 9411 р. 59 к., 6207 р. 35 к. и 7571 р. 5 к.

За 1752, 1753 и 1754 гг. доходы показаны въ общей суммѣ 20673 р. 6 к. или, по среднему разсчету, въ годъ по 6891 р. 2 к.

1) Какъ и слѣдовало ожидать, главный доходъ, на которомъ опиралось магистратское хозяйство, извлекался изъ торговли виномъ и водкой въ своихъ шинкахъ: „зъ магистратскихъ шинковъ за вышинкованное хлѣбное простое и двойное вино и за водку" получено прибыли: въ 1744 г. 6617 р. 53 к., въ 1748 г.—4529 р. 43 к., въ 1754 г.—4789 р. 27 ½ к., въ 1752—54 гг.—12663 р. 24 ½ к., а за вышинкованные тамъ же медъ и пиво: въ 1744 г.—139 р., въ 1748 г.—20 р. 2 к., въ 1754 г.—112 р. 46 к., въ 1752—54 гг.—561 р. 94 к.

Такимъ образомъ, доходъ отъ монопольной продажи напитковъ мѣстнаго производства составлялъ за указанные годы въ общемъ 67,5 % магистратскихъ бюджетовъ. Ничего мудре-

---

[1]) Ср. Ив. Пантюховъ, Статистич. и санитар. очерки Кіева (К., 1875), стр. 3.—М. В.—Б., Населеніе Кіева въ 1742 г. „Кіев. Стар." 1888 г. № 4 (мѣщанъ въ нижн. городѣ 2575 чел. Населеніе всѣхъ частей города, съ духовенствомъ, козаками и военными, не свыше 25.000 чел.).—И. Лучицкій, Кіевъ въ 1766 г. „Кіев. Стар." 1888 г. № 1—3.—Также въ „Кіев. Стар.": 1882 г. № 5; 84 г. № 2.

наго, если магистрат велъ въ прошломъ вѣкѣ такую ожесточенную и даже кровавую борьбу противъ корчемства, отстаивая жизненный нервъ своего хозяйства [1]).

Кромѣ того, скатнаго и шинковаго „за продаваемое въ нижнемъ городѣ Кіевѣ на Подолѣ волоское и другія виноградныя вина" взыскано въ 1752—54 гг. 691 р. 50 к. [2]).

2) Слѣдующій по величинѣ сборъ—помѣрный и вѣсовой—получался съ мѣръ и вѣсовъ хлѣбныхъ, кои магистратъ своимъ коштомъ строитъ и содержитъ: въ 1744 г.—524 р. 48 к., въ 1748 г.—315 р. 86 к., въ 1754 г.—373 р. 7 к., въ 1752—4 гг. 1166 р. 94 к.; вѣсовой сборъ съ вѣсовъ, коими купецкіе товары вѣсятся, былъ значительно ниже: въ 1744 г.—153 р. 84 к., въ 1748 г.—83 р. 58 к., въ 1754 г.—123 р. 8 к., въ 1752—4 гг.—273 р. 22 к.

3) Съ дегтю и соли ступочной: въ 1744 г. 308 р. 85 к., въ 1748 г.—25 р. 90 к., въ 1754 г.—176 р. 46 к., въ 1752—54 гг.—717 р. 81 к.

4) Съ „рѣзни" магистратской и повозоваго, т. е. съ продаваемаго на Подолѣ рогатаго и прочаго скота: въ 1744 г.—93 р. 10 к., въ 1748 г.—64 р. 81 к., въ 1754 г.—79 р. 36 к., въ 1752—4 гг.—231 р. 91 к.

5) Съ паромовъ магистратскихъ, что на Днѣпрѣ бывали: въ 1744 г. 286 р. 40 к., въ 1748 г.—186 р. 19 к., въ 1752—4 гг.,—403 р. 50 к.

6) Береговаго „съ плотовъ дровяныхъ и селидебныхъ, изъ заграницы и изъ за Днѣпра рѣками Днѣпромъ и Десною въ Кіевъ на продажу пригоняемыхъ и къ магистратскимъ берегамъ приставаемыхъ": въ 1744 г.—117 р. 65 к., въ 1748 г.—38 р. 50 к., въ 1754 г.—159 р. 35 к., въ 1752—4 гг. 430 р. 43 к.

7) Отъ продажи брагъ хмельныхъ и нехмельныхъ, квасу ячнаго и съѣстныхъ припасовъ: въ 1744 г.—155 р. 97 к., въ 1748 г.—31 р. 86 к., въ 1754 г.—197 р. 36 к., въ 1752—4 гг.,—476 р. 45½ к.

---

[1]) О цѣнахъ на магистратскія водки, медъ и пиво въ 1776 г. см. А. Андріевскій, Матеріалы, вып. 8, стр. 216.

[2]) О цѣнахъ на волоское красное и бѣлое вино въ 1751 г.—см. тамъ-же, вып. 3, стр. 164.

8) Съ млиновъ лодейныхъ или байдаковъ, по р. Днѣпру при магистратскихъ берегахъ стоящихъ: въ 1744 г. — 15 р. 57 к., въ 1748 г.—12 р., въ 1754 г.—11 р. 59 к., въ 1752—1754 гг. 51 р. 94 к.

9) Посидѣлаго съ лавокъ торговыхъ магистратскихъ, въ коихъ рѣзники мясо продаютъ, и для найма сторожей: въ 1752—54 гг.—287 р. 16 к.

10) Посидѣлаго съ лавокъ торговыхъ, въ коихъ продаются разные товары, съ полковъ, гдѣ продаются мелочныя вещи, построенныхъ на магистратскихъ и прочихъ земляхъ: въ 1744 г.—414 р. 38 к., въ 1748 г.—465 р., въ 1754 г.—454 р. 68 к., въ 1752—54 гг.—1070 р. $24^1/_2$ к.

11) „Съ земли магистратской, якую промышленники засѣваютъ огородными сѣменами“; въ 1748 г. 9 р. 20 к., въ 1752—54 гг.—27 р.

12) Торговаго за мосты и мѣста по квитамъ съ огородныхъ и другихъ съѣстныхъ овощей: въ 1752—54 гг.—98 р. 48 коп.

13) За корыта рыбальскія, построенныя магистратскимъ коштомъ, въ коихъ рыбалки продаютъ свѣжую рыбу: въ 1752—54 гг. 27 р.

14) Съ подгородья кіевскаго Преорки и ея принадлежностей Куреневщины и Сырца съ дворовъ обывательскихъ куницы, также съ котловъ винокуренныхъ показанщины и съ мельницъ при р. Сырцѣ на магистратской землѣ поколеснаго: въ 1752—54 гг.—236 р. 74 к. (въ томъ числѣ собственно куницы или поземельнаго сбора 16 р. 60 к.).

15) Съ обывательскихъ дворовъ на Преоркѣ, Куреневщинѣ и Сырцѣ на наемъ сторожей: въ 1752—54 гг.—122 р.

16) Съ дворовъ мѣщанскихъ и другого званія людей, построенныхъ на магистратской землѣ, куницы и поворотнаго: въ 1752—54 гг. 860 р. $14^1/_2$ к.

17) Отъ сотниковъ посполитыхъ собираемыхъ ими съ людей посполитыхъ же на наемъ сторожей для рядовъ и для магистратскихъ тюремъ: въ 1752—54 гг.—268 р. 15 к.

18) Случайныя поступленія показаны только въ вѣдомости за 1754 г.: получено отъ кіевск. губ. канц. 4 р. $94^1/_2$ к. за продовольствіе прибывшаго съ письмами отъ турецкаго посла гонца Ибрагимъ Тегая со слугою; получено отъ турецкаго посла за продовольствіе его и свиты 14 р.; отъ лейбъ-гвардіи капитана Тютчева за 120 подводъ до Броваровъ для того же посланника и свиты получено прогонныхъ денегъ 10 р.

Послѣ указовъ 1754 и 1755 гг. отъ магистрата были „отрѣшены“ сборы: помѣрный и вѣсовой съ хлѣбныхъ мѣръ и вѣсовъ, вѣсовой съ купецкихъ вѣсовъ, съ дегтю и соли ступочной, съ „рѣзни“ и поводовый, торговый за мосты и мѣста съ огородныхъ и другихъ овощей, съ плотовъ дровяныхъ и строевыхъ, съ паромовъ, съ байдаковъ, съ рыбальскихъ корытъ, показанщина и поколесное, всего на сумму за 1752—54 гг. 3627 р. 37 к.; что касается скатнаго и шинковаго отъ продажи волоскаго вина, то осталось только шинковое, но вдвое уменьшилось (съ 6 до 3 р. отъ буты), такъ какъ сильно поднята была таможенная пошлина.

Приведенныя выше данныя о городскихъ доходахъ за время 1744—54 гг. допускаютъ нѣкоторыя случайныя сравненія. Изъ того-же дѣла случайно узнаемъ, напр., что въ 1720 г. кіевская ратуша показала городской доходъ въ суммѣ 4.183 р. 94 к. Съ другой стороны, въ 1761 г. магистратъ показываетъ въ приходѣ 6464 р. $13^1/_2$ к., въ 1758 г.—6354 р. $16^1/_4$ к., въ 1759 г.—3972 р. $93^1/_2$ к. [1]); по записямъ шестигласной думы доходъ въ 1786 г. опредѣляется въ суммѣ 27.464 р. $25^1/_4$ [2]); въ 1800 г.—46830 р. (при расходѣ въ 110.000 р. [3]); въ 1806 г.—74.584 р. (вмѣстѣ съ остатками прежнихъ лѣтъ) [4]); въ 1842 г.—79.657 р., въ 1845 г.—113.841 р., въ 1846 г. 82.016 р. [5]); въ 1866 г.—225.639 р., при долгѣ въ 160.000 р. [6]); наконецъ, въ

---

[1]) См. Андріевскій, Матеріалы, вып. 8, стр. 168 сл.

[2]) См, мою статью „Кіев. гор. управленіе въ 1786 г.“ Кіев. Стар. 1889 г. № 5 и 6.

[3]) Андріевскій, Матеріалы, вып. 10, стр. 110.

[4]) Андріевскій, Матеріалы, вып. 3. стр. 165.

[5]) И. Фундуклей, Стат. опис. кіевской губерніи, I, 402.

[6]) Н. Закревскій. Описаніе Кіева (Москва, 1868), I, 147.

1897 г. 1.682.531 р 97 к.[1]), при долгѣ, который фатально стремится превзойти годовой доходъ. Но конечно, всѣ эти сравненія сами по себѣ не могутъ имѣть никакого значенія. Что касается собственно долговъ, съ которыми Кіевъ познакомился особенно при войтѣ Сычевскомъ[2]) то въ 1765 г. кіевскій магистратъ такъ пояснялъ это дѣло: „за расходами на другой годъ иногда деньги и напитки небольшимъ числомъ остаются, а иногда тѣхъ приходныхъ въ году денегъ на бываемые, а паче экстраординарные расходы и не достаетъ, почему магистратъ кіевскій принужденъ на кредитъ въ людей для таковыхъ же расходовъ тѣ деньги занимать". И занимали, конечно, но на первыхъ порахъ довольно осторожно: наши предки боялись кредита.

II. РАСХОДЫ.

Представленныя кіевскимъ магистратомъ въ 1758 г. три расходныя вѣдомости за 1744, 1748 и 1754 годы имѣютъ, такъ сказать, пробный характеръ. „Того году правящіе" бурмистры и райцы не считали необходимымъ входить въ подробности и отчитываться въ каждой копѣйкѣ. Поэтому отчетныя вѣдомости составлены широкими штрихами, удобны для сводки, но не имѣютъ истинно мѣстнаго колорита.

Статьи расходовъ сводятся магистратомъ къ такимъ рубрикамъ:

1) Окладныхъ въ казну по 600 р. ежегодно.

2) На содержаніе почты: въ 1744 г. 417 р. 50 к., въ 1748 г.—333 р. 60 к. и въ 1754 г.—869 р. 92 к.

3) Подрядчикамъ за свозку съ мостовъ и другихъ мѣстъ навоза: въ 1744 г. — 160 р., въ 1748 г. — 101 р. 20 к., въ 1754 г. 80 р.

4) Ремонтные матеріалы, дрова, пильщикамъ, плотникамъ и рубальщикамъ: въ 1744 г.—551 р. 99 к., въ 1748 г.—285 р. 24 к., въ 1754 г. 353 р. 78 к.

---

[1]) Смѣта доходовъ г. Кіева на 1897 годъ. Кіевъ, 1897. Стр. 47.

[2]) Ср. Андріевскій, Войтовство Сычевскаго—цит. выше.

5) Заготовка сѣна для почты, косарямъ, гребцамъ, кидальщикамъ и на харчи имъ: въ 1744 г.—145 р. 16 к., въ 1748 г. 57 р. 40 к., въ 1754 г.—136 р. 73 к.

6) Въ катедру Кіево-Софійскую по крѣпостямъ за помѣрное по 80 р. ежегодно.

7) Въ бытность ея имп. величества въ Кіевѣ на тріумфальныя ворота на Подолѣ издержано въ 1744 г.—428 р. 17 к.

8) Въ то же время ежеденно подводы по приказамъ кіев. губ. канцеляріи и разнымъ отъ знатныхъ дворцовыхъ господъ письменнымъ приказамъ и словеснымъ требованіямъ и другія „исправности", на что̀, за вычетомъ 481 р. 50 к. полученныхъ изъ кабинета, издержано въ 1744 г. 706 р. 21 к.

9) На пріемъ турецкаго посла Тефтердаря и подводы въ 1754 г. 154 р. 80 к.

10) Магистратскимъ членамъ, урядникамъ, канцеляристамъ и служителямъ годового юргельту, т. е. оклада: въ 1744 г. 958 р. 20 к., въ 1748 г.—946 р. 60 к., въ 1754 г.—950 р. 15 коп.

11) На разные расходы большіе и мелочные, т. е. на случающіяся при магистратѣ разныя строенія, на заготовленіе къ тому разныхъ припасовъ и матеріаловъ, въ заплату мастерамъ, на постройку новыхъ и починку старыхъ паромовъ, на презенты пріѣзжающимъ въ Кіевъ за государственными и другими дѣлами знатнымъ персонамъ и прочимъ чинамъ, на заплату заемныхъ прежнихъ годовъ на магистратскія нужды денегъ, на извощиковъ и разные другіе расходы: въ 1744 г.—4808 р. 37 к., въ 1748 г.—2995 р. 23 к., въ 1754 г.—2776 р. 54 к.

12) Въ Кіево-Пустынно-Николаевскій монастырь за пристань магистратскихъ паромовъ за $1^1/_2$ пуда воску: въ 1744 г.—12 р. и въ 1748 г.—12 р.

13) 30 паромщикамъ на 5 паромовъ, по 30 к. въ недѣлю на ихъ харчахъ: въ 1744 г.—298 р. 50 к.; въ 1748 г. на починку и постройку паромовъ и паромщикамъ—182 р. 60 к.

14) На сторожей при лавкахъ, тюрьмахъ, сѣнокосахъ: въ 1744 г. (23 постоянныхъ сторожа—по 10 р. въ годъ на своихъ

харчахъ и сѣнокосные по 20 к. въ недѣлю)—237 р. 40 к.; въ 1754 г. (2-мъ по 10 р., 22-мъ по 8 р. 50 к.)—218 р. 95 к.

15) Репарація ратуши—въ 1748 г. 424 р.

16) Мурзамъ и турчину на харчи по приказу кіев. губ. канцеляріи въ 1748 г. 40 р.

17) „На бывшихъ въ Кіевѣ по ордеру генеральной войсковой канцеляріи и по данной оттуда отъ суда войскового генеральнаго инструкціи, по жалобамъ магистрата кіевскаго на сотника и козаковъ кіевскихъ къ шинкованію ими, на подступъ магистрату кіевскаго, неуказнымъ и запрещеннымъ напиткомъ горѣлкою, въ отбитіи магистратскихъ тюремъ, въ бою оными козаками мѣщанъ кіевскихъ и о протчемъ,—комисіантовъ, а именно: малороссійскихъ полковъ нѣжинскаго полкового судію Василія Кулаковскаго и полковаго переяславскаго писаря Даніила Каневскаго, сотника басанскаго Ивана Нестелѣя да войсковаго канцеляриста Іакова Давидовскаго, писцовъ и прочихъ служителей и козаковъ, т. е. на харчи, напитки, въ заплату за ихъ труда и на кормъ лошадей; также по тѣмъ магистратскимъ дѣламъ посылая нарочныхъ въ Глуховъ въ генеральную войсковую канцелярію и въ генеральный судъ повѣренныхъ, нанимая имъ подводы, на разные презенты, въ заплату за труда и на другіе экспенса здержано“ въ 1754 г.—1127 р. 37½ к.

Такимъ образомъ, общіе итоги расходовъ были: въ 1744 г.—9403 р. 50 к., въ 1748 г.—6057 р. 87 к., въ 1754 г.—7248 р. 24½ к.

„Того года правящіе“ бурмистръ Тихоновичъ и райца Василій Гудимъ снабдили вѣдомость за 1744 г. такимъ поучительнымъ примѣчаніемъ: „И тѣ вышеписанные расходы показаны толикимъ числомъ, когда не случается переѣздовъ чрезъ Кіевъ государственныхъ россійскихъ и иностранныхъ полномощныхъ чрезвычайныхъ пословъ и посланниковъ. А когда таковые переѣзды чрезъ Кіевъ бываютъ, то и расходы многимъ числомъ больше бываютъ, чрезъ что и въ долги магистратъ войшолъ, какъ то и прошлаго 1755 и сего 1756 годовъ на переѣзжающихъ чрезъ Кіевъ посланниковъ—россійскаго князя Долгорукова, турецкаго Тефтердаря здержано отъ магистрата кіевскаго на

подводы, на телеги, саны и другія дорожныя исправности до полтори тысячи рублевъ".

Какъ уже было упомянуто выше, за 1752, 1753 и 1754 гг. магистратомъ доставлены были первоначально лишь вѣдомости о доходахъ. Губернская канцелярія не удовлетворилась этимъ и въ 1765 г. потребовала подробныхъ свѣдѣній о расходахъ за тѣ же годы и „по какимъ регуламъ" расходы производились. Подлинныя магистратскія книги были возвращены для составленія расходныхъ вѣдомостей. Въ интересахъ магистрата было отвѣтить поскорѣе на это требованіе, и дѣйствительно отвѣтъ получился въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ. Благодаря такому стеченію обстоятельствъ, вѣдомости о расходахъ за 1752—54 гг. представляютъ, какъ кажется, простую выписку изъ книгъ, безъ всякихъ попытокъ систематизаціи расходовъ по статьямъ. Такимъ образомъ для насъ сохранилась цифровая хроника кіевской жизни за три года, весьма обильная характерными и такъ сказать колоритными данными. Впослѣдствіи губернская канцелярія задумала свести показанія этой хроники въ систему и составила общую вѣдомость, но попытка вышла неудачною: трудъ оказался непосильнымъ и сводная вѣдомость тоже вышла замѣчательно пестрая и безпорядочная. По счастью, подлинная хроника въ видѣ трехъ магистратскихъ вѣдомостей о расходахъ сохранилась цѣликомъ.

Воспроизводить здѣсь въ полномъ видѣ показанія драгоцѣнной хроники, конечно, излишне. Ограничусь выборкой наиболѣе характерныхъ данныхъ. Въ общемъ, расходы показаны: за 1752 г. въ суммѣ 7814 р. $52^3/_4$ к., за 1753 г.—5704 р. $51^1/_4$ к., въ 1754 г. 7010 р. $6^3/_4$ к., всего 20529 р. $10^3/_4$ к., и въ остаткѣ 143 р. $95^1/_4$ к. Должно замѣтить еще, что вѣдомости эти были провѣрены въ губ. канцеляріи по подлиннымъ книгамъ магистрата и слѣдовательно онѣ имѣютъ наивысшую для современнаго хозяйственнаго распорядка достовѣрность.

Если главную статью магистратскихъ доходовъ составляли поступленія отъ шинковъ, то и въ расходахъ замѣчаемъ такой же „гвоздь": это всевозможные виды подарковъ, уплатъ и услугъ разнаго рода нужнымъ, полезнымъ или властнымъ чиновникамъ

того времени, начиная отъ генералъ-фельдмаршала и генералъ-губернатора и кончая какимъ-нибудь канцеляристомъ госуд. коллегіи иностр. дѣлъ Потапомъ, неизвѣстнымъ по прозванію, которому магистратъ высылаетъ въ презентъ „книжицу молитовникъ" цѣною 1 р. 5 к. „за его труда по магистратскимъ дѣламъ". Замѣтить должно, что въ то доброе старое время всѣ такого рода „презенты", хотя и ложились чувствительнымъ бременемъ на магистратскій бюджетъ, не считались чѣмъ-то предосудительнымъ: при тогдашнихъ денежныхъ окладахъ чиновниковъ, послѣдніе очевидно не могли существовать безъ презентовъ деньгами или натурою; каждое крупное дѣло являлось, такъ сказать, легальнымъ поводомъ для улучшенія чиновническаго бюджета, и потому кіевскій магистратъ нисколько не стѣсняясь заноситъ въ свои вѣдомости и представляетъ въ губернскую канцелярію такія, напр., статьи расхода: „бывшему здѣсь генералу губернатору Леонтьеву корову за 6 рублей" (1752 г.); „оберъ коменданту Костюрину барана за 1 р." (1752 г.); „надворному совѣтнику Михайлу Новоторжцову послано въ Спб. въ презентъ грезети за 63 р." (1752 г.) [1]); „покойному господину генералу губернатору Леонтьеву, какъ прошено о увольненіи дачи работниковъ къ починкѣ дороги, лежащей между кіевопечерской и старокіевкою крѣпостьми, куплено въ презентъ погребецъ шленской зъ водкою въ 18 р." (1752 г.); „въ день патрона его жъ господина генералъ-губернатора купленъ другой погребецъ шленской зъ водкою и поднесенъ ему, въ 16 р." (1752); „за купленные въ презентъ господину генералу маіору и вице-губернатору Костюрину и разнымъ персонамъ свѣжіе лимоны дано 2 р. 50 к." (1754 г.); „оному жъ генералъ маіору Костюрину и преосвященному въ презентъ осетровъ свѣжихъ два за 4 р. 80 к." (1754 г.); „бывшему кіевской губернской канцеляріи секретарю Фотѣеву за его въ магистратскихъ дѣлахъ труда" дано деньгами и въ презентъ разныхъ вещей: въ 1752 г.—10 р., въ 1753 г.—27 р. 40 к., въ 1754 г.—6 р. 18 к., да канцеляри-

[1]) Новоторжцову въ слѣдующемъ году послано швабскаго полотна цѣною въ 45 р., да пошлины уплачено 5 р.

стамъ и повытчикамъ той же канцеляріи всего за 3 года 21 р. 34 к.; „въ обсылку къ праздникамъ Воскресенья и Рождества Христова господамъ генералитету и другимъ персонамъ, тожъ и въ Софейской монастырь и на Подолѣ магистратскимъ чиновникамъ, на покупку мяса, живности, разнаго коренья, сахару и на протчее, тожъ и деньгами сошло въ разныхъ мѣстахъ и въ губернской канцеляріи въ ралецъ“ (а кому именно, не показано): въ 1752 г.—на 97 р. 23 к., въ 1753 г.—62 р. 51½ к., въ 1754 г.—75 р. 74 к., всего на 235 р. 48½ к.; „бывшему въ Кіевѣ господину тайному совѣтнику и кавалеру Костюрину, какъ прошено въ магистратскихъ нуждахъ, куплено въ презентъ въ два раза (въ 1753 г.) по погребцу съ шленскою водкою“ за 26 руб.; въ 1754 г. ему же въ презентъ парчи за 55 р., да осетра свѣжаго за 1 р. 73 к., да „рымару за выдѣлку на дворъ ево двухъ кожъ“ дано 40 к.; бывшему въ Кіевѣ преосвященному митрополиту Тимоѳею въ день именинъ и по пріѣздѣ изъ Москвы куплено осетра свѣжаго и сахару всего на 5 р. 40 к. (въ 1752 и 1753 гг.); „пріѣздившему въ Кіевъ для нѣкоторого дѣла господину генералу и кавалеру Брылкину въ презентъ сахару за 1 р. 90 к.“ (1754 г.); „въ бытность въ Кіевѣ покойной графини Мавры Егоровны Шуваловой издержано на подводы, на презенты, тожъ на покупку выбраннымъ ею ко двору государеву пѣвчимъ возовъ и на разные ко онымъ потребности употреблено въ 1754 г. 231 р. 8 к.[1]); покойной графинѣ Разумовской въ презентъ къ именинамъ дѣтей ея и особливо на поклонъ ей на покупку осетровъ, сахару и на проѣздъ посыланнымъ къ ней съ тѣми презентами чиновникамъ: въ 1752 г. 22 р. 9 к., въ 1754 г. 25 р. 80 к., всего 47 р. 89 к.; бывшему въ Кіевѣ въ 1754 г. для коммисіи о нововыходящихъ изъ заграницы въ службу сербахъ полковнику Бибикову въ презентъ сахару за 1 р. 60 к.; бывшимъ въ Кіевѣ въ томъ же году преосвященному сарскому и подонскому, генеральному бунчужному

---

[1]) Въ томъ числѣ, между прочимъ, на поднесеніе ей въ презентъ трехъ скатертей, 36 салфетокъ шленскихъ и погребца шленскаго же съ водкой—41 р., рубокъ или полотна квѣтчастаго нѣмецкой работы—6 р. 50 к. Для отвоза пѣвчихъ куплено 10 возовъ.

Оболонскому и зятю его Кочубею въ презентъ на сахаръ издержано 5 р. 20 к.,—и т. д., до безконечности.

Во всѣхъ трехъ вѣдомостяхъ показанъ такъ наз. „квартал" или мелочной расходъ на покупку мяса и рыбы для обсылки въ праздники, гдѣ храмъ есть, священникамъ и въ монастыри и проѣзжающимъ черезъ Кіевъ разнымъ знатнымъ персонамъ и въ обсылку хлѣбомъ находящагося здѣсь генералитета и другихъ знатныхъ персонъ, на покупку харчевыхъ припасовъ командированнымъ изъ генер. войсковой канцеляріи слѣдователямъ по спору магистрата съ кирилловскимъ монастыремъ о грунтахъ, и т. п. Издержано „на кварталъ": въ 1752 г.—182 р. 97¼ к.; въ 1753 г.—209 р. 26 к., въ 1754 г.—595 р. 5½ к., всего 987 р. 28¾ к.

Если принять во вниманіе высокую покупательную силу денегъ въ разсматриваемое время [1]), то уже приведенные отчасти, выше установленные обычаемъ расходы магистрата должны быть признаны весьма значительными. Но всѣ эти расходы блѣднѣютъ предъ издержками магистрата, которыя вызваны были обязательными отношеніями г. Кіева къ гетману Разумовскому и засѣдавшей въ Глуховѣ генеральной войсковой канцеляріи.

Извѣстна пышность, съ которою совершалъ Разумовскій свое путешествіе по Малороссіи въ качествѣ гетмана [2]). Въ вѣдомости магистратскихъ расходовъ за 1752 г. находимъ та-

---

[1]) Вотъ, напр., нѣкоторыя данныя изъ того-же архивнаго дѣла: яловица въ подарокъ вице-губернатору—4 р. 50 к; 4 вола для магистрата—17 р. 10 к.; возъ кованный—7 р.; 10 возовъ подъ пѣвчихъ для придворной капеллы, съ принадлежностями—10 р. 81 к; 1100 яблокъ хорошихъ для презента гетману—11 р.; двѣ избы на Куреневщинѣ подъ магистратскіе шинки—14 р.; постройка кухни для сербовъ—60 к.; устройство и снятіе два раза каплицы на Днѣпрѣ „для публичныхъ освященій воды"—6 р. Знаменитые грибы, которые раздавалъ Сычевскій въ Москвѣ (Андріевскій, Войтовство Ив. Сычевскаго въ Кіевѣ. „Кіев. Стар.". 1891, № 4, стр. 29), обошлись магистрату въ 1 р. 25 к.—Замѣтка для ихтіологовъ: въ 1754 г. магистратъ выслалъ Сычевскому въ Москву, рыбы каракатицы" на 90 к. О цѣнѣ денегъ ср. И. Лучицкій, Кіевъ въ 1766 г. „Кіев. Стар." 1888 г. № 1 и 3. О цѣнахъ на хлѣбъ въ 1749—58 гг. см. „Кіев. Стар." 1884 г. № 4, стр. 689.

[2]) См. о путешествіи Разумовскаго замѣтку г. А. Л. въ „Кіев. Стар." 1890 г. № 1, стр. 117. Для подъема гетмана со свитой требовалось 140 лошадей.

кое краснорѣчивое показаніе: „Въ бытность въ Кіевѣ его сіятельства графа Кирилла Григоріевича Разумовскаго на презентъ ему самому и бывшимъ съ нимъ разнымъ персонамъ, на харчи и на протчіе издержки (кромѣ напитковъ) употреблено денегъ 899 р. 33¾ к.". Между тѣмъ даже пріѣздъ имп. Елисаветы Петровны въ 1744 г. обошелся магистрату всего въ 706 р. 21 к. да на постройку тріумфальныхъ воротъ употреблено 428 р. 17 к.

Трудно судить, въ какой мѣрѣ посѣщеніе гетмана въ 1752 г. имѣло вліяніе на прочіе магистратскіе расходы по содержанію почты, на покупку виноградного вина „на магистратскія потребности" и т. п. Но основываясь на показаніяхъ расходныхъ вѣдомостей, можно утверждать, что генеральная войсковая канцелярія была для магистратскихъ финансовъ еще разорительнѣе гетманскаго вояжа.

Въ 1752 г., по спору о грунтахъ съ Кирилловскимъ монастыремъ, командированы въ Кіевъ полковой кіевскій асаулъ Матвѣй Шумъ, мринскій сотникъ Сидоръ Журавскій и войсковой канцеляристъ Данилевскій. Разумѣется, имъ необходимъ презентъ: куплено „тирнаку" на 1 р. 80 к., матеріи грезеты на кафтаны— 51 р. 70 к., харчи—2 р. 10 к. Въ томъ же году новое дѣло: „При взятіи магистратскихъ чиновниковъ въ Глуховѣ за явившіеся по дѣлу умершаго бурмистра Холявки жены его съ наслѣдниками письма съ неуказными титулами издержано на подводы и на харчи 149 р. 60 к.," да протоколисту войсковой канцеляріи „за труда его" купленъ поясъ шерстяной шленской за 2 р., да старшему войсковому канцеляристу Сергію Дергуну сдѣлана сабля съ оправкою серебряною за 69 р. 51 к.—Всего въ 1752 г. пошло на Глуховъ 345 р., не считая конечно расходовъ „изъ квартала". Между прочимъ, генеральному войсковому писарю Безбородку оправлена въ серебро сабля за 45 р. 80 к. [1]).

Въ 1753 г. магистратъ вѣдался съ войсковой канцеляріей въ Глуховѣ уже по четыремъ дѣламъ: о разбитіи тюремъ ко-

---

[1]) Ср. замѣтку г. А. Л. „Генер. писарь Андрей Безбородко" въ „Кіев. Стар." 890 г. № 1, стр. 135—140.

заками, о неправильной припискѣ въ козаки, о неуказныхъ титулахъ и по спору о грунтахъ съ Кирилловскимъ монастыремъ. Безпрерывныя сношенія съ Глуховымъ, высылка туда провинившихся реента Величковскаго и канцеляриста Лукьяновича, презенты самые разнообразные нужнымъ чинамъ—обошлись магистрату въ 690 р. 35 3/4 к. Большая часть этой суммы пошла на крупные и мелкіе презенты чинамъ войсковой канцеляріи: посылались матеріи разныя, венгерское вино, сахаръ, осетры, польскіе календари (по 10 к. за штуку, всего послано 20 экз.), наличныя деньги, волоскіе орѣхи „приливаные", а войсковому канцеляристу Прокоповичу даже куплено два волка! Генеральной войсковой канцеляріи члену Петру Горленку „за труда его здѣлано въ Кіевѣ съ его золота ланцужокъ и протчіе вещи", за что уплачено мастеру 11 р. 74 к. Генеральному войсковому есаулу Волкевичу куплено люстрины на кафтанъ за 24 р. 5 к., ему же послано венгерскаго вина анталъ въ 80 р. да за отвозъ вина уплачено 7 р. Послано еще венгерскаго вина на братію „два антала" за 70 р. Полковому переяславскому писарю Якиму Каневскому съ товарищи сахару на 7 р. 40 к., грезеты и сукна на 34 р. 20 к., и т. д. и т. д.

Въ слѣдующемъ году новыя дѣла явились еще: процессъ съ козаками за „подступное" шинкованіе и бой магистратскихъ урядниковъ—въ Кіевъ явилась цѣлая коммисія изъ Глухова. Нѣкій войсковой канцеляристъ Романъ Ковачъ за стрѣляніе изъ пистолетовъ препровождался магистратскимъ коштомъ въ Глуховъ и обратно. Новые расходы, прямые и косвенные. Итогъ ихъ за 1754 г. составляетъ 615 р. 3/4 к. Въ эту сумму не входятъ издержки на посылку Разумовскому въ Глуховъ яблокъ хорошихъ, на посылку ему мастеровыхъ людей, на пересылку ему же въ Нѣжинъ купленной въ Царьградѣ резидентомъ Обресковымъ палатки, на поздравленіе его жены съ „патронами" сыновей и т. п.

Въ числѣ подарковъ глуховскимъ воротиламъ можно отмѣтить для примѣра: Горленку шапка польская съ сѣрымъ татарскимъ околышемъ (4 р.), да войсковому канцеляристу Константиновичу шапка же (3 р. 50 к.), да ему же починка часовъ

(1 р. 50 к.), да басанскому сотнику Нестелѣю шапка (3 р.); судьѣ и сотнику Лукомскому сукно на кирею (12 р. 60 к.), да лисій мѣхъ подъ кирею (20 р.), войсковому канцеляристу Туманскому сафьяну на 2 р. 50 к.; войсковому канцеляристу Якову Корнѣевичу 12 чарокъ серебряныхъ (11 р. 3 к.); войсковому канцеляристу Якову Давидовскому „за труда" 20 р., да на кафтанъ штофу (21 р. 60 к.), да грезеты на кунтушъ (17 р. 50 к.), да для кунтуша оберы (6 р. 40 к.), да на петлицы (5 р.). Саеты и сафьяны, грезеты и штофы, платки шелковые и табакерки, сукна и пояса, деньги и орѣхи волоскіе приливаные, люстрины и календари польскіе—словомъ, все что нужно для тѣла и души, только венгерскаго вина на сей разъ не посылано.

Любопытное обстоятельство: въ первой вѣдомости показано въ расходѣ по разнымъ глуховскимъ дѣламъ за 1754 г. 1127 р. 37 $^{1}/_{2}$ к., по выборкамъ же изъ второй вѣдомости получается всего 615 р. $^{3}/_{4}$ к.

Чему вѣрить? Тайну эту нельзя разъяснить по моимъ документамъ. Но если даже взять наименьшую цифру, то расходы за 3 года на Глуховъ все таки достигаютъ почтенной суммы 1650 р. 36 $^{1}/_{2}$ коп.

По нынѣшнимъ временамъ это такой пустякъ, о которомъ и говорить не стоитъ. Но не то было полтораста лѣтъ назадъ. Въ самомъ дѣлѣ, содержаніе, напр., всего городского управленія въ 1752 г. обходилось въ 1062 р. 48 к., а въ 1754 г.—на сто рублей больше. Въ 1752 г. всѣхъ служащихъ лицъ было 81, въ томъ числѣ 2 бурмистра, райца, писарь (по 60 р. въ годъ каждому содержанія), канцелярскій реентъ и лавникъ (по 40 р.), 9 канцеляристовъ (отъ 16 до 10 р. въ годъ), 15 урядниковъ (16—12 р. въ годъ), часовой мастеръ (15 р.), 3 потижника (по 10 р.), 3 магистратскихъ слуги для главнаго шинка (по 8 р.), 15 разсыльныхъ (по 7 р.), 1 слуга для досмотра и починки „фантальныхъ" водоточныхъ трубъ (9 р.), 25 сторожей, исполнявшихъ такія важныя функціи, какъ тюремный смотритель, боецъ при бойнѣ, базарный смотритель (8 р. 50 к.—10 р.) и 3 воловика (16 р.—16 р. 50 к.). Денежное содержаніе управленія составляло въ 1752 г. слишкомъ 14% годового расхода (въ

1897 г.—болѣе 10%). Къ этому слѣдуетъ прибавить разныя натуральныя подспорья, не поддающіяся вычисленію. На прямыя городскія нужды—платежи въ казну, почта, ремонтъ зданій, завѣдываніе имуществами, постой—уходило не болѣе 35% дохода. Такимъ образомъ, никакъ не менѣе половины городскихъ средствъ шло буквально прахомъ: на презенты, угощенія и поздравленія, шло, можно сказать, „на ралець" во всевозможныхъ его видахъ и формахъ [1]). Легко понять, почему свѣжій, жадный насосъ въ видѣ генеральной войсковой канцеляріи давалъ себя чувствовать такъ сильно кіевскимъ мѣщанамъ той эпохи, почему магистратъ такъ энергично стремился освободиться отъ команды малороссійскаго гетмана, не смотря на сопротивленіе войта Сычевскаго.

О благоустроенномъ городскомъ хозяйствѣ въ эту эпоху нельзя говорить серьезно [2]). Оно носитъ на себѣ печать застарѣлой рутины. Войты, бурмистры, райцы—представляли собою довольно замкнутую олигархію, пожалуй похуже современной намъ олигархіи домовладѣльцевъ. Всѣ интересы мѣщанской кіевской олигархіи той эпохи въ финансовомъ смыслѣ тяготѣли главнымъ образомъ къ винной монополіи: борьба за ея неприкосновенность—главная черта въ исторіи магистрата разсматривае-

---

[1]) Относительно обычая обсылки „въ ралець" ср. „Кіев. Стар." 1885 г. № 10, стр. 361.

[2]) Ср. статью „Кіевское представительство прежняго времени" въ „Кіев. Стар." 1882 г. № 5.—Достойно замѣчанія, что въ нашихъ „бюджетахъ" за 1744, 48, 52 53 и 54 годы, если не считать расходовъ на „ралець" и „обсылокъ" монастырей и церквей, встрѣчаемъ лишь два раза указаніе на благотворительность магистрата: Въ 1752 г. дано въ милостыню для бѣдности по прошеніямъ иностранному человѣку сербской націи графу Владиславу Эрдели 2 р. и въ слѣдующемъ году дано 25 к. „нѣкоторой переяславской жителькѣ, бывшей въ люторскомъ законѣ и обратившейся въ христіанскую вѣру". Между тѣмъ одного виноградного вина куплено въ тѣ годы „на магистратскія потребности" на 1035 р. 75 к., не говоря уже объ осетринѣ, свѣжей икрѣ и сахарѣ для магистратскихъ чиновниковъ. Если судить только по „бюджетамъ", то прямые расходы магистрата на просвѣщеніе выражались только разсылкою въ презентъ столичнымъ и глуховскимъ канцеляристамъ молитвенниковъ, новаго завѣта и польскихъ календарей. Еще 40 лѣтъ спустя Ф. Вигель остроумно замѣтилъ о Кіевѣ: „Городъ сей тѣмъ болѣе былъ примѣчателенъ, что вездѣ являлъ контрасты—нищету и великолѣпіе". Сборникъ матеріаловъ для истор. топографіи Кіева (К., 1874), отд. II, стр. 170.

маго періода. Конечно, не забывались и обычаи добраго стараго времени, съ его сложной и благочестивой обрядностью: обсылка „на ралецъ", пальба изъ пушекъ въ дни торжествъ, игра въ трубы и битье въ литавры, панихиды по умершимъ урядникамъ,— все какъ слѣдуетъ. Но вся эта внѣшность не можетъ прикрыть ограниченности и узости интересовъ: магистратъ дорогой цѣной откупается отъ разныхъ мѣстныхъ властей для сохраненія своихъ прерогативъ, пробуетъ хлопотать и повыше, но дальше этого не идетъ, да и нѣтъ для него побужденій идти дальше.

На запросъ кіевской губернской канцеляріи о „регулахъ", которыми руководствуется магистратъ въ своихъ расходахъ, магистратскіе юристы, послѣ обычной ссылки на королевскія и высокомонаршія жалованныя грамоты, приводятъ такую тираду: „Да во утвержденныхъ магистрату кіевскому майдсбурскихъ правахъ, а именно въ книгѣ Спекулумъ Саксонъ подъ словомъ „звычай" на страницѣ 530 напечатано: застарѣлый обычай совершенно за право имѣетъ быть держанъ и то правомъ называемъ зъ обычаевъ постановленнымъ, ибо и самихъ правъ ни съ какой иной притчины не содержимъ, только кои суть зданіемъ общенароднымъ принятые; справедливо жъ и то, что ни есть, хотя и безъ письма народъ общій принялъ, кождый имѣетъ содержать". При томъ-же и сенатъ съ 1720 г. знаетъ и разсматривалъ вѣдомость о расходахъ магистрата, расходы эти „апробованы сенатомъ и ничѣмъ не отставлены".

Не лишена интереса еще одна особенность разсматриваемыхъ „бюджетовъ": это постепенный ростъ долговъ. Понадобятся войту въ Москвѣ или въ Петербургѣ деньги, не хватитъ посланному въ Глуховъ урядники наличныхъ на презенты, случится въ Кіевѣ чрезвычайное торжество, проѣздъ иноземнаго или русскаго посланника и оттого единовременный крупный расходъ—и готовы долговыя обязательства, по которымъ магистратъ выплачиваетъ по возможности проценты и погашеніе. Такъ, напр., за 1752—4 гг. встрѣчаются слѣдующія лаконическія замѣтки въ вѣдомостяхъ о расходѣ (и только въ нихъ): „За занятые въ магистратъ кіевскій за недостаткомъ воономъ денегъ на всякія случающіяся магистратскія необходимости деньги заплачено про-

центу 27 р. 66 к.“ „Сѣвскому купцу Роману Смородину заплачено по данному прежде отъ сего магистрата векселю магистратского долгу съ процентомъ, о чемъ и тотъ вексель при книгѣ имѣется, 1450 р.“ (1752 г.). „За занятые въ магистратъ кіевскій по недостатку во ономъ денегъ двѣсти рублевъ заплачено на полгода проценту 12 р.“ „Заплачено магистратского долгу протопопу Кіево-Подольскому Роману, да прапорщику отставному Агею Осипову 260 р., да великоновгородскому архимандриту Іоасафу Митковичу 97 р. 62 к., итого 357 р. 62 к.“ (1753 г.). „На уплату за занятые въ магистратъ кіевскій по недостатку во ономъ магистратѣ деньги проценту 120 р. 50 к.“ „Кіевскому мѣщанину Николаю Андреевскому заплачено за войта Сычевскаго заемныхъ имъ войтомъ у брата оного Андреевскаго пѣвчего Стефана Андреевскаго денегъ 50 р.“ „Заплачено магистратского долгу разнымъ людямъ, занимаемаго кіевскимъ войтомъ Сычевскимъ съ магистратскими чиновниками 256 р. 45 к.“ (1754 г.).

Изъ дѣла и изданныхъ до сей поры матеріаловъ не видно, когда именно сдѣланы долги, по которымъ уплачивались въ 1752—4 гг. проценты, и на что они употреблены. Общее же впечатлѣніе, получаемое при разсмотрѣніи бюджетовъ за десятилѣтіе съ 1744 по 1754 г.—это подозрительность современной магистратской бухгалтеріи или, лучше сказать, полная патріархальность ея. Нужно отдать ей однако справедливость: для ознакомленія съ различными сторонами городской жизни той эпохи бухгалтерія эта представляетъ цѣнный матеріалъ, содержаніе котораго лишь въ слабой степени исчерпано настоящей замѣткой.

Н. Молчановскій.

ПИСЬМА КУЛИША КЪ И. Ф. ХИЛЬЧЕВСКОМУ.

1858—1875.

Намъ доставлена нашимъ уважаемымъ сотрудникомъ М. К. Чалымъ помѣщаемая ниже переписка П. А. Кулиша съ И. Ф. Хильчевскимъ, другомъ его съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Переписка эта, сравнительно съ печатавшеюся въ прошломъ году перепиской съ О. М. Бодянскимъ, отличается совсѣмъ инымъ и тономъ и характеромъ, и содержаніемъ. Объясненіе этому сразу находимъ, припомнивъ тѣ чисто научные интересы, которые связывали П. Кулиша съ О. Бодянскимъ, и тѣ интимныя, дружескія отношенія, какія существовали у него издавна съ И. Хильчевскимъ. Не давая пока никакихъ иныхъ комментаріевъ къ этимъ письмамъ П. Кулиша, мы ограничиваемся опубликованіемъ ихъ, думая, что со временемъ весь опубликованный матеріалъ его писемъ дастъ возможность сдѣлать наилучшую характеристику и оцѣнку этой слишкомъ знаменательной личности. (Объ отношеніяхъ П. Кулиша къ И. Хильчевскому см. „Кіевск. Стар.“ 1897 г. № 5, стат. М. Чалаго „Юные годы П. А. Кулиша“).

Ред.

1.

Безцѣнный другъ Иванъ Филиппович!

Напрасно ты терялся въ догадкахъ, отъ чего я такъ скоро вернулся и почему я ѣду въ Полтавскую губернію. Муза моя, почувствовавъ себя беременною, поѣхала заграницу рожать, въ чаяніи спокойствія, котораго нѣтъ въ Петербургѣ, ибо всякое общественное и

литературное волненіе въ ней, какъ въ особѣ нервной, отражалось очень сильно. Но, къ удивленію моему, я увидѣлъ, что заграницей спокойствія гораздо меньше и что процессъ рожденія духовныхъ чадъ совершиться благополучно не можетъ... Поэтому бросились мы втроемъ, т. е. я, муза и Александра Михайловна, осматривать Европу. Быстро, быстро, заглянули ей въ лицо съ нѣсколькихъ сторонъ, высмотрѣли притертыя румянами морщины, плюнули и воротились домой. Де вже мы не булы, такъ я й самъ не знаю! Булы, братику, на такихъ гόрахъ, що середь лита прытьмомъ треба кожуха, булы здаетьця й на тому свити, да якось выхопылысь,—чи не твоими лышъ молытвами, куме? Якъ вернулысь до дому, то ажъ самимъ стало страшно, якъ почулы, що про насъ пошло по селу Оленовци. Кажуть, що йиздылы мы по морському дну, а зъ моря цмоками вытяглы воду на горы,—такъ мы йидемо, а вгори надъ нами филя филю такъ и гоныть. Да цуръ ёму страшне розсказуваты.

Отъ же вернулысь мы, отъ тутъ прыспилы й родыны. Муза моя, що та добра поросна коропська свыня, якъ почала весты, то й не переличишъ, чого вона понаводыла тутъ: и перистыи, и переполоси, й мури, и всяки! Думавъ бувъ перейихать у той хутиръ, до которого, спасыби тоби, хотивъ завитаты бовкунцемъ,—такъ куды! не можна! Отсе жъ сыжу да все хрыщу, то що. Побачишъ, якого я понаплоджувавъ добра, якъ выжену свою череду за царину! Тилько въ васъ тутъ чортъ знае яка мода настала: не всяке добро можна выгонять на поле,—инше прійдетця подержать у господи, поки батько сберетця на розумъ да опереже того-сёго царинною кіякою. Загаявсь таки я довгенько на тій Украини, а треба бъ и туда позирнуты окомъ, да ще нывидатьця й до старои панйматки Гоголыхи, бо мы зъ нею карбуемъ на одну палычку до якогось часу. Отъ чого я йиду, а не того, що ты думавъ. Зрадивъ я, якъ почувъ, що Кіевське начальство взяло Граматку до куны: якъ то Господь уміе й дурный розумъ на добро повернуты! Може бъ инши й не зналы, що проявылась на свити спасенна кныжка, а теперъ усяке довидаетця и доберетця до неи мановцями. Возвеселылось таки жъ мое серце, прочувши, що одынъ панъ—перевертень пиднисъ и Вовчка мордатому начальству до пары зъ Граматкою: одно, що ту мудру кныжку всяке посли сёго прочита, а друге, що выявылось ледащо само собою и не треба вже его теперъ никому выявляты и зъ-мижъ честного мыру выкидаты.

Отсе жъ я съ тобою забалакавсь, а мини далеби николы: де що допысую да лагожусь у полтавщину. Пыши до мене такъ: Маріи Ив. Гоголь для передачи въ Полтаву. 1858 авг. 3. Матроновка. Твій П. Кулишъ.

2.

23 іюля 1866 г. Варшава.

На прекрасное письмо твое отвѣчаю нѣсколькими словами. Время мое принадлежитъ кн. Черкасскому, а кн. Чаркасскій есть ничто иное, какъ буря дѣятельности, которая и меня увлекла въ свой кругъ. Съ восторгомъ повинуюсь этому необыкновенному человѣку. Очень трудно, тяжело, мучительно, но это—моя сфера! Або пропаду, або зроблюсь лыцаремъ невмиракою.

Семьѣ твоей усерднѣйше кланяюсь. Пиши ко мнѣ часто и широко. Очень, очень буду благодаренъ. Адрессъ: Его П—ву. Директору Отдѣленія духовныхъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ въ Варшавѣ. Твой П. Кулишъ.

3.

28 августа (9 сент.) 1866. Варшава.

Не могу понять, отчего мое письмо такъ нескоро тобою получено. Увѣдоми, когда получишь это. Работа наша по службѣ идетъ хорошо и дѣлается для меня съ каждой недѣлей интереснѣе. Хоть и совѣстно хвалить себя, но скажу, что кн. Черкасскій совершилъ премудрое дѣло, пригласивъ меня къ себѣ въ сотрудники. Я предвижу результаты весьма важные. Но это тебѣ покажетъ время, сообщать же основанія моего предвидѣнія—не въ моихъ правилахъ, что, я увѣренъ, и ты одобришь, яко умудренный жизнію до зѣла. А вотъ лучше о чемъ поведемъ рѣчь. Помнишь ли, какъ ты отлично распорядился моими финансами во время пребыванія моего въ Луцкѣ? Ты мнѣ оказалъ тогда услугу незабвенную. Прибѣгаю паки къ твоей помощи. Зарабатывать деньги я мастеръ, но пристроить не умѣю; только илачу долги, которые теперь уменьшились уже до 4700 р.

Въ уплату этой суммы пойдутъ деньги, которыя я долженъ въ маѣ 1867 г. получить по заемному письму отъ покупщика моей типографіи, именно тысячъ до 3-хъ рублей. Останется 1800 руб.

Между тѣмъ я получаю 5062 руб. 50 коп. за директорство, да 1500 р. за редакторство Сборника административныхъ постановленій и того 6562 р. 50 к. Изъ этой суммы ежегодно я могу откладывать 3000, а можетъ быть и 3500 р. Желалъ бы я употребить этотъ излишекъ на покупку домика съ садомъ въ Кіевѣ, въ самомъ живописномъ мѣстѣ,—напримѣръ возлѣ Лавры. Тамъ есть швейцарскія ущелія. Можно отыскать и ключевую воду, которая бы текла изъ-подъ горы. Если же не въ Кіевѣ, то близко подъ Кіевомъ, надъ Днѣпромъ. Пріищи мнѣ мѣсто, а домъ мы построимъ сами изъ превосходнаго кіевскаго кирпича. Если же будетъ строеніе готовое, то и это не дурно. Ты—я думаю—знаешь теперь Кіевъ и его окрестности, какъ свой собственный домъ; бродить же ты любишь; займись этимъ и устрой мнѣ пристанище на старость. Можетъ быть я заслужу себѣ награду и сверхъ жалованья. Тогда поживемъ близкими сосѣдями съ аппетитомъ. Лучшаго города на свѣтѣ нѣтъ, какъ Кіевъ, особенно для меня.

Досадно, что Ляхи все еще гнѣздятся подъ покровомъ слѣпотствующей мѣстной администраціи; но это еще больше заставляетъ меня домогаться водворенія въ Кіевѣ. Будемъ отстаивать русское право по мѣрѣ силъ. Время между тѣмъ перемѣнится, перемѣнятся и нелѣпые дѣятели, непонимающіе, чѣмъ сильна кіевская почва. Но какъ бы то ни было, хорошо или худо будетъ въ Кіевѣ, а я хочу быть его обитателемъ въ старости, которая—увы!—не за горами.

Твій Кулишъ.

4.

11|23 октября 1866. Варшава.

Письмо начинается стихотвореніемъ Пушкина: Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день и т. д. Такая неправильная душа, какъ у меня, не можетъ быть спокойна. Я надѣлалъ много промаховъ въ жизни, много глупостей, много пошлостей. Все это меня мучитъ,—вотъ тебѣ и вся исторія. Одно для меня спасеніе—сильная дѣятельность. Безъ службы такая дѣятельность въ Россіи—по крайней мѣрѣ для меня—невозможна. Вотъ почему я служу, да еще потому, что хочу расплатиться съ долгами. Достигнувъ этой послѣдней цѣли, я, можетъ быть, выбьюсь изъ силъ и заберусь въ хуторскую свою конуру, чтобъ умереть по-запорожски, т. е. вдали отъ шума. Козаки,

если не умирали на войнѣ, то удалялись въ какую нибудь глушь, даже вдаль отъ семьи. Я понимаю это чувство и безъ сомнѣнія самъ такъ сдѣлаю. Но покамѣсть поработаемъ во славу русскаго имени, которое я люблю, не смотря на то, что его позорятъ каждый день мои соотечественники.

Благодарю тебя за деньги, которыми ты снабдилъ Александру Михайловну. Мои финансы немного спутались, но я такъ немного издерживаю собственно на себя, что легко ихъ поправлю. Знаешь ли, что стоитъ мой обѣдъ? $21^1/_2$ коп. Положимъ, что кофе утромъ и чай вечеромъ стоятъ столько же. Вотъ тебѣ 50 к. Съ извощикомъ etc. круглымъ счетомъ день обойдется мнѣ въ 1 р. Я не курю, вина пью одну рюмку и то не всегда. Но обѣдаю каждую субботу ex officio въ клубѣ. Это мнѣ стоитъ въ мѣсяцъ рублей 20. И того 50 р. Такимъ образомъ трачу на себя въ годъ рублей 600, да на одежду etc. 400= 1000. Все таки много! но остатокъ значителенъ, однакожъ. Отдѣливъ изъ него 1000 руб. на Александру Мих. и 500 руб. на квартиру, у меня останется 4000 р. Это хорошія деньги въ умѣлыхъ рукахъ, а мои руки дѣваютъ ихъ куда-то. Отчасти знаю куда, отчасти не могу сообразить. Всего хуже, что ни въ чемъ себѣ не отказываю, кромѣ пищи и питія, которыя для меня составляютъ послѣднюю статью. Сегодня я обѣдаю въ клубѣ за 5 р. (съ виномъ) а завтра за $21^1/_2$ к. съ рюмкою водки и не нахожу большой разницы. Аппетитъ у меня всегда отличный. Небеса съ этой стороны ко мнѣ милосердны. Только и бѣда, что безотрадно какъ-то бываетъ на свѣтѣ, очень безотрадно,—и тутъ то иной разъ, подъ видомъ премудрѣйшихъ вещей, дѣлаются величайшія глупости. Жизнь моя испорчена давно. Напиши о себѣ и своей семьѣ etc., etc.

5.

Довгенько жъ ты мовчавъ, друже Иване! Та въ мене не було охоты до лыстування. Колы не лаяты все навкруги, то ничого й пысаты, а лайкою що поможешъ? Отъ тоби й отповидь на твои пытання. Скажешъ: якого жъ гаспида сыдышъ у той Варшави? А дежъ мени дитысь? На столыци насъ не треба, а на Вкраини дурень на дурневи сыдыть та дурнемъ и поганяе. А що вже Кіевъ, то выбачай—наврядъ чи й е на свити дурнищій городъ! Отъ хочъ бы ваши газеты, та цуръ имъ! Про таку погань и вспоминаты не стоить. Университетски панычи, ти мовлявъ профессоры, думають, що обо-

роняють Русь одъ Ляхвы, стелють же дорогу до панування на Вкраини—и именно тымъ, що побывають у цвити народню сылу, разлучаючи молодижъ изъ народомъ. Нияка сыла не обипретьця противъ лядьскои на Вкраини, опричъ тои, що заганяла колысь Ляхивъ за Вислу. Разумный знае се добре, а дурному нихто въ голову не вложить. То й ничого довго про се пысаты. А що читавъ ты, брате, въ «Слови», то се до тебе витромъ занесло шматочекъ паперу и ты зъ того шматочка небагацько второпавъ. Будуть колысь знаты, що може бъ треба було бъ зробыты для Галичинны, та колыжъ, мовлявъ, ...оглухлы, не чують... Якъ доведетця бачитысь, тоди тоби багацько поросказую, а пысаты исторію лыстами—шкода.

Твій П. Кулишъ.

1867 липця 12 зъ Варшави.

6.

1867 г. Іюня 22 Варшава.

Увѣдоми меня, друже Иване, какіе наибольшіе проценты получаешь ты за свои капиталы. Такіе проценты приложу я къ сотнѣ рублей, которую тебѣ долженъ. Изъ дружбы ты не долженъ лишиться ни одного рубля своихъ доходовъ; дружба должна заботиться о благосостояніи нашемъ. И такъ не моги возражать мнѣ противъ этого, потому что понятія мои о подобныхъ предметахъ отъ твоихъ хохлацкихъ (одни хохлы способны въ такихъ случаяхъ пятиться) возраженій не измѣнятся, а увѣдоми меня безъ утайки о maximum процентовъ, какіе ты извлекаешь изъ своей трудовой копѣйки. Такимъ образомъ мой заемъ не произведетъ въ твоихъ дѣлахъ ни малѣйшаго дефицита, а мнѣ это необходимо для моего спокойствія. Я и безъ того дѣлаю много глупостей, за которыя приходится внутренно себя бранить, какъ пошлѣйшаго человѣка.

Положеніе мое таково: получаю я обыкновеннаго жалованья 4500 р. въ годъ да чрезвычайнаго 1500 и того 6000 р. Долговъ остается у меня уже весьма мало или собственно говоря: никакихъ, потому что я считаю себя должнымъ 1000 р. а мнѣ должны 25000 р. По окончаніи дѣйствій Учредительнаго комитета, при которомъ я состою, есть надежда получить на два года по 4500 р. Не имѣя долговъ, я надѣюсь къ тому времени сберечь тысячи три. Итого у меня будетъ въ рукахъ тысячъ 12 р. да хуторъ, на который затрачено тысячи двѣ, да книгъ тысячъ на пять (это равняется почти нулю среди

нашего варварскаго общества). Такимъ образомъ результатъ всей моей дѣятельности выразится какими нибудь 14-ю тысяч. движимаго и недвижимаго имущества. Не за что уважать себя человѣку, чрезъ руки котораго прошло заработанныхъ денегъ не менѣе ста тысячъ и который способенъ столько работать, сколько я! Ты мнѣ—живой упрекъ. Ты изъ малаго составилъ несравненно больше и за то тебѣ подобаетъ отъ меня честь и поклоненіе. Аминь.

7.

Славни бубни за горами, а прійдешъ ближче—собача шкура; то такъ и ся холера. Ты здалеку жахаешся, а мы въ Варшави байдуже про неи. Тутъ инша бида: Катковъ пидъябеджуе, а дурныки лякаютця мене, мовъ ти Римляне Югурты, що мовлявъ, absens an praesens, pacem an bellum gerens perniciosior esset in incerto habetur. Що воны тутъ мени за хлопитъ роблять, то цилу кныжку напысавъ бы, колыбъ схотивъ усе пропысуваты. Ось прочитай 107 № «Московьскихъ Видомостей», то побачишъ, якъ на мене дыка сыла гукае. Видпысавъ я таке Каткову, що мовъ чемерици понюхае; а якъ не схоче напечатати (бо чести чортъ-ма въ его й за шелягъ), то пославъ я те жъ саме Аксакову; колыжъ и Аксаковъ почавъ уже собачими стежками бигаты, то тежъ саме пославъ у Петербургъ. Посатанилы вси, чи чорты ихъ нехай батька знае,—совсимъ дурни—мовъ довбешки. Ты ему образы, а винъ тоби лубья! Ну, та дарма. Нехай басують: сами себе осоромлять, бо мовлявъ: брехнею свитъ пройдешъ, тилько назадъ не вернешся. Пани моя гуляе за границею.

Выбачай же, друже Иване, що такъ до тебе прыхваткомъ пышу. Далеби що николе: то видъ собакъ видмахуюсь, то дило роблю

Твій Кулишъ.

1867 авг. 22 Зъ Варшавы.

8.

1868 ноября 29. Варшава.

Не писалъ я къ тебѣ потому, что мы молчалъ. Мое слово было послѣднее. Вопрошаешь, какъ меня Богъ милуетъ? По велицей милости своей и по множеству щедротъ своихъ. Здравствую, какъ всегда, и работаю какъ никогда. Учусь по еврейски и перевелъ съ лучшихъ

переводовъ четвертую часть всей библіи, да почти всю псалтирь стихами (107 псалмовъ уже). Псаломъ 1-й напечатанъ въ «Правдѣ», а 50 первыхъ выйдетъ отъ ея имени, яко *перва третина* книги, имѣющей заглавіе: *Украинській псалтирь або книга хвалы Божои*, безъ имени автора. Нехай нашимъ ворогамъ буде тяжко! Перевелъ я также Пѣснь пѣсней (*Письню надъ письнями*) и объяснилъ оную, держась Гердера, котораго читаю со тщаніемъ, равно какъ и многое другое, относящееся къ Библіи. Сіе толкованіе такъ же появится съ новаго года въ Галицкой Правдѣ, и въ настоящее время печатаются тамъ двѣ пѣсни Моvсеевы: на переходъ черезъ Чермное море и предсмертная. Хочу взять въ свои руки тамошнее духовенство, или лучшую часть онаго, какъ это ты узришь изъ дальнѣйшихъ моихъ дѣйствій по литературной части. У васъ въ Кіевѣ не понимаютъ, что теперь тамъ вся суть *русскаго* вопроса, т. е. коренного русскаго. Кіевъ, какъ былъ, такъ и остается безпутнымъ городомъ. *До дому я не собираюсь,* да у меня его нѣтъ, хотя есть хуторъ, снабженный всѣмъ необходимымъ для обыкновенной и даже литературной жизни; а *собираюсь я за границу* для библіотечныхъ работъ. Поживши тамъ мѣсяца два, я увижу, надобно ли мнѣ пребывать тамъ долго, или же можно возвратиться въ хуторъ и погрузиться въ кой какія писанія, кромѣ перевода Библіи, который пойдетъ быстро по окончаніи Псалтыря.

Въ Варшавѣ сидѣлъ я такъ долго для окончанія Сборниковъ административныхъ постановленій, за которые мнѣ назначено награды 4500 рублей, и сія награда уже утверждена, но я еще не получилъ формальнаго увѣдомленія и, должно быть, не получу денегъ раньше новаго года, къ которому обыкновенно пріурочиваются подобныя событія. Очень ошибаешься, друже Иване, воображая, что живи я на на родинѣ, я могъ бы имѣть благотворное вліяніе на моихъ земляковъ: перебравши въ жизни много людей, я пришелъ къ заключенію, что моихъ земляковъ, т. е. представителей интеллигенціи, надобно предоставить ихъ ничтожной судьбѣ. Пускай ими займется еще кто нибудь другой, а я намѣренъ заниматься только своею особой. «Предметъ достойный»! какъ говоритъ бѣдняга Пушкинъ, который—...Людей, конечно зналъ

И вообще ихъ презиралъ,
Но правилъ нѣтъ безъ исключеній"—

сказано далѣе. Существуютъ исключенія и для меня, но для нихъ нѣтъ надобности жить на родинѣ. Землю покупать мнѣ никакъ не

приходится, по нынѣшнимъ моимъ и дальнѣйшимъ работамъ, при которыхъ съ меня довольно хутора, чтобы наблюдать растительную и животную жизнь. Эта мысль занимала меня нѣкоторое время, а теперь я рѣшился жить процентами съ небольшого моего капитала,—это дастъ свободу и досугъ.

Благодарю за обстоятельное увѣдомленіе о твоей семьѣ. Сохраненіе столькихъ дѣтей живыми и здоровыми лучше всего свидѣтельствуетъ о твоей мудрости, а если изъ нихъ выйдутъ работницы и работники мысли, то я причислю тебя къ величайшимъ изъ людей. Жаль, что ты недовольно проникнулъ въ сущность украинскаго вопроса, который жизненнѣе всѣхъ другихъ на нашей родной почвѣ. Кто стоитъ въ сторонѣ отъ него, о томъ можно сказать, что онъ не напишется въ книгѣ живыхъ. Память всѣхъ этихъ высоко или широкоглядовъ потребится отъ земли нашей. Восхвалятся и благословятся грядущими родами только тѣ, которые хлопочутъ, чтобы землю нашу наслѣдовали потомки проливавшихъ за нее кровь свою. О прочихъ будетъ столько памяти, сколько о строителяхъ желѣзныхъ дорогъ и тому подобныхъ полезныхъ вещей. Они получаютъ свою мзду, какъ поденщики, и остаются чужими на обработываемомъ или огораживаемомъ ими кускѣ земли. Мы же—прямые господа и владыки этой земли: на ней отпечатается нашъ нравственный образъ, и будетъ она извѣстна народамъ чертами этого образа, ничѣмъ неизгладимыми чертами. Такъ вотъ и жаль мнѣ, что ты воображаешь себя болѣе мудрымъ человѣкомъ, нежели еси на дѣлѣ. Но спасибо и за то, что въ тебѣ есть. Моя Александра Михайловна вмѣстѣ со мною всѣмъ вамъ кланяется. Будь счастливъ по своему, какъ я—по своему.

Въ Варшавѣ проживемъ, по всей вѣроятности, до половины января, а потомъ за границу. Пиши на мое имя, въ Хмѣльной ул. № 1260, а по моемъ выѣздѣ туда же на имя Вас. Мих. Бѣлозерскаго. Щербакъ не отвѣчалъ мнѣ на письмо мое о книгахъ, писанное еще лѣтомъ. Недавно я послалъ ему письмо о Словарѣ. Теперь онъ писалъ къ Бѣлозерскому, но все-таки не ко мнѣ. Твой Кулишъ.

9.

Оце уже й йиду! Сей лыстъ укинетця въ скрыньку де небудь на дорози. Чи надовго, чи ни—не знаю: тамъ побачу. Адресу мого заграничняго не посылаю, бо не знаю й самъ, де скильки перебуду

часу; а потимъ, якъ уже знатыму, напышу до тебе, мій добрый и шановный друже. Колыжъ бы трапылось до мене що напысаты, не дожидаючись мого сповисту, то пыши въ Варшаву на имъя Вас. Михайловича (Бѣлозерскаго) Хмѣльна ул. 1260, а винъ вже знатыме, куды переслать. Бувайже здоровъ и щастлывый изъ любою твоею жинкою и съ кохаными твоими диточками.

Твій Кулишъ.

1868 г. дек. 30. Варшава.

10.

1 февр. ст. ст. 1869. Хлоренція.

Выйихавши зъ Варшавы, я все не здужавъ, та ще, вповаючи на теплу погоду, не взявъ зъ собою теплои одежи, то простудывсь дорогою, а ще бильшъ у Видни въ поганому отели, куды мене завезено оманою. Звелено йихаты въ добрый отель, а пидкуплена ледарь мовчки прывезла (середъ ночи) куды схотила. Хата—якъ ледовня, у викна дме, натопыты и обогриты було не можна. Черезъ се я тяжко простудывсь, такъ що мусылы клыкаты до мене виденьского Ипократа Опольцера. Поправившись скилько було треба для дороги, я перейихавъ у Венецію. Тамъ на биду страшенный морскій туманъ, а пидъ прокляту карновальну годыну—насылу знайшлы хатыну съ такою печчю, якъ бжолыный улыкъ, та ще й то дымуе; и беруть за сю радисть у сутки карбованьцивъ зо два. А биснуватый чортячими голосами верещыть зо всихъ бокивъ! Вырвавшись зъ сего пекла, насылу я добравсь до Хлоренціи,—и тутъ холодно, сыро, дощъ, хата пидъ небомъ, да й туды зъ земли долитае карнавальске верещанье. Ничого въ свити нема такого ненавыднаго, якъ сей галасъ и свыстання у сто свыстківъ разомъ. И ни на одну пивгодыну изъ 24 годынъ не замовкне пекельна тривога скаженого народу! Думавъ, що вмру. Выйты не можна, бо улыця захрясна народомъ та божевильными возами, и куды не піїдешъ, усюды народъ скаженіе. Дывувавсь я, що Италія не знае ничого кращого надъ московськи балаганы зъ ихъ мекекеканнями, пыскомъ, верещаннями, свыстомъ, дыкимъ гикомъ, реготомъ, погаными завыванями и всякою огидою для уха и ока. Теперъ, бачу що москали перейнялы свій ледачій гармидеръ балаганный, свое безумне галасування и передражнювання чортякъ на масныци у сіеи ледачои черни, зопсованои Римлянами, Гуннами, Оварами и т. д. и т. д.

Оцежъ, хвалыты Бога, зныкъ карнавалъ, и я трохи очунявъ, то й пышу до тебе, друже Иване, оливцемъ, не маючи въ сему дыкому краи ни папера, ни черныла путнего. Не здужаю! Небо въ хмарахъ, отели погани, всюды дають йижу и пыття погане, та яке жидивство, яке ошуканство! Хочешъ воловыны, а винъ тоби зжарыть свыныны зъ дымомъ. та й бреше въ вичи, що се воловына. У всій Хлоренціи я не знайшовъ ни кохве, ни шоколаду по смаку. Найнявъ гарный номеръ гостынныци, съ каминомъ и давъ задатокъ. Перейихавъ зъ другого отеля, ажъ мою куплену я заплачену хату оддано другому, а мене втереблено въ таку, що нема камина, ни печи. Усе вильготне, а папиръ мокроватый. Вернувсь кашель. Ни власти, ни права, ни чести, ни совисти, ни порядку, ни самои арыхметыки тутъ нема. Се хранцузы вызволылы Италію съ пидъ нимця, а сама вона не згидна ни на що, и завтра іи Наполеонъ, колы схоче, оддасть изновъ нимцеви. Та и добре зробыть: тогда хочъ якій небудь буде тутъ ладъ. Багацько роскazавъ бы та цуръ ему!

11.

14 апрѣля 1869 года Венеція.

Спасибо тебѣ, друже Иване, за готовность выручить меня, но деньги у меня уже есть. Получилъ я наконецъ Высочайшую награду за Сборникъ административныхъ постановленій, хоть и обманули меня, давши только 2000, вмѣсто 4500 р. Но лучше что нибудь, нежели ничего... Дѣла мои обстоятъ благополучно. На задни колеса я постоянно озираюсь. Этого не опасайся. Здоровье мое поправилось, но буду еще купаться въ морѣ, слѣд. пробуду въ Венеціи по крайней мѣрѣ до половины іюня. Пожалуйста не сѣтуй за небрежность и краткость моихъ писемъ, иначе и быть не можетъ. Твій Кулишъ.

12.

13/25 мая 1869 г. Прага.

Спасибо за извѣстіе о своемъ финансовомъ положеніи (тѣмъ болѣе, что оно сносно) и о семейныхъ твоихъ обстоятельствахъ. Хорошо твоей дочкѣ Сонѣ побывать между чужими людьми, но между какими—вотъ вопросъ! Пословица про бычка подвернулась тебѣ подъ перо безъ особаго выбора. Она сюда не идетъ. Теперь и бычковъ

не такъ обучаютъ, какъ въ старину. Кажется, однакожъ, что ты именно для того желаешь дочку помѣстить на время среди людей чужихъ, чтобъ она узнала, *почимъ кившъ лыха*. Друже Иване! Не хлопочи объ этомъ: узнаетъ она, хоть бы ты и не хотѣлъ, цѣну этого товара. Надобно заботиться о томъ, чтобы человѣкъ—пока молодъ и воспріимчивъ—видѣлъ и слышалъ, а также испыталъ, какъ можно больше хорошаго и радостнаго. Поэтому, если Херсонцы твои славные люди, то случаемъ этимъ нужно дорожить; если же они ни то, ни се, какъ обыкновенно бываетъ большинство, то гораздо лучше твоей Сонѣ пребывать въ Кіевѣ и что-нибудь пригодное для себя на будущее изучать, особенно же хлопотать о самодѣятельности. Нынѣшнее воспитаніе и положеніе мужчинъ вообще приводитъ къ безхарактерности. Женщины, случайно, находятся, внѣ вредныхъ вліяній, уничижающихъ человѣка въ мужской формѣ. Такъ надобно стараться, чтобъ онѣ сами были въ состояніи заботиться о своемъ семействѣ, не разсчитывая на руководство такъ называемаго болѣе сильнаго (вовсе не съ нравственной стороны) существа. Ну, да что тебѣ совѣтовать? Поговоримъ о другомъ...

Изъ Италіи я выѣхалъ потому, что докторъ, которому я вѣрю, написалъ ко мнѣ, что бы я *не* купался въ морѣ. Самъ онъ скоро пріѣдетъ за границу и мы вмѣстѣ попутешествуемъ. Я и избралъ своимъ временнымъ пребываніемъ Прагу, какъ ближайшій пунктъ къ его шляху. Тутъ очень хорошо со стороны цивилизаціи и простоты жизни и природы. Теперь адресуй ко мнѣ на мое имя: Ulice Lipova № 474.

13.

16/30 іюня 1869. Вѣна.

Я страдалъ отъ простуды и отъ холоду; не безъ того, что и усталость отозвалась во мнѣ. Были и еще кой-какія обстоятельства, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ ты знаешь. Разочарованіе въ человѣкѣ—тяжкое дѣло! Онъ—знаменатель многихъ, ему подобныхъ. Да вотъ пріѣзжаетъ Деньковскій, осматриваетъ меня весьма тщательно и объявляетъ, что мнѣ можно преспокойно работать еще 25 лѣтъ. Лѣкарствъ никакихъ, разрѣшеніе вина и елея, полное купанье такъ же. Съ того дня силы мои удвоились, и я теперь здоровъ, какъ рыба въ водѣ. Работаю я постоянно—это нормальное мое существованіе.

Иначе—я бы пропалъ отъ скуки. Нѣтъ Бога кромѣ Аллаха, а Магометъ пророкъ его. Нѣтъ жизни внѣ труда, а я—любитель труда.

Черезъ часъ праздной бесѣды (напр. за обѣдомъ) я уже скучаю, кто бы ни былъ мой собесѣдникъ,—развѣ разговоръ самъ по себѣ будетъ—работа, и притомъ близкая къ моей сферѣ. Ал. Мих. безпокоится обо мнѣ подъ вліяніемъ обыкновенныхъ страховъ за жизнь дорогого человѣка. Это—ароматъ ея сердца, но я не желалъ бы, чтобъ онъ такъ дорого ей стоилъ. Ты же, друже Иване, долженъ успокоиться совершенно и даже измѣнить свое воззрѣніе на мои лѣта. Я перестану работать въ день моей смерти, хотя бы она случилась въ самомъ дѣлѣ черезъ 25 лѣтъ. Жатва многа, дѣлателей же мало! Мои занятія поддерживаютъ, а не истощаютъ меня: вѣрь этому!

Нѣкоторыя обстоятельства представляютъ для меня возможность пріѣхать, черезъ мѣсяцъ, или около того, къ себѣ въ Пиддубень. Можетъ быть на зиму опять выѣду, а можетъ быть буду зимовать въ хуторѣ. Тогда повидаемся и поговоримъ подробно обо всемъ, что тебя интересуетъ въ моихъ занятіяхъ. Настоящее время самое для меня скучное: надобно ждать, чтобы въ одномъ мѣстѣ сдѣлалось то, а въ другомъ другое, а безъ того нельзя никакъ устроить своего быта опредѣлительно. Комбинаціи тутъ чисто денежныя. Если у меня не будетъ довольно денегъ, то мнѣ лучше зимовать дома. Тамъ я исполню такую часть моихъ работъ, для которыхъ здѣсь не имѣю матеріалу и пособій, напр. по Словарю, по своду народныхъ думъ и пѣсенъ, по грамматикѣ. Даже для изученія еврейскаго языка у меня тамъ очличныя есть изданія, принадлежавшія нѣкоему оріенталисту и находящіяся у меня много уже лѣтъ на храненіи. Вотъ когда понадобились наконецъ.—Къ Чехамъ Соню везти не для чего, а въ Швайцарію—превосходно! Я попрошу Деньковскаго озаботиться пріисканіемъ пансіона и сообщеніемъ тебѣ всѣхъ условій. На нихъ положиться можно. Теперь они ѣдутъ въ Берлинъ, а въ Швейцаріи будутъ черезъ мѣсяцъ. Благодарю тебя за любовь ко мнѣ, который такъ мало имѣетъ возможности доказать тебѣ, какъ онъ ее цѣнитъ. Будь счастливъ! П. Кулишъ.

14.

Безцѣнный друже Иване! Бувъ я въ тебе неспавши ничъ, то бачивъ и чувъ усе кругомъ наче кризь сонъ. Оце жъ пріихавши трохи згодомъ побачу и почую все наново. У Бровари выклыкавъ я

до себе зъ села за 17 верстъ Митрофана (Александровича) и бесидовавъ изъ нымъ, уже выспавшись дуже смачно. До дому добравсь передъ пивниччю, ще не спалы. Гарно дуже въ сему куточку Азіи, бо людямъ про неи байдуже. Ну, та про се описля; а теперъ прошу тебе си 105 рубливъ ислати ось по якому адресу: Oesterreich, Wien, Herrn Pantelemon Kulisch. Vorstadt Wieden, Untere Allee-Gasse № 9... Тамъ е довиренность у одного земляка. Винъ знатыме, що з сими гришми чиныти. Тильки благаю посылать негайно. Якъ прышлють тоби зъ Видня аглицьку кныгу, то вызволь іи швыденько съ цензуры, та заразъ и посылай до мене, а втрату запыши. Пры сій нагоди скажешъ мени, кому ты здавъ мои «Записки Южной Руси», що було въ тебе ихъ доволи прымирныкивъ. Твій Кулишъ.

15.

1869, серпня 24. Пиддубень.

Думка моя йихаты въ Кіевъ розбылась объ усяки дибни на поглядъ, а справди велыки перепынки. Я сподивавсь мебель свою знайты вже въ Пиддубни, а вона лежала у Курському та гныла соби пидъ голымъ небомъ на дощахъ. Уси мои кныги, папиры, одежа, да й сами ключи булы тамъ позаховуваны. Не знавъ я, чи йихаты туда на выручку, чи ждаты, що мени поможе выслаты одинъ добродій, що пиддобрывсь изъ послугою на зализныци; та вже насылу, та на превелыку сылу, выкрутывъ я свое добро съ поганыхъ рукъ, що держать у Рассѣи зализныци та не хочуть складуваты пересылокъ пидъ покрыттями, а гноять та каличать по вподоби поганои души своеи. Се тоби одна перепынка, друже Иване. Ще жъ то знаешь, що я покинувъ хутиръ, не добудовавши хаты. Теперь заходывсь кукобыты—чортъ-ма робитныкивъ! Обицяють прыйты та й зводать: такій тутъ народъ выроблено! Зимоваты жъ не можна безъ захисту. Се друга перепынка. А третя ось яка: Васыль Билозерській просывъ роспродаты его землю, та зъ сіеи роспродажи взяты й соби частыну грошей, що винъ мени вынепъ. Якъ же почалы мене водыты одъ тыжня всяки homunculi, то вилыла давно й Пречиста, а дило а-ниже не посунулось. Теперь же мени треба йихаты въ Черныговъ, а тамъ те, а тамъ инше, то гляды—ще мисяць уплыве, мовъ та дныпа. Оттакъ у сему мертвому краи зныкае за ни за що викъ людській! Все, що я зробивъ за цей мисяць тутъ, можна бъ—ей же ты Богу—

зробыты въ Нимещини за два дни, та ще й безъ досады, безъ тривоги, безъ нудьги. А воны хочуть Европу попереджуваты дурни! Брались бы вже въ Монгольщину, та й булобъ зъ ныхъ. Ни! Тымъ варваръ и варварствуе, що не знае свого варварства. Сповисты жъ, друже мій Иване, добрыхъ сусидъ своихъ, що не абы-чого, а таки справди черезъ велыкій скрутъ не прыйихавъ я, такъ якъ думавъ, у Кіивъ, та й уклонысь имъ любенько видъ мене.

Найпотребнища мени кныга, що прыйде на твое имъя зъ нимещины; вона мусыть пійты въ цензуру,—то выкруты іи зъ сего мытарства та й прысылай до мене заразъ. Хвалыты Бога, я соби здужаю и любе мени вельми життя на хутори: найкраще воно въ свити! Тилько треба добре окукобытысь и все впорядкуваты. Кланяюсь щиримъ серцемъ твоій семьи! Твій Кулишъ.

16.

15 сентября 1869 г. Поддубень.

Съѣздилъ бы ты, друже Иване, въ село Печи, находящееся въ 20 верстахъ по сію сторону отъ Нѣжина. На станціи ж. д. остановки 3 минуты. Отъ станціи въ 2 верстахъ—село Печи. Возлѣ самой церкви живетъ нашъ прикащикъ Лавринъ, управляющій 41 десятиною продающейся земли, который тебѣ ее покажетъ и разскажетъ. Поставивъ ногу на этой землѣ, обладая деньгами наличными, можно купить по случаю весьма хорошее имѣніе, а это яко удобное по позиціи продать.

Если хочешь, поѣзжай далѣе по ж. д. въ село Плиску. Тамъ прикащикъ Григорій Король покажетъ тебѣ 30 десятинъ поля (безъ лѣсу); за эти 30 десятинъ можно взять 2000 р. Только знай, что то и другое имѣніе предоставлено доктору Дыньковскому, отъ котораго я ожидаю и денегъ. Только въ случаѣ его выбора или отказа, я могу имѣть сдѣлку съ тобою. Это рѣшится скоро. И въ первомъ и во второмъ имѣніи ты будешь часто видѣться со мной; а со временемъ можемъ и очень присунуться одинъ къ другому своими оселями, да къ тому заведемъ еще какую нибудь совмѣстную покупку и перепродажу. Твой П. Кулишъ.

17.

$^{15}|_{27}$ декабря 1869. Вѣна.

Безцѣнный друже Иване! Въ Варшавѣ пробылъ я только сутки, и на 8-й день по отъѣздѣ изъ Кіева насилу добрался до Вѣны. Желѣзныя дороги въ Россіи исполнены невообразимыхъ безпорядковъ и задержекъ. Надобно считать за счастье, что я остался живъ. Лучше было бы ѣхать на Брестъ—но не въ дилижансѣ, который своего рода каторга. Здоровье мое пострадало въ дорогѣ мало. Нѣсколькими днями сидѣнья въ комнатѣ возстановлю его. Радость земляковъ о моемъ пріѣздѣ была велія,—и есть чему радоваться! Очень доволенъ я, что рѣшился ѣхать, при самыхъ неблагопріятныхъ денежныхъ обстоятельствахъ.

Теперь о другомъ. О продажѣ тебѣ земель въ Печахъ я говорилъ съ Вас. Мих.; онъ совершенно согласенъ отдать ихъ за 1200 р. кромѣ грунта, заключающаго въ себѣ 1 десятину. Этотъ грунтъ обѣщано продать Лаврину, который всего больше дорожитъ сосѣдствомъ «Дому Божого». Помни, что печинская станція по ж. д. (20 верстъ по ту сторону Нѣжина), называется не Печи, а *Круты*, по имени другого сосѣдняго села. Содержаніе твоего Юліана въ Вѣнѣ maximum будетъ стоить 320 р. въ годъ. Устроить его положеніе готовы, какъ близкіе родные для близкаго родного. О Сонѣ еще ничего не скажу относительно того, что я ей лично обѣщалъ, но всячески буду стараться.

Посылаю нефранкировавши ради вѣрнѣйшаго полученія, и ты не франкируй ко мнѣ. Всегда пиши: Oesterreich—Wien poste restante. Herrn P. Kulisch.

18.

28 января 1870 Пиядубень.

Получивши, друже Иване, твое письмо, я написалъ было тебѣ очень чувствительный отвѣтъ, но медлилъ отослать въ ожиданіи кое какихъ событій. Между тѣмъ чувствительность письма, въ виду твоихъ тяжелыхъ обстоятельствъ, показалась несоотвѣтственною. Кого можно утѣшить словами? А никакого дѣла, способнаго тебя возвеселить, нельзя предпринять. И такъ, я уничтожилъ письмо мое и ограничиваюсь простымъ увѣдомленіемъ, что я сдѣлаю все, тебѣ угодное.

Земли и лѣса я продаю по уменьшенной цѣнѣ и деньги тебѣ доставлю во-время. Дѣлай, что признаешь за меньшее изъ золъ или за лучшее изъ благъ, чтобы ни на кого въ душѣ не сѣтовать. Ко мнѣ раньше весны не пріѣзжай: у меня холодно. Домъ не былъ выпробованъ зимою: ни разу въ немъ не зимовали со времени постройки. Увѣдоми меня, лучше ли стало вокругъ тебя? Я каждый день о тебѣ думаю. Знай, что я по мѣрѣ всего отъ меня зависящаго приму участіе въ твоихъ семейныхъ дѣлахъ во всякое время и вездѣ.

Твой Кулишъ.

19.

10 февраля 1870. Пиддубень.

Я послалъ тебѣ, друже Иване, 300 р. и еще пришлю въ скоромъ времени 200. Продавать земли я долженъ и помимо твоей надобности, а о дорогой продажѣ напрасно мечтать, потому что денегъ въ нашемъ краѣ нѣтъ—или мало.

Пріѣзжай ко мнѣ не раньше весны, когда можно будетъ гулять на дворѣ. Не привози зъ собой ни Шевченка, никого другого. Кто имѣетъ ко мнѣ надобность, пусть пишетъ. Я постоянно занятъ и мнѣ каждый, кромѣ тебя одного, только мѣшаетъ. Твой П. Кулишъ.

N. Въ Плискѣ умеръ мой пріятель, козакъ, на котораго я во всемъ полагался. Это заставило меня продать початую постройку лавки и уступить мѣсто подъ гостинницу своему товарищу. Ограничиваюсь однимъ хуторомъ и въ немъ сосредоточиваю всю свою дѣятельность; да и то все хозяйство предоставилъ я Алекс. Михайловнѣ, а самъ знаю одни книги. Такою рѣшимостію я себя удосужилъ для дѣла литературнаго и очень успокоенъ.

20.

1870 серпня 27 Венеція.

Коханый друже Иване! Такій у мене бувъ тяжкій нежитъ у Кіеви, що не можно було й на свитъ Божій дывытысь, не то вже любе слово промовыты. У дорози жъ те лыхо якось мынулось. До Радзивилова мусылы мы йихаты киньми, а вже тильки зъ жидивскихъ Бродъ полетилы огнянымъ возомъ, мовъ той святый Илля. Якъ я казавъ, такъ и сталось, що не знаю де опынюсь. У Виднип тилько поба-

чивъ що мушу йихаты въ Италію. Не згирша й се краина: трохи краща видъ багнюковатои Борзенщины. А що вже небо, такъ и Господы! Умочивъ Господь здоровеннаго квача въ самый чистый блакитъ да за однымъ махомъ и вымазавъ его все, не покинувши й малесенькои плямынки.

Литературную працю свою я добре злагодывъ, знайшовши охочихъ помишныкивъ до чорнои роботы. Теперъ трохи погуляемо зъ Иваномъ, якъ ти бжолы, що давно пасишныкъ не выпускавъ на прійгру: бодай чи не махнемо ажъ туды, де колысь у ночи загегекалы на ввесь свитъ гуси. А поки що, то й Венеція, втишае насъ мовъ доброго чоловика пысанка на Велыкдень. Забуваешъ усю гидоту, на яку надывывсь сидачи дома мовчки. Душа здаетьця крылатою, а въ серци—ни крихотки туги. Оттаке воно, брате, дыво!

Подякуй пану Михайлови и іого любій жинци, що пустылы переночуваты, та пысны иногди до мене про свое житте и здоровья. Вельми я втишався, що ты помолодшавъ; а зимою прыстарывся бувъ дуже! Не турбуйся дуже про долю дитворы твоеи. Якось мы зъ тобою прожилы мижъ добрыми й лыхими людьми; то чомъ же имъ не прожиты? Жинци твоій вклоныся видъ мене любенько. Адресъ Italia—Venezia al sign-r Panteleone Kulisch. Hotel Bauer.

21.

5 окт. 1870. Венеція.

Друже мій Иване! Якъ живешъ на свити? Я добре. Тутъ мы не знаемо ни витру, ни холоднечи. Любо якъ у насъ на провесни. Газеты не дають ничого робыты: знай читаю. Та й е що читаты! Тилько французы и вси ихъ пріятели разъ у разъ брешуть. Оце жъ думаю, що й до васъ доходыть бильшъ брехни, нижъ правды. Пани моя ще въ хутори. Е чутка, що зализныця до Волочиска незабаромъ буде готова. Колы такъ справди, то попросы любого нашого Михайла (Щербака) нехай спровидуе та й сповистыть мою пани заздалегидь, щобъ вона не былась по далекихъ дорогахъ. Пыльно про се благаю.

Про себе ничого пысаты опричъ того, що добре здужаю, та у сему жъ и вся ричъ. Бувай здоровъ зъ усіею семьею, та напыши про себе. Спизнався тутъ изъ вашимъ Кіяныномъ Цихановецькимъ Се добра людына. Твій Кулишъ.

Якъ йихатыме моя пани черезъ Киівъ, то нехай Мыхайло наготуе ій нове выданне Богдана Хмельницького. Я й до неи про се пысавъ, колыбъ не забула.

22.

⁶|₁₈ Февр. 1871. Вѣна.

Дорогій друже Иване! Обицявъ еси телеграммою выслаты гроши тай не выславъ. Може, прочитавши мій лыстъ, та побачивши, що я прошу грошей не для себе, ты мрукнувъ соби тай байдуже. Колы такъ воно есть, то помылывся ты здорово. Тымъ часомъ прыйшлы до мене инши гроши, такъ и не бида, а колыбъ и си гроши загаялысь, то бувъ бы велыкій скрутъ. Оце колы пославъ ты гроши, то добре, колыжъ не пославъ, то й не посылай, ажъ поки не сповищу, а може ихъ и зовсимъ буде не треба. Тилько зробы мени ласку, напыши заразъ про всю прычину, щобъ я знавъ, бо мушу сповистыты негайно Ив. Билозерскаго у Венеціи.

Мы зъ жинкою тильки вчора въ ночи прыбулы до Видня. Загаемось тутъ довгенько, хиба сама пани схоче вернутысь швыдче въ хуторъ доглядиты господарства на провесни. Прошу тебе, друже, сповистыты мене, чи йиздять уже зализныцею зъ Киева до самого Радзивилова, чи й доси ни, и колы ни, то чи хутко йиздытымуть.

Твій Кулишъ.

23.

5 іюня 1871 года. Пиддубень.

Безцѣнный другъ Иванъ Филипповичъ! Я уже дома. Печатанье будетъ продолжаться заочно. Я все для этого устроилъ, и нѣтъ надобности мнѣ издерживаться на содержаніе моей особы заграницею.

Отдохнувши, пріѣду въ Кіевъ. Кланяйся Мих. Григор. и его домашнимъ, а куми моій поцилуй ручку.

Твій Кулишъ.

24.

8 іюня.

Посылаю тебѣ 1000 р. Строилъ я себѣ планъ поѣздки въ Кіевъ, но вышло иначе. Пани моя боится за меня холеры. Досадно! но дол-

жно покориться. Раннюю часть косовицы я окончилъ съ большимъ успѣхомъ, такъ что пожалѣлъ о сѣнокосахъ, отданныхъ косить съ половины: слѣдовало косить самому. При всѣхъ издержкахъ, было бы выгоды на 25%. Въ слѣдующемъ году буду косить все самъ. Произведеннымъ опытомъ добылъ я много практическихъ свѣдѣній, какъ быть съ рабочими. Я начинаю слыть хозяиномъ, котораго дѣламъ удивляются; я всегда удивлялся неумѣнью моихъ сосѣдей хозяйничать. Что сдѣлало изъ меня лучшаго между чиновниками въ Варшавѣ, то самое сдѣлаетъ и лучшимъ между хозяевами. Моя заповѣдь: est modus in rebus. Ни теоретика,ни практика меня не увлекаютъ. Каждая мѣстность имѣетъ свои законы для дѣйствій. Покамѣсть я не ошибаюсь. Лѣсъ, купленный мною за 2000 р., цѣнятъ уже въ 5000 р; а за проданный Тарновскому давали мнѣ два года назадъ только 1300 р., но я не уступилъ даже и въ крайности, до которой довелъ меня Иванъ Бѣлозерскій. Этимъ предъ тобою хвастаю! Пріобрѣтеніе Матроновки дастъ мнѣ новые законы дѣйствій. Побачишъ! Жаль, что мнѣ не удалось повидаться съ тобой и развить передъ тобой мои гарантіи успѣховъ. Ничего я не предприму, не гарантируя напередъ. Да вжежъ колысь побачымось не только въ Кіевѣ, но и въ сихъ злачныхъ мѣстахъ! Бувай здоровъ! и да пронесется надъ твоей семьей безвредно бѣда холерная!

Старайся продать мѣсто на Рейтарской улицѣ по прежнему и по прежнему не спѣши высылкою денегъ заграницу Ивану Б. Этому человѣку я ни въ чемъ не вѣрю.

Твой Кулишъ.

25.

27 сент. 1871 года.

Комендантъ спрашивалъ своего субалтерна: почему не стрѣляли? Тотъ отвѣчалъ: «во 1-хъ не было пороху, во 2-хъ....—Довольно! сказалъ комендантъ. Этой одной причины совершенно достаточно, чтобъ стрѣльбы не было.

Такъ и я расписалъ тебѣ всю исторію и не сказалъ, что я состою очереднымъ почетнымъ мировымъ судьею 1-го участка, и что участковый судья Рындовскій уѣхалъ въ отпускъ, сдавши мнѣ дѣла и деньги. Поэтому мнѣ никакъ нельзя ѣхать въ Кіевъ. Не разрѣшитъ мнѣ этого и Мировой Съѣздъ.

Для дѣлъ я не отлучаюсь изъ дому, а сужу народъ среди своего лѣса. Добудь денегъ хоть у чорта и пришли 700 р., а 1300 храни у себя. Твой Кулишъ.

26.

27 сент. 1871. (Матроновка).

У меня работаетъ 20 человѣкъ солдатъ. Въ мое отсутствіе, они работать не могутъ, потому что дѣятельность ихъ была бы для меня равна непріятельскому нашествію. Я не пріѣду и не понимаю, какимъ образомъ я, неизвѣстное банку лицо, могу дѣлать подпись на векселѣ! Кликни съ улицы перваго прохожаго, пусть онъ подпишется; это будетъ равносильнѣ для банка моей подписи. Однимъ словомъ: я не поѣду до отпуска солдатъ не только въ Кіевъ, но и за пять верстъ. Даже по воскресеньямъ они работаютъ (за особую плату), но работать въ отсутствіе хозяина никоимъ образомъ не могутъ, все равно какъ слѣпой не можетъ работать въ благоустроенномъ домѣ, совершенно ему чужомъ. И такъ, или достань денегъ, не требуя меня самого въ Кіевъ, или оставь меня на произволъ судьбы. Я заранѣе писалъ къ тебѣ о солдатахъ, но ты неясно представлялъ ихъ работу. Она есть пересозданіе самой мѣстности изъ хаотическаго состоянія въ благоустройство, о которомъ сіи бобры не имѣютъ никакой идеи. Оставить ихъ безъ присмотра на одинъ часъ—значитъ рисковать предметами незамѣнимыми—именно деревьями, а по предмету рытья земли произойдетъ безсмыслица. Ты, можетъ быть, скажешь: почему же пани твоя не замѣнитъ тебя во время отсутствія въ Кіевъ? отвѣчаю: потому самому, почему жена Мольтке ни одинъ разъ не замѣнила его во время французской кампаніи. Я нахожусь въ экспедиціи, отъ которой зависитъ существованіе новаго міра, моей Америки, а ты велишь мнѣ ѣхать въ Кіевъ для какой-то подписи! Жаль, что ты не могъ быть у меня и осмотрѣть мою территорію въ томъ видѣ, какъ она мною пріобрѣтена. Посѣтивъ меня въ другой разъ, ты бы видѣлъ, что здѣсь произошло, какое превращеніе!

Твой П. Кулишъ.

27.

1 ноября 1871 года.

Знай, друже Иване, что я съ 25 сентября по вчерашній день находился въ лѣсу при работахъ съ разсвѣта до ночи, приходя обѣдать на полчаса. Часто я долженъ былъ навѣдаться и въ хуторъ, гдѣ часть солдатъ работала разныя разности. Рабочихъ у меня было сперва 20, а потомъ 30 человѣкъ. Вчера только я отпустилъ ихъ, «такъ какъ ихъ потребовано въ полкъ». Ротный командиръ выпросилъ для меня у полковника только пятерыхъ солдатушекъ, которые придутъ завтра и которыхъ работа, безъ моего постояннаго присутствія, была бы для меня вредна, а не полезна. Не знаю еще, на сколько времени отпущены сіи христолюбивые воины, но во всякомъ случаѣ прибуду за нѣсколько дней до двадцатаго декабря, да еще, пожалуй, и кису денегъ тебѣ привезу, потому что источники моихъ пріобрѣтеній разверзаются. Чего добраго, мы и въ банкѣ денегъ не будемъ имѣть надобности брать. Посмотримъ, что можно сдѣлать, но будь увѣренъ, что я не посажу тебя на леду къ 20 декабря. Писать больше некогда, спѣшу къ Имшенецкому. П. Кулишъ.

28.

17 декабря 1871. Матроновка.

Слѣдуетъ увѣдомить тебя, единый друже Иване, что я живъ и здоровъ, хотя могъ бы быть уничтоженъ и сломанъ многажды съ того времени, какъ оставилъ твою гостепріимную обитель. Недавно произведено нападеніе на двухъ купцовъ, ѣхавшихъ въ 4-мъ часу, т. е. утра, на станцію, пятью рыцарями таинственнаго ордена, а въ самое утро моего отъѣзда въ пассажирскую залу вбѣжалъ полунагой человѣкъ, ограбленный на платформѣ. Мнѣ слѣдовало имѣть револьверъ въ рукѣ, а не въ саку. И такъ вѣдай, что живъ и здоровъ человѣкъ, который былъ наилучшимъ относительно самого себя въ тѣ времена, когда казался другимъ «ледащомъ» относительно кого бы то ни было. Sąd nad nami nie dany nikomu:

Chcąc mnie sądzić, trzeba być we mnie, nie ze mną.

Я тебя уважаю между прочимъ за твою терпимость, выражающую въ моихъ глазахъ недовѣріе къ собственному суду; но и ты не всегда стоишь на одинаковой высотѣ пониманія дѣлъ человѣческихъ.

«Какъ трудно быть справедливымъ къ человѣку!» сказалъ однажды Ив. Ив. въ Венеціи, и эти слова дали мнѣ почувствовать, что онъ, не смотря на недодѣланныя и заскоренныя части своей будивли, очень умный человѣкъ. Продолжаю прежнюю мысль. Ты видишь, что мнимое нѣкіими во время оно ледаще, чрезъ много послѣ того лѣтъ и превратностей жизни, отвергаетъ сіе мнѣніе совершенно такъ, какъ отвергалъ бы и въ самый моментъ мнимаго ледарства да еще, нотабена, отвергаетъ посреди тяжкихъ заботъ объ обезпеченіи кой-кого на случай прежде ожидаемой своей смерти, хотя сей кой-кто и не необезпеченъ въ настоящее время, т. е. не совсѣмъ остался бы голоднымъ и холоднымъ, если бы force et matière прекратили мое видимое существованіе. Это прологъ. Далѣе скажу, что я освѣдомлялся въ Плискѣ, нельзя ли такъ устроить, чтобы снабжать тебя египетскими мясами, ихъ же алчетъ душа твоя на пути къ землѣ обѣтованной. Цѣны въ Плискѣ стоятъ вдвое выше Борзенскихъ, а воровство багажа такъ вошло въ обычай, что нельзя ручаться ни за одну посылку; застраховки на Плисецкой станціи не принимаютъ. Поэтому отложи попеченіе, а если хочешь, то сдѣлай два дѣла разомъ. Именно: пріѣзжай къ намъ на сколько тебѣ можно дней съ Юліаномъ-отступникомъ, такъ чтобы быть здѣсь на самую кутью (читай *кутю*). Сынъ твой увидитъ, что люди живутъ еще и вотъ какъ, а ты накупишь египетскихъ мясъ столько, что дорога, по крайней мѣрѣ одному изъ васъ, окупится. Для этого запасись двумя большими порожними саками, а перемѣны платья не бери, развѣ одну сорочку. Напаковавши столько, сколько возможно взять съ собой въ вагонъ (въ другой рукѣ будетъ тюкъ съ египетскими мясами), ты обезпечишь себя отъ похищенія: добыча будетъ вѣрная и явишься ты домой, аки оный исполинъ—ловецъ передъ Господомъ, у котораго, я увѣренъ, никто не похищалъ ловитвы. Въ Плиску ты пріѣдешь на кутью между 9 и 10 часами утра. На почтовой станціи будутъ ждать тебя мои кони, если будетъ санная дорога; если же груда, то позволь мнѣ расплатиться за тебя, т. е. выкупить собственныхъ коней, которые и меня не возили въ Плиску. (Писано бо: блаженъ человѣкъ милуяй и скоты). Непремѣнно я долженъ покрыть эту часть твоихъ дорожнихъ издержекъ. Только вотъ вопросъ: какъ вамъ защититься отъ холода во время переѣзда изъ Плиски до Пиддубня? Я не напрасно былъ въ двухъ шубахъ, да на ноги бралъ тулупъ. Это статья первостепенной важности. Если твоей шубы (подъ шубою теплое пальто) достаточно для тебя, то для Юліана-отступника по-

зычъ у кого нибудь мѣховой одежды, подъ которую онъ одѣнетъ свое нынѣшнее пальто съ мѣховымъ воротникомъ. А о ногахъ тоже позаботься, и, въ случаѣ недостаточнаго ихъ обезпеченія, имѣй благоразуміе вставать съ повозки и проходить пѣшкомъ до тѣхъ поръ, пока ноги согрѣются; въ случаѣ же надобности, заходи въ хаты, которыя встрѣчаются довольно часто. Моему сердцу было бы пріятнѣе видѣть у себя, на первый разъ, Соню: ибо та—моя дщерь во Христѣ Іисусѣ; но во первыхъ, сіи скудельничіи сосуды мудрено возить безъ поврежденія въ такую пору года; а во вторыхъ, она, при всѣхъ возможныхъ достоинствахъ, все-таки женщина, а женщинѣ такъ-же хочется видѣть молодость и быть видимой оною, какъ цвѣтку смотрѣть на солнце и быть освѣщаемымъ онымъ. Для Сони въ романѣ хорошаго писателя можетъ нравиться зимняя поѣздка въ забвенный свѣтомъ и не желающій вниманія свѣта хуторъ, по дрянной дорогѣ; но въ жизни собственной гораздо пріятнѣе провести хоть одинъ часъ передъ перекрестнымъ огнемъ молодыхъ глазъ (NB, часто весьма подло глядящихъ, но не для ея проницательности). Для Сони можно будетъ устроить поѣздку въ пору соловьевъ, которые предательски учатъ молодое сердце любить, съ тѣмъ чтобы жестоко за это поплатиться. Этотъ ядъ, распространенный весною въ нашихъ лѣсахъ, по крайней мѣрѣ сладокъ, и почему же его не хлебнуть, пока force et matière находятся въ наилучшемъ для глазъ соединеніи? Тутъ она найдетъ и Вальтера Скотта на французскомъ языкѣ. Воображая себя на мѣстѣ какой нибудь Діаны Вернонъ, она прочтетъ хоть одну книгу подъ очаровательный шумъ нашихъ березъ и дубовъ, и вкуситъ на время сладкаго обмана. Теперь же и обмануть ей себя здѣсь нечѣмъ. Живутъ себѣ дидъ зъ бабою въ маленькой хаткѣ да годуютъ скотину, чи курей, чи свиней.

Фи, прозаическія бредни!
Фламандской школы пестрый вздоръ.

Юліанъ-же отступникъ будетъ вознагражденъ за холодную дорогу видомъ цѣлыхъ грудъ книгъ классическаго и реальнаго содержанія. Ему, какъ бойцу жизни, надобно видѣть жесткую наготу ея. Надобно ему прикосновеніемъ къ жесткой наготѣ жизни намозолить свою периферію, чтобы тѣмъ безопаснѣе хранить внутри все нѣжное, не всѣмъ показываемое, священное. И такъ, вотъ тебѣ проектъ поѣздки въ хуторскую глушь. Если на нее отважишься, или лучше сказать: если сообразишь, что въ ней больше пользы и удовольствія

чѣмъ потери и тягости, то увѣдоми меня для мѣропріятій съ моей стороны, а покамѣсть буди здравъ съ твоими дѣтьми: Вѣрою, Сашею, Манею, Зиною, Лидіею, Сонею, буйтуромъ Зиновіемъ и Юліаномъ-отступникомъ. Твой П. Кулишъ.

29.

23 декабря 1871 г. Пиддубень.

Едыный друже Иване! Пріѣхавши до дому написалъ было я къ тебѣ письмо (оно хранится съ наклеенною маркою), приглашающее тебя съ Юліаномъ на святки въ Пиддубень. Но какъ вообразилъ я васъ, горожанъ, между Плискою и Поддубнемъ, на холодѣ, то и не послалъ письма, которое, однакожъ, ты, когда нибудь получишь, потому что оно заключаетъ въ себѣ кое что для твоего назиданія относительно меня. Теперь же вотъ о чемъ слово мое. Думалъ я думалъ про Соню, и пришелъ къ заключенію не въ пользу поѣздки заграницу. Мало ли дѣвицъ, обладающихъ французскимъ языкомъ въ совершенствѣ, остаются безъ мѣстъ? Къ тому же французскій языкъ можно усвоить не выѣзжая изъ Кіева. Полезныя для ея будущности рукодѣлья также можно усвоить въ Кіевѣ. Все дѣло въ томъ, что̀ не пріобрѣтается въ какомъ либо опредѣленномъ положеніи или въ какой либо опредѣленной странѣ: все дѣло въ характерѣ. *Есть* онъ—то и кусокъ хлѣба вѣренъ въ будущемъ; а *нѣтъ*—ничѣмъ не обезпечишь будущности. Вотъ для Юліана-отступника такъ очень—очень пригодилось бы пребываніе заграницей. Но теперь еще нельзя везти его туда, хотя бы ты и опредѣлилъ для него 300 р., назначенныхъ тобою для Сони. Покамѣсть пусть онъ занимается своими *тетюфами* [1]). Заграницу поѣду не раньше начала марта.

Кулишъ.

30.

Февраля 4 1872 Пиддубень.

Приклони ухо твое ко глаголу устъ моихъ! Нѣсколько лѣтъ уже волочусь я за хуторомъ Матроновкой, который состоитъ изъ усадьбы съ большимъ, удобнымъ для житья домомъ и 130 десятинъ, распо-

---

[1]) Конечно, имѣются въ виду греческія спряженія.

ложенныхъ вокругъ нея въ одномъ кускѣ. Владѣлецъ его рѣшился наконецъ на продажу. Цѣна дорогая, если смотрѣть безотносительно,— 9000 р., но въ сложности съ Оленовкою (150 десят.) съ Пиддубномъ (30 десятинъ), съ 30 десятинъ Оленовской земли, находящейся въ нашемъ владѣніи, съ 10 дес. его же усадебно-лѣсной земли въ межу съ Матроновкою, также de facto намъ принадлежащей, и съ 20 десят. объявленными тобой въ Кіевлянинѣ (и того 370 дес.), стоитъ это имѣніе покупки, тѣмъ болѣе, что на первый разъ нужно имѣть въ карманѣ не болѣе 3000 р., остальные будутъ разсрочены на 5 лѣтъ. Не говоря о доброжелательствѣ твоемъ ко мнѣ, въ твоихъ интересахъ слѣдуетъ помогать мнѣ достигнуть обезпеченнаго землею положенія; ибо по закону вѣроятности, я проживу больше твоего, и никто, кромѣ меня, не способенъ озаботиться судьбою дѣтей твоихъ. Если же мы оба созданы Маѳусаилами, то лучше имѣть имущаго, нежели неимущаго друга. Но, какъ человѣческіе разсчеты часто оказываются ошибочными, то въ ту сдѣлку, которую тебѣ сейчасъ предложу, и введу документальное обезпеченіе твоего добра. А именно: ты отложишь на нѣсколько времени постройку свою, а 3400 р. займешь для меня. Я же заложу тебѣ за эту сумму Оленовку, которая во всякомъ случаѣ стоитъ больше. Владѣя 370 десят., я могу доставлять тебѣ деньги на твою постройку, если ты распредѣлишь сроки: ибо лѣсовъ щадить я не буду, кромѣ ближайшихъ и лучшихъ. Даже въ ближайшихъ лѣсахъ предположено мною оставить только самое лучшее дерево «для славы и красы», какъ говоритъ Егова Мойсею. Судьею мнѣ сдѣлаться легко, а живя дома, изъ судейскаго жалованья можно съэкономить 1000 р., т. е. въ трехлѣтіе 3000 р. Такимъ образомъ мы выйдемъ оба на путь достаточной жизни. Покупку Матроновки мы держимъ въ секретѣ, по соглашенію съ продавцемъ. Иванъ (Бѣлозерскій) узнаетъ объ этомъ только по полученіи отъ него обѣщанной имъ купчей на Оленовку весною.

31.

15 февр. 1872. Поддубень.

Ты правъ съ твоей точки зрѣнія: ты размышляешь умно и великодушно. Но часто бываетъ въ жизни, что другой, поступая наперекоръ нашимъ воззрѣніямъ, достигаетъ наилучшихъ результатовъ. Матроновка будетъ куплена, хотя вовсе не по финансовымъ разсче-

тамъ. Для этого я готовъ, на худой конецъ, запрятать себя въ одну изъ петербургскихъ канцелярій, гдѣ, при всей враждебности къ моему renommée, дадутъ мнѣ хорошее жалованье. Къ этому жалованью я въ тотъ же годъ прибавлю другое такое же своимъ перомъ, пошившись въ переводчики, компиляторы, публицисты и т. п., на что теперь, изъ-за своей Библіи, смотрю съ пренебреженіемъ, равно какъ и на канцелярскую работу. Но это будетъ, повторяю, на худой конецъ. Покамѣсть я имѣю свои ресурсы въ виду. И такъ, знай, что Матроновка куплена будетъ; но ни полъ слова объ этомъ пану Ивану. Хоть онъ тебѣ и нравится, а въ немъ сидитъ бѣсъ, угрожающій мнѣ постоянно какою нибудь пакостью. Я осклабился, подобно какому нибудь митрополиту, читая твои слова о моихъ чортъ знаетъ какихъ наслѣдникахъ. Ихъ существованіе причиною тому, что я неимѣю никакой собственности (de jure). Все, что я имѣю, принадлежитъ Александрѣ Мих., которая отъ своихъ братьевъ, на всякій случай, ограждаетъ меня духовнымъ завѣщаніемъ на каждое мое благопріобрѣтеніе. Но я отнюдь не желаю, чтобы послѣ нея мое благопріобрѣтеніе досталось ея неуважаемымъ мною братьямъ, и для этого придумана мною схема, о которой скажу при свиданіи, повѣсть о чемъ довольно обширна и для тебя небезъинтересна.

У насъ 15° тепла въ комнатѣ, потому что дрова запасаются съ весны и лежатъ на солнцѣ перепиленные и переколотые: дубъ, береза, груша, ольха, осина, верба, преимущественно же дубъ и береза. Въ этомъ отношеніи мы аристократы.

32.

16 марта 1872

Zapatrywanie sie twoie на оплату Оленовки и Матроновки jest mylnym: если бы я долженъ былъ, впредь отъ вышеписаннаго числа, уплатить 20 тыс. государств. ассигнаціями, то и тогда для этого нужно бы было не 20, а только 5 лѣтъ. Мнѣ на первый разъ могутъ дать жалованья minimum 1500 р. въ годъ. Эти деньги я проживу. Но находясь въ столицѣ, я заработаю перомъ непремѣнно 2000 р. На другой годъ жалованье мое увеличится по меньшей мѣрѣ 500 рублей, а жизнь на столько же удешевится: ибо мнѣ не нужно будетъ устраивать квартиры и приличнаго высшей фешенебельности (я долженъ въ ней вращаться, conditio sine qua non) гардероба. Въ кассѣ у меня

останется 3000 р., что съ 2000 р. за первый годъ составитъ 5000. Если я въ остальные три года не заработаю по 5000 р., то не зови меня Кулишемъ, а кващею. Два первые года будутъ употреблены мною на составленіе знакомствъ и пріобрѣтеніе чрезъ оныя способовъ къ добыванію денегъ; въ два года я съумѣю faire valoir всѣ тѣ качества, въ которыхъ со мной способны равняться весьма немногіе изъ смертныхъ. Неужели ты думаешь, что моя Варшавская служба есть только игра случайностей? Я изучилъ людей и обстоятельства и воспользовался тѣми и другими. Моральная смерть Милютина [1]) испортила мою карьеру; но если бы мнѣ не опротивѣли чиновники до блевоты, то я могъ бы оставаться при 4500 (а съ наградами 5000) сколько мнѣ угодно, впредь до лучшаго времени. Нѣтъ, я долженъ былъ разорвать съ ними и по состоянію моего духа, и ради спасенія моей репутаціи, которую они хотѣли опоганить. Въ Петербургѣ я изберу иныхъ людей и иную сферу дѣятельности, а пять лѣтъ невольничества слѣдуетъ принести на жертву для возвращенія Матроновки изъ рукъ нелѣпыхъ въ руки достойныя владѣть ею. Тутъ особая исторія, а не разсчетъ. Матроновка стоитъ только 5000 р; четыре же тысячи я даю за искупленіе ее изъ позорнаго положенія, въ которомъ она находится, Словомъ, тутъ цѣлая исторія, имѣющая свои требованія. Но мнѣ нѣтъ надобности платить 20000 р. а только 9000 и эти деньги заплатятся легче, чѣмъ ты думаешь.

И такъ, Carthado delenda est!

Для посѣщенія ты выбралъ плохое время. Отложи до вакацій. Утонешь на нашихъ дорогахъ, а мокрота и дожди не дадутъ тебѣ ничего видѣть въ моемъ хозяйствѣ. Притомъ же, еще не разрѣшился фактически вопросъ объ Оленовкѣ. Иванъ пріѣдетъ весною. Тогда, т. е. по совершеніи купчей, намъ будетъ о чемъ съ тобою потолковать относительно земель и угодій.

33.

15 іюня.

Паки реку: да пронесется надъ тобой и твоими буря эпидеміи!

У насъ, покамѣсть, кругомъ здоровые люди. Да и трудно вообразить санитарность болѣе надежную. Въ самые жары здѣсь можно гулять въ тѣни древесъ. Кругомъ злаки и злаки, переходящіе въ зо-

[1]) Ник. Алекс. Милютинъ, статсъ-секретарь по дѣламъ Польши, въ 1866 г. пораженъ былъ нервнымъ ударомъ и долженъ былъ отказаться отъ государственной дѣятельности.—*Ред.*

лото полей. Теперь у насъ за воротами жита, идущія до горизонта на подобіе палеваго моря. За ними—лѣса и село Оленовка, утонувшее въ деревьяхъ. Шумъ листьевъ постоянно вторитъ голосамъ птицъ, скотовъ и людей. Словомъ—идиллія въ натурѣ! Лѣсъ мой принесъ уже полный годовой процентъ: продано дровъ, вырубленныхъ для расчистки на 150 р., да сѣна будетъ minimum на 50 р. Голье, сложенное въ купы, по распродажѣ зимою, окупитъ употребленныя на распилку и уборку рабочія силы. Такая пропорція будетъ вырубливаться ежегодно, а между тѣмъ насаженныя щепы станутъ приносить доходъ, равный проценту съ 2000 р. Излишняя противъ опредѣленнаго или *должнаго* количества рубка будетъ уже правильная эксплуатація строевого дерева, которой цѣль—окупить лѣсъ и сдѣлать его какъ бы полученнымъ gratis. Тогда вступятъ въ свои права мѣста, пущенныя подъ зарость, неприкосновенную для скотовъ и людей. Она вмѣстѣ съ сѣнокосами составитъ нормальную стоимость лѣса, даже и въ такомъ случаѣ, когда бы строевое дерево было бы вырублено до послѣдняго. Но оно тщательно оставляется для того, чтобы изъ этой хаотической пустыни образовался природный паркъ. Останется только провести дороги для прогулки, и мы съ тобой будемъ гулять, аки души праведниковъ въ Элизіумѣ. Между тѣмъ жизнь приноситъ на своихъ волнахъ печальное и досадное вмѣстѣ съ утѣшительнымъ. Не обращая вниманія на непріятности, я воспринимаю прежнія занятія и недѣли черезъ двѣ ѣду въ Лейпцигъ печатать библію, на которую деньги имѣются изъ другого источника. Останусь тамъ до половины сентября. Чрезъ Кіевъ только перелечу, ибо такъ заповѣдано мнѣ Алекс. Михайловной. Перемѣнить родъ жизни на время мнѣ надобно и безъ Библіи.

34.

Наумбургъ на Санѣ 1872. авг. 1 н. ст.

Есть наконецъ искомое, друже Иване! Былъ я въ Берлинѣ, гдѣ много выходитъ русскихъ книгъ; за то не былъ въ Лейпцигѣ. Дѣло, видишь ли, вотъ въ чемъ: дешевле всего обходится печатаніе книгъ въ Наумбургѣ, по сю сторону Лейпцига, яко въ маленькомъ городкѣ; издатели же и комиссіонеры выставляютъ на первомъ листкѣ ***Берлинъ*** или ***Лейпцигъ*** для своихъ интересовъ. Развѣдавши объ этомъ, пріѣхалъ я сюда и нашелъ городокъ въ моемъ вкусѣ. Кругомъ поля, или сады, а между полями и городомъ прекрасныя аллеи по надъ до

рогою, т. е. поузъ дорогу, по которой ѣздятъ. Для прогулокъ пѣшкомъ ничего лучшаго и желать нельзя. Видишь разомъ и городскую, и сельскую жизнь и древнія сооруженія (городъ былъ серьезно укрѣпленъ стѣнами, рвами и башнями въ Вобановскія времена), и новыя изящныя постройки. Жизнь дешевле Лейпцигской много. Въ городѣ чисто и тихо, сравнительно съ большимъ городомъ. Мѣста для прогулокъ остаются почти безлюдными въ рабочее время. Невидать праздной щеголеватой толпы, которая для меня ненавистна. Аллеи и сады почти настолько же мнѣ принадлежатъ, какъ и въ Пиддубнѣ. И такъ я рѣшился печатать библію, но съ тѣмъ, чтобы пріостановить, еслибы мнѣ понадобилось вернуться на время домой для веденія моихъ земельныхъ дѣлъ. Хоть медленно, а книга будетъ напечатана. Ты же мой единственный, никѣмъ незамѣнимый, усугуби бдительность о выручкѣ денегъ за грунтъ, что бы было чѣмъ расплатиться. У меня деньги только для жизни, а на Библію слѣдуетъ взять 1000 р. изъ тѣхъ, хотя могу получить 600 р. отъ Имшенецкаго, который намѣренъ расплатиться съ долгами, заложивъ имѣніе, или продавъ часть онаго

Теперь о тебѣ. Бѣда тоби, брате, съ Сонею. Она скучаетъ и худѣетъ. А что будешь дѣлать? Мнѣ было оч. жаль на нее смотрѣть въ вокзалѣ, гдѣ мы простились. Если твоя сократовская голова до сихъ поръ ничего не выдумала для uprzyjemnienia ij życia, что можетъ выдумать моя, захлопотанная всякой всячиной? Но какъ, однакожъ, ты думаешь? Ты и выражалъ свою заботу о ней, но въ общихъ словахъ. Напиши, что съ нею будетъ, если такъ пойдутъ годы за годами. Бѣдна наша жизнь радостями и много обильна, зѣло преизобилуетъ печалями! Отрада въ одной любви къ нѣсколькимъ подобнымъ намъ существамъ: безъ нея ничто не мило. Нашелъ я здѣсь пріятеля себѣ въ т. н. Dienstmann'ѣ, по случаю приглашенія его выпить со мною по кружкѣ пива. Теперь онъ ревностно помогаетъ мнѣ искать Wohnung. Вонунги здѣсь недороги. Засяду да примусь работать и надъ Библіею и—если будутъ промежутки—надъ историческими этюдами, о которыхъ я тебѣ говорилъ. Если дѣла мои не отзовутъ меня въ Россію, то Ал. Мих. должна пріѣхать сюда. Безъ этой особы не могу теперь нигдѣ жить, хоть бы и въ раю. Цѣну людямъ узнаемъ мы только въ старости. Блаженъ, кто можетъ еще дружескимъ вниманіемъ отплатить любящему и благородному сердцу за его заслуги передъ нами, которыхъ иногда мы и цѣнить не были способны. Припоминаю твои слова въ Chateau des fleurs. Понимаю

(иносказательно) идею покаянія грѣшниковъ при концѣ жизни: она выработалась въ сердцахъ, не до остатку засоренныхъ житейской дрянью. Между прочимъ впервые нахожу здѣсь въ отелѣ двери вовсе безъ замковъ и ключей. Можно запереться только извнутри,—видно честные люди Наумбургскіе нѣмцы. Посторонній можетъ войти въ чужой нумеръ, какъ въ свой. К.

35.

10 августа.

Я дома черезъ Варшаву. Этого потребовали мои дѣла съ Вас. Бѣлозерскимъ. Отливается шрифтъ и печатаніе будетъ произведено заочно. Извѣстіе о нездоровьи Алекс. Мих. ускорило мое возвращеніе. Если ты писалъ ко мнѣ, то прочту черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда лишь надобно будетъ навѣдаться въ Наумбургъ. Отъ Ив. Бѣлозерскаго я получилъ въ Наумбургѣ еще скареднѣйшее письмо, что у него теперь трое дѣтей, что съ вола двухъ шкуръ не дерутъ и что я долженъ принять Оленовку (обрѣзанную уродливымъ манеромъ) въ видѣ замѣны денежнаго обязательства. Я отвѣчалъ ему въ послѣдній разъ, что денежное обязательство возвращаю ему, а Оленовку могъ бы только купить, но безъ такихъ вырѣзокъ, какія проэктированы его агентомъ. Теперь спасай только мои 1702 р. Алекс. Мих. засталъ совсѣмъ больною. Не хватаетъ у ней духу, одной, быть такою хозяйкой, какъ при мнѣ. Тоска одолѣваетъ и тѣло, не только душу.

36.

20 августа 1872

...Сонаслѣдники Алекс. Мих—вны вдругъ раздумали продавать Матроновку. Дѣлать здѣсь значитъ больше нечего, т. е. такого, что насъ обезпечивало бы въ старости. А какъ у меня силъ и энергіи еще много, то мы и рѣшились, пристроивши имѣніе въ аренду, ѣхать въ Петербургъ для жизни, болѣе намъ соотвѣтственной Распродажа скота и проч. и проч. займетъ насъ до половины сентября. Положимъ, что въ наше отсутствіе испортится и расхитится здѣсь рублей на 200. Это мелочь, которую я скоро вознагражу въ столицѣ. Распродажа уже началась: 2 лошади проданы; остается еще три, да скотъ и свинота...

37.

Сентября 4 1872 г.

Какъ я тебѣ писалъ, мы рѣшились немедленно ѣхать въ Петербургъ. Но, не имѣя въ виду ничего вѣрнаго, не рѣшаюсь рисковать потерями—съ одной стороны въ хозяйствѣ, а съ другой въ деньгахъ, а придумалъ слѣдующее: Ильницкій покупаетъ мою библіотеку, и то не всю, за 1000 р. Другая тысяча составится изъ суженія хозяйства, котораго не должно держать въ широкомъ видѣ при неохотѣ здѣшняго народа къ найму. Третья тысяча возьмется изъ лѣсу (а можетъ быть и двѣ) посредствомъ эксплуатаціи; до 2000 р. составится изъ долгу Бѣлозерскаго Ив. Эти 5000 р. я попрошу тебя помѣстить въ Кіевѣ на проценты такимъ образомъ, чтобы ихъ можно было получить во всякое время. В. Б—ій недолго будетъ въ состояніи удерживать за собою Матроновку, а можетъ быть и Оленовка будетъ таки мнѣ продана... До тѣхъ поръ мы будемъ сидѣть въ Пиддубнѣ на суженномъ хозяйствѣ. Между тѣмъ въ Варшавѣ будутъ устроены мировые суды. Однимъ изъ мировыхъ судей могутъ назначить меня. Жалованье будетъ значительное. Тогда я вновь поставлю ногу въ стремя, ибо на этотъ постъ я смотрю, какъ на переходъ къ высшему. Если же куплю или Оленовку только, или Матроновку только, то не захочу вовсе служить, а сосредоточу свою дѣятельность на литературныхъ трудахъ, печатаемыхъ заграницей. Итакъ, все еще стоитъ попрежнему, и мы съ тобой должны считать себя молодыми людьми, т. е. подобными текучей, а не стоячей водѣ. Courage, mon cher ami, courage! Твой П. Кулишъ.

Примѣчаніе: Слѣдующія за этимъ 8 писемъ (отъ 11 окт, 72 г. по 11 авг. 73 г.) заключаютъ въ себѣ денежныя и земельныя дѣла, возникшія послѣ смерти одного изъ братьевъ Бѣлозерскихъ, Виктора: оказалось, раздѣлъ имѣнія (1000 десят. между 4 братьями и 3-мя сестрами) сдѣланъ неправильно; слѣдовало подѣлить имѣніе вновь. Препирательства между наслѣдниками окончились весьма некрасиво, о чемъ свидѣтельствуетъ ниже слѣд. письмо.

38.

11 августа 1873 Станція Плиски, за полчаса до отъѣзда.

Условились братья Бѣлозерскіе подать разомъ прошенія о признаніи ихъ въ правахъ наслѣдства и, для руководства, какъ писать и какія метрики прилагать, все это отдали черезъ меня Николаю, а

онъ бумаги наши оставилъ у себя да побѣжалъ въ Черниговъ и выхлопоталъ вводъ одного себя во владѣніе всѣмъ имѣніемъ, на основаніи ст. 1241. Теперь сестру гонитъ изъ дому чрезъ полицію, и я ѣду въ Петербургъ, чб. посредствомъ высшихъ вліяній затормозить его звѣрства, пока мы исковымъ порядкомъ, имѣя уже улиточную запись отъ двухъ братьевъ и ожидая пріѣзда Василія Мих. изъ Варшавы, исторгнемъ у него похищенное право владѣнія $^5/_6$ всего имѣнія. Буди здравъ и духомъ бодръ. П. Кулишъ.

39.

Спб. 1873. августа 16. Ночью.

Похожденія мои здѣсь только лишь начинаются, и уже исписаны ими цѣлые листки къ Алекс. Мих—нѣ. Ты же, братъ, не требуй отъ меня подробностей, какъ отъ человѣка, который, выйдя изъ гостинницы въ 8 часовъ утра, едва могъ возвратиться въ 11 часовъ ночи. Когда нибудь увидитесь съ нею и она дастъ тебѣ перечитать мои мемуары. Если добьюсь чего нибудь, немедленно увѣдомлю тебя одновременно съ нею, да возвеселится и твое сердце, взирающее недовѣрчиво на домогательства твоего друга. Теперь все только насиживается, но еще и не наклевывается.

Твой П. Кулишъ.

40.

Августъ 18, 1873 г. Петербургъ.

Може ты, друже Иване, сыдышъ соби сумуючи, та й думаешъ: «Отъ же пропаде козакъ у тій столыци, якъ Сирко въ базари»!. А мени тутъ якъ рыби въ води. Прыйихавши сюды, я й самъ думавъ, що не хутко выбьюсь изъ темноты, а пріятели мои, розважаючи мене, кажуть: «Ни, васъ бо таки знають, зъ вамы не багацько людей зривняютьця. Ось удайтесь лышень оттуда й туда». Ну, що жъ? утикъ не втикъ, а побигты можна. Напысавъ я коротеньку докладну запыску тай пишовъ до такого пана, що зроду про іого й не чувъ. Ажъ справди винъ мене знае, и мовъ тилько й дожидався мого прыходу: ухопывся за мене обиручъ и на починъ обицявъ службу въ 3000 карбованцивъ. А що мени любищъ грошей, такъ се его прыхильность до чоловика, що десь тамъ у якомусь хутори загубывся проминжъ

ка-зна якимы людьмы! Такъ зо мною розмовлявъ гарно, шо мени наче вви сни прыснылось. Що се таке? Чы справди жъ бо я такій чоловикъ, щобъ оттакій панъ, передъ котораго генералы ходятъ сгорбывшись,озывавсь до мене, мовъ до побратыма? Таже жъ недавно ще ледаче ледащо Каинъ Михайловичь поневярило мною середъ дурного вâтовку! А тутъ высоки пороги передо мною знижуютця, и широченны двери рощиняютьця. Ну вже жъ, колы мени, писля хуторянского побывання за копійкою, дають 3000 карбованцивъ, такъ я не зарикаюсь зробыть зъ ныхъ того жъ року 6000. Я жъ бо таки трохи знаю, якъ воно робытьця и не пытавсь ни въ кого якъ èго робыты. Оце жъ найнявъ соби хатыну за 18 р. у мисяць тай росночинаю нове житте на заробленіе грошей, а якъ зароблю багацько, тогда зновъ таки вернусь у хутиръ тай зроблюсь паномъ на всю губу,— нехай нашимъ ворогамъ буде тяжко. Бувай же брате здоровый и веселый. Твій П. Кулішъ.

И про мою пани де хто напыше у Черныговъ, щобъ іи не займала полиція въ Матроновци. Тутъ зо всимъ иншій свитъ, не такій, якъ у нашихъ сторонахъ.

41.

1873. сент. 30. Спб.

Ну, брате Иване, вотъ тебѣ краткій отчетъ о моихъ похожденіяхъ. Понюхавши воздухъ, какъ дѣлаетъ Сирко въ базари, я обратился безъ всякой протекціи къ товарищу министра путей сообщенія Николаю Ник. Селифонтову, котораго не зналъ и имени не слышалъ. Онъ же меня по слуху или по печати зналъ, а потому принялъ меня дружески и выразилъ всяческую готовность мнѣ содѣйствовать. Но министръ, уѣзжая, не сказалъ ему ничего о пріемѣ новыхъ чиновниковъ, имѣя въ виду формировать фалангу порядочныхъ людей лично. Посему Селифонтовъ посовѣтовалъ мнѣ познакомиться съ начальникомъ статистическаго отдѣла Головачевымъ, которому гр. Бобринскій ввѣрилъ сформировать личный составъ этого отдѣла. Я нашелъ въ Головачевѣ милѣйшаго человѣка, который принялъ меня съ распростертыми объятіями, но сказалъ, что новые штаты возъимѣютъ силу только съ новаго года, а по нынѣшнимъ нельзя мнѣ дать болѣе 1500 р въ годъ (съ новаго же года 3000). Я сказалъ, что предпочитаю не брать до новаго года вовсе жалованья. Тѣмъ не менѣе надобно было

дожидаться графа, чтобы причислить меня къ министерству. Вотъ мы и ждали. Наконецъ графъ пріѣзжаетъ и благодаритъ Головачева, что, вслѣдъ за нимъ, въ министерство идутъ просвѣщенные люди, какъ Кулишъ, что онъ очень радъ и проч. Потомъ поручилъ своему товарищу причислить меня къ министерству (съ 1 окт. я уже на службѣ) и опять улетѣлъ порядковать по желѣзнымъ дорогамъ. Я его и не видѣлъ. Независимо отъ этой службы Костомаровъ старается сдѣлать меня членомъ археографической коммиссіи, который получаетъ въ годъ 1500 р. въ видѣ награды за редакціонные труды. Такъ какъ напринимали прежде Богъ знаетъ какихъ членовъ, которые ничего не способны дѣлать, то устроена на будущее время баллотировка, по которой рѣшаютъ выборъ не меньше $^2/_3$ бѣлыхъ шаровъ. Чрезъ это мытарство нужно и мнѣ пройти. Не знаю, удастся ли? Отъ и все.

Кулишъ.

42.

1873 г. октября 24. Спб.

Рѣдко случается мнѣ откладывать отвѣтъ на письмо, но теперь не отвѣчалъ тебѣ дня четыре. Занятъ; озабоченъ. Мнѣ поручено изданіе Журнала Путей Сообщенія съ новаго года. Надобно оріентироваться въ этой новой для меня области и нѣкоторыя статьи заготовлять самому, а для этого и Публичная Библіотека оказалась недостаточной. Пришлось обращаться въ ученый комитетъ министерства финансовъ. Очень кстати пришлось мнѣ языкознаніе: безъ него ничтоже сотворилъ бы. То и дѣло надобно обращаться къ англійскимъ и нѣмецкимъ книгамъ. Министръ возвратился только вчера. Я еще не видѣлъ его. Служу покамѣсть безъ жалованья. Съ новаго года 3000 р., но можетъ случиться, что и до новаго года дадутъ. Ale mniejsza o to. Все дѣло въ томъ, какъ бы себя заявить на первыхъ порахъ. Потопъ страшенъ былъ для жителей подваловъ и подвальныхъ лавокъ. Мнѣ онъ не помѣшалъ ни въ одномъ выходѣ и выѣздѣ да мало я объ немъ и думалъ. Онъ проявился только мѣстами на низшихъ мѣстахъ, о чемъ писано въ газетахъ, изъ которыхъ и я большею частію зналъ о потопѣ. Вообще—не такой чортъ страшный, якъ его малюють.

2500 рубл. получили уже назначеніе, а будутъ у меня другія деньги между 1 и послѣднимъ ноября. По полученіи ихъ немедленно

тебя увѣдомлю. Изъ этихъ денегъ отдѣлю для тебя сколько нужно и не буду ни на что опредѣлять, доколѣ ты не скажешь *гопъ!* Вообше прими къ свѣдѣнію, что если бы ты постройкою дома запутался, то я считалъ бы своимъ долгомъ выпутывать тебя доставленіемъ тебѣ періодически извѣстныхъ суммъ,—въ случаѣ, если бы ожидаемые мною деньги почему либо не получились. Жалованье мое 3000 р. можно считать съ новаго года вѣрнымъ. По всей вѣроятности, 1000 р. дадутъ ежегодно наградныхъ, такъ какъ я принадлежу къ числу немногихъ лицъ, стоящихъ на виду у министра. Если не будетъ ни добавочной службы ни увеличенія жалованья до 5000 р., о чемъ я стараюсь косвенно, то я могу откладывать для тебя ежемѣсячно изъ 3000 р. по 100; значитъ, черезъ годъ ты будешь имѣть, при всѣхъ моихъ неудачахъ, 1200 р. Съ этими рессурсами тебѣ нечего бояться безденежья при окончаніи дома.

Твой П. Кулишъ.

43.

14 ноября 1873 г. Спб.

Ты, братъ, не унывай. Вотъ мои рессурсы: въ ноябрѣ, по словесному и письменному обѣщанію Ивана, я долженъ получить отъ Лазаревскаго 3500 р. Въ Вѣстн. Европы принята моя статья съ очередью въ февралѣ или мартѣ 1000 р. Итого 4500 р. Часть этихъ денегъ надобно послать домой, гдѣ Василій Мих. разыгралъ роль миротворца, но 2500 р. къ твоимъ услугамъ. Риску я не боюсь такъ, какъ прежде, понеже состою на службѣ, которая выручитъ меня изъ всякихъ денежныхъ бѣдствій. А писалъ я тебѣ о сбереженіяхъ въ твою пользу на тотъ случай, еслибъ Лазаревскій не прислалъ 3500 р., чего я не думаю. Да тогда еще и статья моя не была въ редакціи. Зная сіе, изволь сперва помочь мнѣ въ успокоеніи Алекс. Мих. немедленною высылкою въ Борзну на ея имя 500 р., которыхъ въ моей кассѣ для нея не достаетъ и которыя будутъ возвращены тебѣ при первомъ полученіи откуда бы то ни было денегъ. И такъ, вышли немедленно, ничто же сумняшеся. Ты долженъ больше меня бояться риску, такъ какъ у тебя нѣтъ моей перспективы, но тутъ, кажется, сомнѣваться нечего. П. Кулишъ.

44.

24 ноября 1873 Спб.

Вас. Мих. устроилъ дѣла такъ, что я совершенно доволенъ хозяйственнымъ положеніемъ Алекс. Мих. Теперь она обезпечена кускомъ хлѣба, хотя бы я тотчасъ низошелъ въ страну вѣчнаго молчанія. Но мнѣ не до страны молчанія: ужасно занятъ. Даже и къ тебѣ пишу предъ самымъ обѣдомъ, когда бы слѣдовало погулять по Невскому проспекту. Деньги въ Матроновкѣ были нужны на сплату сестрѣ ея части, на удовлетвореніе гадкихъ претензій Николая и на уплату долговъ Виктора. Алекс. Михайл. не привыкла имѣть на шеѣ какое нибудь обязательство и потому я употребилъ всѣ усилія, чтобы поставить ее въ возможно безпечальное положеніе. Довольно съ нея и того, что заботы, лежавшія на насъ двоихъ, теперь лежатъ на ней одной. Спасибо, братъ! Ты лучше всѣхъ, и право не ошибаешься на счетъ достоинства моего постоянства относительно твоихъ чувствъ и дѣлъ. Въ Петербургѣ я не то, что въ хуторѣ: здѣсь за себя могу больше ручаться въ матеріальномъ къ твоимъ интересамъ отношеніи. Ты прекрасно дѣлаешь, успокоивая меня на счетъ цѣлости моихъ, имѣющихъ тебѣ вручиться денегъ, а я повторяю, что еслибы ты ошибся въ своемъ разсчетѣ, то я считалъ бы, что это я самъ ошибся, и что пенять не на кого, да еще постарался бы и выпутать тебя изъ твоихъ затрудненій. Бьютъ часы; не застану за обѣдомъ господина, съ которымъ надо видѣться. Двухъ домовъ не строй. Я объясню тебѣ послѣ, почему наличность для меня лучше самаго выгоднаго дома. До другого письма, когда не такъ будетъ некогда.

45.

9 декабря 1873 г. Спб.

Если я и помѣшалъ тебѣ 500 рублями покупать кирпичъ, то совѣсть моя можетъ отчасти успокоиться сомнительностію, по моему воззрѣнію, предположеннаго тобой результата. Подведеніе этажа твоимъ подрядчикомъ указываетъ на присутствіе подлости во всѣхъ исполнителяхъ построекъ и поставщиковъ, къ которымъ бы ты ни обратился. Но, судя по твоимъ словамъ о невозможности приступать къ покупкѣ до полученія извѣстнаго капитала, я никакой помѣхи не сдѣлалъ. Иванъ не присылаетъ денегъ. Письмо послано въ Ита-

лію 1 декабря. Скоро подобало получить и отвѣтъ, о которомъ во всякомъ случаѣ тебя увѣдомлю. Служба моя идетъ обычнымъ ходомъ. Съ начальникомъ статистическаго отдѣла, который одинъ только и стоитъ между министромъ и мною, я состою въ пріятельскихъ отношеніяхъ, такъ что, не бывая, за недостаткомъ времени нигдѣ, регулярно бываю по воскресеньямъ у него, и, противъ своего обыкновенія, засиживаюсь до часу и 2-хъ часовъ. Непремѣнно надо ужинать. Онъ любезнѣйшій по природѣ господинъ, и семья у него самая симпатичная, такъ что между ними чувствуешь себя, какъ дома. Это напоминаетъ мнѣ времена Плетневскія. Годъ и мѣсяцъ холостой моей жизни передъ 1847 годомъ я прожилъ семьяниномъ между семьею Плетнева. Потомъ онъ женился во время моего пребыванія въ Тулѣ и ужъ никакъ нельзя было возстановить прежнихъ отношеній. Исчезла простота, которая теперь у насъ царствуетъ и которая царствовала въ домѣ Плетнева, даже въ изящнѣйшемъ видѣ. Такъ вотъ мы себѣ и служимъ, работая за десятерыхъ, безъ малѣйшаго принужденія, и изъ желанія двигать дѣло сколько оно отъ *насъ* зависитъ (тутъ вѣдь есть и оппозиція не однимъ намъ, но и министру). Мнѣ то хорошо, вотъ какъ бы тебѣ стало получше.

46.

1 янвя 1874 г. Спб. (по секрету).

Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Чтобъ ты сказалъ, брате Иване, когда бы получилъ извѣстіе, что я, ѣдучи по льду зъ Кронштадтъ, провалился на дно морское? Ты бы сказалъ: «О морское дно! возврати мнѣ добычу свою. Я за то готовъ не строить дома еще два года!» А пожалуй, сказалъ бы что нибудь и посильнѣе этого.

Знай же, что я не одинъ разъ, а нѣсколько разъ провалился, и теперь въ нѣкоторомъ смыслѣ лежу на днѣ морскомъ. *Первый провалъ*: Иванъ вмѣсто 3575 р. прислалъ 500 р. *Второй провалъ*: Вѣстникъ Европы вмѣсто 1000, которую онъ предлагалъ за ту же самую вещь два года назадъ, теперь не дастъ и полныхъ 500 р. *Третій провалъ*: Вас. Бѣл. такъ притиснули жиды въ Варшавѣ, что я занялъ до 1 мая 1000 р. у одного пріятеля и выслалъ ему. *Четвертый и самый ужасный провалъ*. Штаты давно изготовлены и могли бы быть представлены къ утвержденію къ новому году, но Министръ

былъ безпрестанно въ отлучкахъ, то провожалъ Государя, то встрѣчалъ его на обратномъ пути, министерствомъ управлялъ товарищъ его и потому, обремененный дѣлами, не изготовилъ всего того, что, по всему министерству, должно быть приготовлено къ представленію въ государственный Совѣтъ. Никто и не чувствуетъ особеннаго горя отъ этого кромѣ меня, котораго должность съ 3000 р. стоитъ въ этихъ штатахъ, а безъ нихъ у меня жалованья нуль. Можетъ быть мнѣ что нибудь дадутъ покамѣсть; но пока пройдутъ свадебныя торжества при дворѣ и проч. и проч., о штатахъ не будетъ и помину, да они и не готовы къ представленію, а министръ разомъ и правитель путей сообщенія и придворная особа, безъ которой тамъ ничто не дѣлается, поэтому долго еще я буду сидѣть у моря и ждать погоды. Алек. Мих. между тѣмъ увѣрена, да и добрѣйшій мой начальникъ не сомнѣвался, что съ новаго года я буду обезпеченъ жалованьемъ. Такъ какъ мнѣ случилось лежать и гораздо глубже на морскомъ днѣ, то собственно для меня горе не велико; но Ал. Мих. жаль и она не должна этого знать. Во что бы то ни стало, она должна быть увѣрена, что я получаю уже 250 р. въ мѣсяцъ: я ей обѣщалъ высылать по 125 р. въ безотчетное ея распоряженіе. Со временемъ я все наверстаю. Но теперь ты, братику, сдѣлай что можешь, если можешь, не обижая своей семья и не вредя ея будущности. Я очень доволенъ, что написалъ Ивану такъ, какъ онъ заслуживаетъ за свою ложь. Теперь бы я написалъ ему еще крупнѣе. Черезъ недѣлю я ѣду въ Матроновку, потому что теперь удобнѣе мнѣ быть въ отпуску, пока во дворцѣ будетъ занятъ Министръ. Ты отвѣчай мнѣ туда, но такъ, чтобы изъ твоего письма не видно было ни положенія дѣлъ въ Вѣст. Европы, ни отсрочки моего жалованья. И такъ я провалился на дно морское. О якъ же воно погано такъ провалюваться! Твой П. Кулишъ.

47.

1874 года января 5 (выѣзжаю 7-го) Спб.

Друже Иване! Если генералъ пишетъ съ поля битвы, что сраженіе проиграно, то это еще не значитъ, что кампанія потеряна. Бываютъ ретирады, равныя побѣдамъ. Въ настоящемъ случаѣ кампанія еще не потеряна, еще союзники не покинули претерпѣвшаго пораженіе и честь оружія не помрачена. Когда будешь писать въ

Матроновку, откуда я непремѣнно къ тебѣ заѣду, то пиши такъ, какъ будто и во снѣ тебѣ ничего подобнаго не снилось. Алекс. Мих. будетъ окружена комфортомъ такъ точно, какъ если бы я получалъ жалованье съ 1-го января. Это не первый опытъ. Когда я пріѣхалъ въ Варшаву, то выписалъ ее и больную сестру ея съ дѣтьми и онѣ пренаивно благоденствовали, а мы съ Вас. Мих. ухмылялись, зная, что я служу безъ жалованья. Такъ прошло мѣсяца съ два, а потомъ дали мнѣ жалованья 300 р. въ мѣсяцъ, и мы опять таки смѣялись—уже открыто—надъ довгимъ волосомъ. Теперь не знаю, долго ли протянетѣся комедія, но буду ее играть, во что-бы то ни стало. Въ Матроновкѣ буду дѣлать важныя дѣла, а потому не торопи меня пріѣздомъ въ Кіевъ. Сказано—пріѣду, и буду у всѣхъ знакомыхъ. Дня три проживу. Твой П. Кулишъ.

48.

1874, янв. 6. Ночь, 2-го 20 мин.

На дрянномъ лоскуткѣ бумаги пишу тебѣ, друже Иване, такую вещь, которая превратитъ его въ драгоцѣнный пергаментъ. Сію минуту вернулся я отъ своего непосредственнаго начальника Головачева (автора книгъ: а) десять лѣтъ реформъ и б) вопросы государственнаго хозяйства), съ которымъ ѣздилъ проститься. Онъ мнѣ сказалъ, что когда онъ доложилъ министру о томъ, что я ищу себѣ другого мѣста (а я не зѣвалъ и одного дня), то онъ воскликнулъ: «Какъ можно намъ лишиться такого человѣка! Зачѣмъ смотрѣть на штаты? Дадимъ ему 3000 р. изъ запасной суммы, пока штаты будутъ утверждены» —Ну такъ и дѣло въ шляпѣ—отвѣчалъ я, и оба мы были очень рады, потому что Головачевъ такая личность и семья его состоитъ изъ такихъ личностей, съ которыми разстаться было бы потерею незамѣнимою. И такъ я дурно сдѣлалъ, что не помедлилъ съ письмомъ къ тебѣ. Теперь опять прошу; въ письмѣ ко мнѣ игнорируй этотъ сюжетъ. А—ра М—на и знать не будетъ, что со мной такое случилось. Пускай думаетъ, что со мной и случиться ничто подобное не можетъ. Въ Кіевѣ буду непремѣнно и проживу довольно долго. Твой П. Кулишъ.

49.

1874 лютого С.Петербургъ.

Гроши е та не посылаю. Якъ напысавъ, що треба прытьмомъ, то мушу прыслать. Та наврядъ купуватымешъ цеглу.

Доводыться, брате, тоби на старисть ревнуваты мене: чужи люде и недавни пріятели таки прыхильны до мене, що й сказать не можна. Замисть щобъ упыняты, сами кинулыся роспытувать, якъ бы мене посадыты въ Нижени! Се вже не эгоистичне пріятельство. Ты чи знаешъ хто? Паніи та панночки! Чи врадять що чи ни, а клопоту наробдять за ниженьскій лицей по всихъ паньскихъ кабинетахъ. Ничимъ воны такъ мене не втишилы, якъ пиклуваннемъ про мій выиздъ на Вкраину: бо саме прыхиляние до чоловика—не дыво: чомъ не прыхилятысь, колы винъ таке вміе сказать, що не швыдко забуваеться? Ни, оце штука: за те, що ты людына хороша, мы тебе выпроводымо до дому, самихъ себе не жалуючи! Справди, брате Иване, тутъ люде кращи, нижъ у насъ. Твій Кулишъ.

50.

1784 февр. 10, Спб.

И ты противъ меня Брутъ! Не написалъ бы ты своего письма, еслибъ зналъ, что произошло въ Матроновкѣ между мною и Бѣлозерскими и что произошло въ Петербургѣ между мною и другими Бѣлозерскими. Изъ жалости, изъ пощады къ твоему доброму сердцу я не хотѣлъ и не хочу сообщать тебѣ о такихъ безобразіяхъ. Но когда нибудь ты прочтешь мемуаръ, за которымъ застало меня письмо твое. До такой степени все это необыкновенно, что я считаю долгомъ своей совѣсти изложить дѣло въ мемуарѣ на память и въ назиданіе потомству. Видишь, какимъ бурнымъ потокомъ идетъ моя жизнь, пробивая скалы и отвлекая за собой массы деревьевъ и обломковъ, а попросту топча подъ ноги глупости и гадости человѣческія. Естественно я раздраженъ; надобно только удивляться, какъ я могу еще вести съ кѣмъ бы то ни было бесѣду о rzeczach obojętnych и не терять порядка жизни. А тебѣ показалась какая то холодность! Я совсѣмъ потерялъ изъ виду, каково тебѣ будетъ слушать мои возраженія. Ты коснулся самаго больного мѣста и удивляешься, что я отмахиваюсь отъ неосторожнаго щупателя моей раны.

О полѣ скажу: Carthago delenda est. Если бы «мерзкое твореніе» явилось вновь во всеоружіи своихъ подлыхъ связей, то я такъ точно предпринялъ бы противъ него войну всѣми зависящими отъ меня средствами, какъ и во время оно. Не только не сожалѣю, что воевалъ съ нимъ, но сожалѣлъ бы и упрекалъ бы себя, если бъ не вооружался противъ него по-юношески. Николай вовсе не побѣдитъ меня. А еслибъ побѣда его знаменовалась вѣчнымъ присвоеніемъ Матроновки, то все-таки и я не считалъ бы войну проигранной. Многое можно злому человѣку сдѣлать по своему въ Россіи, но не все. Объ этомъ шкода и распространяться. «Война—по гробъ мой договоръ!» Это—синонимъ словъ: «Горе мнѣ, аще не проповѣдую!» Или ты хочешь дождаться, чтобъ камни возопили? Это метафора. *Намъ* надо быть живыми, а не отъ камней этого ждать. Вотъ ты чего надѣлалъ письмомъ своимъ? теперь ты совершенно въ туманѣ. А когда бы разумѣлъ мою горячность безъ особенныхъ предположеній, то ничего бы этого полусказаннаго не зналъ, былъ бы спокоенъ, а я съ своей стороны успокоясь побалакавъ бы колысь про все тай годи. Матеріальныя наши дѣла хорошо стоятъ, но моральныя, по отношенію къ безпутному роду Бѣлозерскихъ, волнуютъ меня и долго еще будутъ волновать. Ты же будь спокоенъ. Твой П. Кулишъ.

51.

Лютого 14 1874 года С. Петерб.

Усе думавъ про тебе; знай думаю тай не знаю чого. Отъ же й надумавсь. Треба тебе зробыты старшымъ надъ якою небудь зализныцею, отъ хочъ бы въ Кіеви. Сыва бороца додае поваги. Чи ты бъ хотивъ старшинуваты? Колы маешъ охоту, то роспытайся, якъ воны постають на кіевскихъ зализныцяхъ: чи зъ казны, чи зъ жидивскои воли? Колы е таки, що казна настановляе, то вельми було бъ добре, колыбъ тоби заробляти хочъ тысячъ зо дви що року.

Утикъ, не втикъ, а побигты можно. Твій П. Кулишъ.

52.

18 февр. 1874.

Понимаю, какъ тебѣ тяжело имѣть постоянныя сношенія съ этою дрянью Л — омъ. Ну, будемъ стараться помѣстить тебя

чѣмъ ни на есть при Кіево-Брестской или Курско-Кіевской жел. дор., благо не чуждаешься цвѣтной фуражки съ золотымъ околышемъ. За гроши спасыби, бо мени треба. Можетъ быть я скоро разживусь, то пришлю. Въ Нѣжинѣ мнѣ не бывать. Это мимолетная мечта. Вотъ займусь изданіемъ большого календаря Гатцука, то зароблю грошей. Я, кажется, говорилъ тебѣ, что Гатцукъ беретъ на себя составъ и издержки. Мои только труды по печатанію и распродажѣ. Я принялъ къ себѣ въ компанію двухъ дамъ, которыя завѣдывали книжнымъ магазиномъ, а теперь держатъ корректуру въ журналахъ. Одна изъ нихъ сестра жены моего начальника. Его семейство трудящееся, а самъ онъ прошелъ сквозь огонь и воду. Вотъ черезъ него-то я надѣюсь доставить тебѣ мѣсто. Онъ теперь важный человѣкъ по Кіево-Брестской дорогѣ, надъ которою наряженъ судъ, и онъ членъ суда—за расхищеніе казенныхъ денегъ. Ну, да посмотримъ; что можно сдѣлать, сдѣлаемъ.

Ты, братъ, не знаешь, какое важное значеніе въ моей жизни имѣетъ Матроновка. Потому-то и слѣдуетъ мнѣ постараться о ея возстановленіи и о собраніи хоть нѣсколькихъ членовъ семьи воедино, какъ напр. дѣтей Надежды Михайловны. Пиддубень былъ для меня ничто, хотя бы при немъ находилось и много земли, но съ водвореніемъ въ Матроновкѣ, въ меня вселился духъ ея основателя. Вслѣдствіе этого планъ моей жизни принялъ иное строеніе, и это даетъ мнѣ энергію, которой прежде я не имѣлъ. Прежде я былъ таковъ, какъ изображено въ слѣд. стихахъ:

Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце спитъ и праз енъ умъ.

Хоть и была нѣкая цѣль, но совсѣмъ иного характера. Да, братъ, человѣкъ—фениксъ, возраждающійся изъ пепла. Я бы желалъ тебѣ набрести въ жизни на что нибудь такое, чтобы ты забывалъ всѣхъ мерзкихъ твореній. Но вотъ и будетъ тебѣ источникъ вдохновенія, когда получишь мѣсто на жел. дор. Жалокъ человѣкъ, живущій только для себя.

О попѣ: Carthago delenda esse. Уже послано письмо къ архіерею, а когда ничего не сдѣлаетъ, то какъ бы ты думалъ: кто будетъ хлопотать въ св. Сунодѣ? Барыни! Тебѣ все представляется въ философски-мрачномъ свѣтѣ, а я такія вещи дѣлаю для отдыха и въ видѣ увеселенія, все равно какъ бы устраивалъ дѣтскій театръ—что-ли. Ахъ, какъ жаль, что барышни не представили тебѣ и Зинѣ Хмельницкаго и Барабаша. Я сочинилъ, а онѣ разучили пьесу: *козацька*

ясá и *шляхецька трусá*. Но вѣчно хлопоты и некогда жить сердцемъ. Тогда жъ была свинская исторія. Дѣйствующія лица: Хмельницкій, Барабашъ и Чура, а актеровъ только двое. И вотъ съ какимъ удовольствіемъ я затѣваю такой театръ, съ такимъ изгоняю попа и дѣлаю всѣ подобныя вещи. «Кто тебя, батюшка, обидитъ? ты самъ всякого обидишь»,—вотъ мой девизъ; а ты пугаешь меня паденіемъ дрянного плутишки, когда я не боюсь и сильныхъ міра сего.

Твой П. Кулишъ.

53.

16 февр. 1874.

Головачевъ принялъ мое ходатайство о тебѣ и носитъ въ карманѣ написанную мною докладную записку, чтобы ею воспользоваться при первомъ удобномъ случаѣ. Въ запискѣ сказано, что ты желаешь поступить на такую должность по администраціи Кіево-брестской жел. дор., къ какой будешь признанъ способнымъ. Но меньше 1200 р. не бери. Я говорилъ о тебѣ Головачеву, какъ объ alter ego; то меньше не должны тебѣ дать, какъ 2000 р., мнѣ кажется. Это бы очень утѣшило меня! Тогда бы и на постройку предположеннаго тобою дома я смотрѣлъ бы безъ страха. Въ запискѣ сказано, гдѣ твой домъ. Къ тебѣ будетъ или письменное, или словесное объясненіе. Держи себя, какъ лицо, сознающее себѣ цѣну. Твой П. Кулишъ.

NB. *Человѣкъ безъ сердца* подвигается впередъ, но наконецъ не виденъ еще и въ туманѣ. Когда прочтешь этотъ романъ, тогда скажешь: *а, вотъ оно что*!

Чрезъ нѣсколько часовъ: Туманъ просвѣтлѣлъ и конецъ романа виденъ, а это очень важно для пишущаго.

54.

28 февр. 1874. Спб.

Ахъ, Иванъ Филипповичъ! какъ ты будешь смѣяться помня письмо свое о невѣрности заглавія, при чтеніи моего романа! Рукопись моя подвинулась уже далеко впередъ и составила не менѣе 160 страницъ такой печати, какъ въ Вѣстн. Европы. Моли небеса, чтобъ я не соблазнился деньгами и не напечаталъ этого написаннаго (имѣю-

щаго нѣкоторую цѣнность относительно выраженной идеи) до окончанія романа, который долженъ быть обширенъ.

Въ предоставленіи тебѣ мѣста позволяю себѣ не сомнѣваться. Я скорѣе построю *тебѣ* домъ, чѣмъ ты *мнѣ*. Твой Кулишъ.

55.

8 марта. 1874. Спб.

Ты, конечно, знаешь Сабанѣева. Нѣкія дамы напишутъ въ Москву къ его сестрѣ, а сестра напишетъ къ нему, что въ Кіевѣ есть такой то Хильчевскій, отличный человѣкъ, которому надо дать заработокъ хорошій. Увѣдоми, о чемъ можно просить Сабанѣева, и желаешь ли ты самъ у него побывать послѣ того, какъ о тебѣ напишутъ и я тебя о томъ увѣдомлю. Что касается до мѣста на Кіево-Брестской Ж. Д. то оно зависитъ отъ Бліоха, а Бліохъ зависитъ отъ Головачева, а Головачевъ зависитъ отъ своей дочери, а дочь дала мнѣ слово постоянно освѣдомляться о докладной запискѣ, которую Головачевъ носитъ въ карманѣ, съ тѣмъ чтобы при свиданіи съ Бліохомъ вручить ему. Онъ, конечно, не ручается за успѣхъ, но Бліохъ взираетъ на него со страхомъ и благоговѣніемъ, яко на весьма приближенное лицо къ министру. Романъ мой, который уже сданъ въ редакцію для просмотра (т. 1-й листовъ 15, имѣющій отдѣльную цѣлость—всѣхъ будетъ 3 т.), поразилъ Головачева, которому я читалъ въ его семействѣ. Поразилъ онъ тѣмъ, что написанъ съ жаромъ молодости и такъ быстро, какъ подъ диктовку: на каждый день приходится почти по полулисту печатному. Стасюлевичъ, предувѣдомленный Головачевымъ, обѣщалъ мнѣ дать скорѣй отвѣтъ, за которымъ послѣдуютъ и деньги. Онъ мнѣ платитъ впередъ. Заглавіе я перемѣнилъ, увидѣвши, что «человѣкъ безъ сердца» наполняетъ не все содержаніе, да и потому, что тебѣ это заглавіе не нравится. Назвалъ я его *Марьинъ хуторъ* и пишу къ А. М—нѣ, что мой хуторъ дастъ больше доходу, чѣмъ ея Матроновка.

Къ святкамъ на Пасху меня отпустятъ домой, а коли раздобрятся, то продлятъ отпускъ и геть-геть. Ты въ мѣстѣ не сомнѣвайся ни мало. Я не замедлю составить себѣ здѣсь такія знакомства, которыя дадутъ мнѣ возможность поддержать одного человѣка. Словомъ, я *тебѣ* домъ построю скорѣе, чѣмъ ты мнѣ. Твой П. Кулишъ.

56.

1874. марта 22. Матроновка.

О чемъ ты хлопочешь, доказывая nullité моихъ обѣщаній? Развѣ они сопряжены для тебя съ какимъ нибудь рискомъ? Развѣ за то, что ты раздѣлялъ бы мою увѣренность, ты бы долженъ былъ платить деньги? Но тебѣ нравится безпомощность—никто и не мѣшаетъ пребывать въ ней, пребывай!

Я не получилъ еще командировки, на изготовленіе которой требовалось время, и уѣхалъ incognito, разумѣется za porozumieniem się. Командировка была проэктирована, какъ способъ отпуска. Могутъ прислать только таковый, безъ оной. Въ этомъ случаѣ поѣздка моя въ Кіевъ отодвинется къ концу моего отпуска, дабы не заѣзжать уже оттуда. Твой Кулишъ.

P. S. Не потому я удерживаю тебя отъ постройки, что ты моложе меня, а потому, что смотрю на нее съ нѣкоторымъ опасеніемъ. Если я самъ строюсь, такъ это потому, что нельзя вещью изуродованною владѣть, не поправивъ ее. При томъ, ты упускаешь изъ виду, что въ случаѣ моей смерти, ты, да и никто другой, ровно ничего не сможешь сдѣлать въ моихъ дѣлахъ, а въ случаѣ твоей смерти—я могу дѣлать въ твоихъ домашнихъ дѣлахъ многое. Прилагаемую довѣренность предъяви Кистяковскому, возьми у него 1000 р., не откладывай до 20 апрѣля и пошли Котенину.

57.

1874 апр. 4, Матроновка.

Я ни въ какомъ бы случаѣ не поступилъ такъ въ положеніи Кистяковскаго, какъ онъ поступилъ. Говорю не по теоріи. Обѣщанное принадлежитъ уже не намъ, и потому взять его себѣ—все равно, что присвоить чужое. Опредѣлившійся между нами уровень стоитъ 1000 р. Я въ выигрышѣ съ нравственной стороны, но и съ матеріальной особенной бѣды нѣтъ.

Ты слишкомъ строгій философъ. Вишь чего захотѣлъ—*равенства!* да его нѣтъ нигдѣ, даже между двумя одинаково богатыми

джентельменами, отправившимся вмѣстѣ путешествовать. Когда мы съ Костомаровымъ въ 1861 г. вернулись изъ заграницы, онъ сказалъ своимъ друзьямъ: «Я и вообразить не могу лучшаго спутника»! А я своимъ: «трудно вообразить болѣе несноснаго спутника»! Это значитъ, что я, при самомъ началѣ путешествія долженъ былъ бы бросить Костомарова; но я предпочелъ сносить причуды этой бабы (онъ по характеру—баба). Еще сообщу тебѣ одно изъ моихъ наблюденій. Люди, обнаруживающіе наклонность къ деспотизму, способны къ слѣпому повиновенію въ принятой ими на себя роли. Равно и люди, слѣпо повинующіеся, способны къ деспотизму, въ случаѣ перевѣса ихъ шансовъ. Но послѣднее хуже перваго. По моему деспотизмъ не есть абсолютное зло: безъ него многое въ жизни не мыслимо.

... Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Я знаю въ Петербургѣ одного превосходнѣйшаго человѣка, которому не достаетъ одного только, именно—деспотизма. Отъ этого недостатка страдаетъ все его семейство, да вѣдь какъ!... Я, въ качествѣ гостя, пріобрѣлъ нѣкоторую ascendance надъ его дщерями своею prononcée наклонностію къ деспотизму, и этотъ великолѣпный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ человѣкъ, иногда по-дѣтски проситъ меня подѣйствовать на нихъ моимъ суровымъ словомъ (иногда я рѣзко говорю правду, какъ чувствую, и это даже нравится слушательницамъ, точно горчица или хрѣнъ). Такъ деспотизмъ, братъ, хорошая вещь, но проявляемая безъ осмотрительности, она ведетъ къ грубости, и мнѣ часто за это доставалось, какъ въ настоящемъ случаѣ и отъ тебя. Я и не подозрѣвалъ, что въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, деспотствую съ тобою. Но я не желалъ бы играть такую роль.

58.

1874 апр. 8.

Я не могу сказать ни слова противъ твоихъ аргументовъ и вообще не вижу проку въ аргументаціи. Пусть каждый дѣлаетъ свое дѣло. Гатцуку посылаю деньги сегодня. Для тебя ожидаю 425 р. проценты съ Ив. Ив., а можетъ быть продамъ домикъ, то и скорѣе. Скажи

Кистяковскому, что довольно съ него было бы не исполнить обѣщанія; а онъ еще пустилъ этотъ казусъ и на обсужденіе третьихъ лицъ! Непремѣнно это скажи, и даже покажи.

59.

1874. 5 іюля. Спб.

Радуюсь благополучному теченію твоихъ дѣлъ. Мои дѣла идутъ обычнымъ ходомъ. Послѣ 20 іюля благоволи помнить новый мой адресъ *на Невскомъ просп. д. Бернардаки. кв. 13.* Нанимаю двѣ комнаты съ передней и кухней, чтобы и Алек. Мих.—нѣ доставить возможность пожить среди цивилизованнаго свѣта. Съ дровами и водой, проведенною въ кухню изъ Невы, 38 р. въ мѣсяцъ, 3-й этажъ. Печатаю Гатцуковъ рублевый календарь на 1875 годъ въ Петербургѣ. Его коштъ, мои труды. Въ этомъ году я получу мало, но въ слѣдующихъ доходъ пойдетъ crescendo, и такимъ образомъ я имѣю надежду привести свои финансы въ хорошее состояніе. Я насилу оправился отъ измѣны поповича въ минуту полученія 1000 р.

Живу въ городѣ, печатанія ради—не столько календаря, сколько Журнала Министерства Путей Сообщенія, котораго 1-я книжка, подъ моей редакціей, выйдетъ, какъ объявлено въ газетахъ, 1 августа. Министръ настоялъ на этомъ объявленіи, и какъ цензура предоставлена самой редакціи, то и нужно разъ по разъ ему докладывать вопросительные мои знаки. Тутъ идутъ весьма важныя противодѣйствія силы силѣ. Каждая стремится занять больше мѣста въ правительственномъ мірѣ и потому требуется осторожность въ министерскомъ органѣ. Изъ-за такого боренія силъ и живетъ нашъ братъ въ городѣ. Въ послѣднее время вѣсы начали склоняться въ нашу сторону, а то ходили по городу слухи, приводившіе насъ въ уныніе. Если бы министръ, недовольный торжествомъ неправды, не захотѣлъ больше служить, то и намъ сдѣлалось бы такъ жутко, какъ будто въ воздухѣ вмѣсто 15$^0/_0$ морозу (?). Перевѣсъ покамѣсть на нашей сторонѣ, и выразился порадовавшею насъ замѣткою въ газетахъ, что нѣкій изъ сильныхъ земли „оставляетъ Петербургъ и ѣдетъ лѣчиться". Да процвѣтаетъ его чрево, лишь бы не мѣшалъ намъ дѣлать дѣло и хотя сколько нибудь защитить казну отъ расхищенія не тысячами, а цѣлыми милліонами. П. Кулишъ.

60.

13 іюля 1874.

Относительно моего кармана, Матроновка представляетъ нѣчто разбойницкое, и что еще досаднѣе—каждый воображаетъ, что меня облагодѣтельствовалъ. Это похоже на то, какъ невѣжда, продавши, ученому книгу, которой самъ не понимаетъ ни въ зубъ, и содравши съ него дурацки запрошенную цѣну, сожалѣетъ, что не запросилъ вдвое. Въ рукахъ каждаго изъ нихъ, не исключая и наиболѣе безумнаго, *все* имѣніе было бы дрянью, *часть* ни къ чему негодною дрянью. Они видятъ, что въ моихъ рукахъ оно дѣлается и можетъ сдѣлаться чѣмъ то и доходнымъ, и пріятнымъ. Вотъ и воображаютъ, что въ ихъ владѣніи было бы тоже самое или несравненно лучшее, хотя они не имѣютъ ни денегъ на улучшеніе, ни охоты ихъ тратить, если бы были, ни умѣнья улучшать. Это мужики, нашедшіе золотые часы. Одинъ, самый мудрый изъ нихъ, беретъ себѣ цѣпочку, другой футляръ, а третій дорожитъ механизмомъ. Эту штуку они уже устроили надъ цѣльнымъ имѣніемъ батьковскимъ и теперь жалѣютъ, что я не далъ имъ расхитить братнее, изуродованное уже порядкомъ, имѣніе, а не далъ тѣмъ, что каждому далъ столько денегъ, сколько кто спросилъ. Одинъ явился даже героемъ великодушія: подарилъ сестрамъ то, на что не имѣлъ моральнаго права и что можно бы оспаривать даже юридически; но такъ оцѣнилъ каждую десятину и каждую постройку, что лучше бы и не великодушничалъ. Уплата двоимъ сестрамъ далеко превзошла нормальную стоимость всѣхъ трехъ паевъ, если бы братья захотѣли продать охотнику до покупанія земли, каковаго даже и нѣтъ въ цѣлой губерніи. Все это сдѣлано имъ съ чистою совѣстью, съ какою безумный часто совершаетъ насиліе или грабежъ. Тутъ соединилось нѣсколько пакостныхъ характеровъ, изъ которыхъ одни равняются мертвецу по дѣятельности ума и сердца (замѣть ума *отличнаго,* по мнѣнію толпы, и сердца т. н. *добрѣйшаго*); другіе прямо сумасшествуютъ на тему благородства, безпристрастія и пр., а третьи готовы цѣлый міръ преспокойно пустить по міру. Но такой многочисленной психологической задачи не разрѣшить мнѣ. Дѣло въ томъ, что деньги мои ушли или на дурацки потребованные и дурацки, въ мое отсутствіе, устроенные платежи, или же на

потери, бывшія слѣдствіемъ Матроновскаго безобразія. Но если бы завтра Матроновка вновь очутилась чужою и нужно было бы покупать каждое ея дерево по двойной цѣнѣ противъ существующихъ, и каждый шагъ земли по самой дурацкой оцѣнкѣ, которая тамъ не разъ и дѣлалась, то я служилъ бы съ тѣмъ, чтобы купить этотъ лоскутокъ земли,—и не для того, чтобы онъ оставался въ рукахъ этихъ безобразниковъ. Это чувство напрасно сталъ бы я изъяснять тебѣ. Ты готовъ дать самъ вмѣсто Матроновки отличное имѣніе, а я на это отличное имѣніе полѣнился бы даже посмотрѣть для сравненія.

Министромъ назначенъ генералъ-адъютантъ вице-адмиралъ Попечитель при Е. И. В. Вел. Кн. Алексіѣ Алекс. *Посьетъ*. Все у насъ въ министерствѣ обстоитъ пока благополучно. 1-го Августа выйдетъ 1-я книжка Журн. М. П. С., если не пріостановитъ новое начальство, которое мнѣ совершенно неизвѣстно такъ же, какъ и я ему. Я *радовался* тому, чему слѣдуетъ радоваться, а не всему вообще, что у тебя дѣлается. Мое положеніе лучше твоего уже тѣмъ, что у меня забота только объ одномъ лицѣ, которое я *обязанъ* обезпечить.

Твой Кулишъ.

61.

25 іюля.

Вотъ къ тебѣ, друже, просьба: издавался въ 1862 году въ Кіевѣ пакостный Журналъ Вѣстникъ Юго-Западной Россіи. Онъ мнѣ нуженъ теперь (за 1862), потому что тамъ помѣщены статьи мои, которыя въ переработанномъ видѣ предположилъ я ввести въ готовящуюся книгу *Исторія Украинскаго Козачества до Богдана Хмельницкаго*. Тягочусь ходить въ публичную библіотеку для извлеченія ихъ изъ вышеозначенной лужи; а въ Кіевѣ нетрудно найти ее на толкучкѣ у букиниста и даже въ книжныхъ лавкахъ. Такъ потщись, братъ, купить и выслать мнѣ.

При чемъ пощади почтальона отъ дома Бернардаки, такъ какъ туда переселились только 100 р. изъ моего кармана, на усовершенствованіе квартиры, самъ же я оставался и остаюсь на углу Гороховой и М. Морской № $^{2}/_{12}$ кв. 13.

Мнѣ на короткое время понадобится дневникъ Лассоты (Tagenbuch des Lassota). Если Щербакъ дастъ или достанетъ его, то приложи къ журнальцу (Вѣстн. Ю. З. Р.), я подержу только два дня и верну тебѣ посылкою. Этой книги не оказалось въ публ. библ. Твой Кулишъ.

62.

2 авг. 1874 г.

Есть въ Петербургѣ товарищество на акціяхъ, называемое «Общественная польза». Сіе товарищество взялось напечатать 3000 моей книги: Исторія Украинскаго Козачества до Богдана Хмельницкаго. По расчисленію директора, общество и авторъ получатъ чистой выручки по 1500 р. или немного больше. Въ виду сего обстоятельства, надобно проклятущему Литову заплатить 6 р. за паскудный Журналъ, который тѣмъ только и хорошъ, что его никто не читаетъ. Извлекать изъ него, что мнѣ надо, въ публ. библ. гораздо тягостнѣе, нежели лишиться 6 р., а потому присылай. Что касается до Дневника Ласоты, то если онъ къ тому времени подоспѣетъ, пришли, а если нѣтъ, то не надо. У меня дома эта книга есть, а теперь обойдусь по памяти. Завтра выходитъ 1-я кн. Журнала П. С., и я начинаю дышать свободнѣе. Она рождалась въ между-министеріе; новый министръ просматривалъ корректурные листы и отмѣнилъ одну статью о мошенничествахъ прускихъ концессіонеровъ, которую прежній министръ самъ указалъ въ Kölnische Zeitung. Когда утверждена была программа журнала, многихъ статей не было долго. Однѣ надо было достать, другія составить, третьи указать, какъ составить. Все это сдѣлано въ самое короткое время. Но люди, не работавшіе сами, не понимаютъ, кто можетъ и кто не можетъ исполнить подобное дѣло. Въ Варшавѣ я составилъ и напечаталъ первый «Холмскій греко-уніатскій календарь» (на 1866 г.) въ самое короткое время, и начальство, нынѣ сенаторъ Соловьевъ, приняло отъ меня книгу съ такимъ видомъ, какъ будто я каждую недѣлю приносилъ ему по одному такому тому. Теперь я опять играю роль молодого *начинающаго* чиновника, а она дѣлается мнѣ крайне противна. Лишь только устрою свои финансы на другихъ основаніяхъ (Гатцуковъ рублевый календарь, книги, изд. черезъ Общ. пользу, и т. п.), тотчасъ оставляю службу.

63.

Августа 11 1874.

Очень, очень обязанъ за присылку паскуднаго журнальца. Ласоты не присылай: обойдусь, да и поздо! къ тому времени напечатается та глава, въ которой онъ былъ бы кстати.

Конечно, я не такъ-то легко брошу службу, но иногда нужно ее вылаять и возымѣть мысль бросить: дѣлается легче на свѣтѣ жить. Теперь я понимаю, почему любезный мой кумъ не отвѣчалъ на мое письмо: въ немъ было сказано, что я унію церковную разумѣю не «по Костомаровски». Весь этотъ причтъ историческій объясняетъ ее религіозностью, съ одной стороны, и фанатизмомъ—съ другой. Отсюда выходитъ нѣчто въ родѣ православной иконы въ ихъ сочиненіи уніатской возни: съ одной стороны праведники, съ другой грѣшники. Я же представляю и тѣхъ и другихъ такими грѣшниками, какіе и нынѣ дѣйствуютъ во имя разныхъ уній. Все объясняю надобностію въ деньгахъ и въ удовлетвореніи самолюбію, а подъ часъ личному мщенію. На этомъ основаніи само свѣтило православія и столбъ вѣры, кн. Острожскій, дѣлается у меня довольно обыкновеннымъ паномъ-богачемъ, а Конашевичъ Сагайдачный нисходитъ съ пьедестала борца за вѣру на уровень счастливаго въ походахъ отамана, котораго попы, войты, бурмистры, лавники, райцы и всякіе т. н. «благочестивые» просятъ иногда приписаться сюда или туда и похлопотать о томъ или о семъ, а впрочемъ ему морской походъ или разореніе единовѣрной Московщины ближе къ сердцу всей тяганины за церковныя и монастырскія имущества, двигавшей главными пружинами церковной уніи. Словомъ, развернувши Relacye Nunciuszów Apostolskich изъ Польши и о Польшѣ, я веду читателя за кулисы того святочнаго вертепа, который показывали публикѣ (дѣтски развитой) сочинители исторіи. Сколько я ни указывалъ на эти реляціи и ихъ статистику Костомарову, онъ до сихъ поръ ихъ не читалъ, какъ это видно изъ его исторіи въ біографіяхъ. Такъ и относительно многаго другого. Но возвращаюсь къ службѣ. Покамѣсть она сносна, но если какъ нибудь меня задѣнетъ, брошу. А жить мнѣ есть чѣмъ. Теперь опять насъ только двое. С—въ примирился съ своимъ семействомъ, т. е. его умоизступленіе миновало. При томъ я имѣю ресурсы въ календарѣ и въ книгахъ, которыя станетъ издавать Обществ. Польза, лишь только я скомпоную. Ось побачишь, якъ густо посыплютьця. Твой Кулишъ.

64.

10 сент.

Терроръ имѣлъ и на мои занятія вліяніе. Печатаю книгу, которой предполагалось дать такое заглавіе: «Исторія Украинскаго Козачества до Богдана Хмельницкаго». Она проникнута идеею сліянія русскаго народа. Между тѣмъ прислали мнѣ изъ заграницы мои рукописи, планъ сочиненія быстро раздвинулся. Я рѣшился выйти изъ рамки козачества, и, вмѣсто четырехъ или пяти томовъ, которые бы его обняли до конца, написать не меньше восьми подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Исторія оторванной Руси отъ начала ея колонизаціи послѣ татарск. опустошенія до послѣдняго возвоединенія нѣкоторыхъ ея частей.* «Треба бъ искусителямъ языкъ отсѣщи и оружіе отъять», какъ говорится въ одной лѣтописи. Печатаетъ книгу Товарищество Общественной Пользы на свой счетъ; барышъ пополамъ. О семъ не разглашай. 1-й томъ, надѣюсь, получишь отъ меня въ началѣ октября. Второй выйдетъ къ новому году. Я скоро ѣду домой на мѣсяцъ что ли. По выходѣ 1-го тома, я кажется подамъ въ отставку. Посовѣтуюсь съ Алек. Мих. Дѣла такъ стали, что невозможно чѣмъ нибудь не пожертвовать.

65.

20 Сентября.

Рукопись готова, печать идетъ шибко. Если не въ первыхъ числахъ октября, то послѣ 20-го числа появится въ свѣтъ. Вотъ полное заглавіе:

Исторія оторванной Руси отъ начала ея колонизаціи послѣ татарскаго опустошенія до послѣдняго возсоединенія нѣкоторыхъ частей ея подъ державою русскихъ царей.

Томъ Первый.

Отъ начала колонизаціи до 1620 года.

Ничто-же кому глаголи. Я еще не знаю количества печатныхъ листовъ, набрано 10, а будетъ еще или болѣе 20 или болѣе 30. Въ послѣднемъ случаѣ выпущу два первые тома по 20 слишкомъ листовъ.

Посылаю тебѣ первый листокъ; не показывай никому. Бумага очень хорошая. Печать тоже; но еще не была подъ прессомъ, а просто взята съ машины. Это дѣлаетъ большую разницу.

Увѣдоми меня немедленно, какъ имя великаго химика Зѣновича. Прилагаю посвященіе памяти лицъ, которыя дѣлали мнѣ морально или матеріально добро.

Благородной памяти:

№ Зѣновича, Михаила Грабовскаго, Константина Свидзинскаго, Матроны Бѣлозерской, Николая Бѣлозерскаго, Василія Тарновскаго, Маріи Гоголь, Петра Плетнева, Якова Бередникова, Сергѣя Аксакова, Константина Аксакова, Николая Милютина, благоговѣйно посвящаетъ П. Кулішъ (но не Кулишъ) Твой П. Кулішъ.

66.

20 Окт. 1874 г.

Ты ждешь близнецовъ, а тутъ за наборщицкимъ пьянствомъ до сихъ поръ и одного тома не выпустили изъ типографіи. Медленность отчасти мнѣ и на руку, потому что я безпрестанно пополняю то рукопись, то корректурные листы 2-го тома. Но во вторникъ 1-й томъ пойдетъ въ цензуру, гдѣ долженъ пробыть 7 дней. Выпустимъ сперва одинъ—а то поздно. Можетъ быть 2-й оставлю допечатывать безъ меня. Бѣдная А. М. одна. Радуюсь, что Господь Саваоѳъ благословилъ твою старость. У Диккенса въ одной повѣсти подъ портретомъ есть надпись: Боже, сдѣлай жизнь мою молодою. У Гомера также есть утѣшительный для насъ съ тобою стихъ: Зелена Одисеева старость.

Мнѣ кажется, какъ будто я только начинаю писать. Планъ у меня обширнѣйшій. Исторія возсоединенія Руси въ 9 томахъ составитъ лишь первую часть сочиненія: Исторія возсоединенной Руси, которая должна обнять эскизно все отъ Владиміра на Клязьмѣ до столкновенія съ Польшею, черезъ Литву, а потомъ весьма полно совмѣстить жизнь Польши и Московіи; далѣе къ нимъ примкнетъ Украина и потомъ пойдетъ тріо до нашихъ дней, изображая ходъ внутренней исторіи, а не одно то, что составляетъ лишь ея фабулу. Тутъ должно выйти весьма занимательно сопоставленіе, съ одной стороны, міра азіатскаго, съ другой—нѣмецкаго и романскаго, надъ которыми владычествуетъ греческая юность человѣчества, подобно тому,

какъ всякая юность отзывается во всякой старости. Выходитъ полная картина человѣчества, освободившагося отъ постройки пирамидъ, висячихъ садовъ и т. п. Но когда и какими глазами все перечитать? Я мечтаю о томъ, что мнѣ дадутъ годовой отпускъ съ жалованьемъ. Тогда у меня на примѣтѣ есть секретарь заграницею. Съ нимъ пошло бы дѣло плавно. Между тѣмъ и самыя книги должны доставить мнѣ какія нибудь средства для своего продолженія. Такъ-то дурень думкою богатіе! Та добре, а то понурывся бъ у землю voluti pecora. Твой П. Кулішъ.

67.

18 4 окт. 30.

Завтра отправляю тебѣ 1-й томъ Исторіи возсоединенія Руси· 2-й не такъ-то скоро напечатается: еще только половина набрана. Лишь только получишь тючокъ съ почты, тотчасъ садись на извощика и вези Драгоманову, гдѣ раскупоришь и найдешь экземпляръ съ надписью. Всѣ 5 экземпляровъ оставишь у Драгоманова, а твой 6-й.

Твой Кулишъ.

68.

28 Ноября 1874.

Второй томъ вышелъ въ 30 листовъ; все было уже готово; оставалось только класть въ машину; вдругъ оказывается, что бумаги не хватаетъ! Шиты-билыты—завтра велыкдень! Еслибъ они дураки дали мнѣ знать, я тотчасъ бы нашелъ имъ бумагу. Нѣтъ, они заказали, и цѣлая недѣля изъ-за этого пропала! Но за то я пишу и уже печатаю другую: Хуторская философія и удаленная отъ свѣта поэзія, книга, написанная въ видѣ отдыха, послѣ 2-го тома Ист. Возс. Руси.

Се буде церберу глевтякъ, котримъ винъ подавыться. Се буде кистка въ горлн всимъ горлатымъ воронамъ и ротатымъ вовкамъ. А говоря по просту, это обзоръ россійской литературы, какова она есть, и указаніе, какой она могла бы быть, колыбъ була така розумна, якъ нашъ дякъ Якимъ Слипый. Дяка сего выставляю я Аристотелемъ и Софокломъ безграмотнаго прихода, въ которомъ бездна поэзіи, среди глу-

бокаго невѣжества. Оставалось только брать растенія и цвѣты въ дикомъ видѣ и пересаживать на садовую почву. Нѣтъ, свиней напустили, скотъ и сами по-скотски рвали, а не выпалывали—все погибло, а то, что они создали, ни къ чорту не годится. Таковъ смыслъ книги. Тутъ сягаю ажъ до Адама, основателя перваго хутора, и указываю на великія революціи въ нравственномъ мірѣ—все изъ-за того, що дурни не тямлять, яке хуторъ добро. Ну, да всего не можна росказаты. Ось прочитаешь изъ твоимъ Юліаномъ, дакъ побачишъ, що божевильная голова иноди скаже що небудь и до ладу. Справди се отдыхъ и за̀бавка. Любо мени буде дывытысь на биснованье всихъ ученыхъ и премудрыхъ. Дѣло въ томъ, чтобъ заставить ихъ разинуть ротъ и закаркать на мою книгу: всякое карканье даетъ новую тему, и русскій умъ выйдетъ изъ летаргіи, въ какой онъ находится.

Прошусь въ отпускъ на 11 мѣсяцевъ съ жалованьемъ. Могутъ и отказать. Тогда и буду знать, что дѣлать. Тогда брошу службу и буду писать въ хуторѣ. Но за меня хлопочутъ. А это дѣлается исподоволь, и я прошенія не подаю до увѣдомленія.

Не знаю ще, чи до дому зайиду, чи пани сюды прыйде, такъ поіемось заграныцю. Твій П. Кулишъ.

69.

27 декабря 1874.

Уже хуторяне гукають до мене: «здоровъ, здоровъ бувъ, Кишко Самойло, гетьмане запорозьскій! Не загинувъ еси у неволи,—не загинешъ зъ намы козакамы по воли!» Ухъ! тай утомывся жъздоро во! И нестолько 1-мъ и другимъ томомъ Исторіи, не стильки йиздою видъ столыци до Плиски, якъ перейиздомъ одъ Плиски до Матронивки! Тутъ я трохи не розбывъ головы объ груду (и 3-го тому не було бъ тогди на свити). Трохи не поломавъ соби рукъ, перекинувшись середъ Плиски, трохи не зробывся слипымъ на одно око, бо погонычъ пугою хвыськавъ коней по спынахъ, а мене по очахъ. Се страшенный перейиздъ! Наполеону зпидъ Москвы не такъ страшно було перейты до Парижа, якъ мени видъ Плиски до Матронивки. И оце оддыхаю четвертый день и дывуюсь, якъ мене Богъ спасавъ видъ такои велычезнои биды! Та зъ велыкои втомы и зъ велыкои тревоги, не здужаю бильшъ и до тебе пысаты, а тилько витаю тебе зъ усіею тво-

ею семъею! Певно вже маешъ другій томъ моеи історіи, бо я ёго давно тоби пославъ.

Колыбъ схотивъ до мене прыйихаты, то знай, що мени любо було-бъ тебе витаты; теперъ вже й груды не мае и добра дорога видъ Плиски. Якъ прыйидешъ у Плиски, то допевняйся, де Корній Искра, и звелы ему везты себе у Матронивку, неторговавшись. Я ему плачу, що схочу дома. Якъ же винъ погнавсь куды (бо разъ у разъ возыть людей зъ вокзала), тогди вже наймай або въ жида на станціи тутъ же, або въ чоловика якого коней до Матронивки и не давай дороже якъ $1^1/_2$ рубля. Та думаю, що здеруть 2 р., а я було йизжу и за рубляку. Цины ростуть страшенно. Ты имъ казатымешъ, що зимою не черезъ Борзну (24 версты), а гаями черезъ Свирьского хутиръ (15 верстъ), то може повезуть за 1 р. 50 к.

Пани тоби гарненько вклоняетьця. Твій П. Кулишъ.

70.

28 Января (годъ неизвѣстенъ) 75?

Тебѣ пріятно будетъ узнать, что я наконецъ рѣшился не ѣхать въ Петербургъ. Цуръ ёму! Тамъ жизнь трудная, удаленная отъ природы, относительно здоровья рискованная. Живой оселъ лучше мертваго льва, гласитъ европейская пословица. Добьюсь ли я чего въ Петербургѣ и какою цѣною добьюсь—неизвѣстно, а тутъ зимою вволю начитаешься, а лѣтомъ налюбуешься зеленью, цвѣтами и животными. Людей нѣтъ—это правда, но много ли ихъ въ столицѣ? И такъ, жди меня съ твоимъ скарбомъ. Посовѣтуемся, какъ его пристроить. Будь здоровъ со всѣми дѣтьми твоими, которыхъ столь мужественно хранишь отъ всѣхъ золъ.

Якъ итымешъ мымо, то купы для меня кныгу: Краткое наставленіе къ разведенію лѣсныхъ деревьевъ и лѣсовъ и къ правильному пользованію лѣсами. Изданіе Кіевск. народн. Календаря; 50 стр. Хоть и глупая книжонка, а ты таки купи, да разузнай, гдѣ въ Кіевѣ продаются сѣмена древесныя? Твой Кулишъ.

71.

1875 февр. 28 Х. Мотроновка.

Ты дальше ушелъ отъ Царя Давида, чѣмъ я отъ Тараса Шевченка, и меня это не безпокоитъ ни мало. Доброжелательство твое

къ автору Исторіи В. Р. я цѣню, но почему истинѣ не быть на моей сторонѣ? Не потому ли, что я одинъ противъ многихъ? Когда же это бывало, чтобъ истина въ своемъ откровеніи избирала большинство? Общественное мнѣніе устанавливается въ средѣ умовъ пассивныхъ. Оно для меня не можетъ быть законнымъ. Ты самъ, вступаясь за Шевченка и Костомарова, служишь только отголоскомъ установленнаго для умственныхъ лѣнтяевъ догмата. Еслибы двѣ личности, обезпечившія нашу будущность, Петръ и Екатерина, были *каты* и *людоѣды,* какъ опредѣлилъ ихъ Шевченко, то намъ осталось бы только безобразничать. А читалъ ли ты его поэму «Марія»? Она написана по возвращеніи Ш-ка изъ ссылки, въ руководство, какъ видно, народу, который отъ лица письменниковъ признаетъ его лучшимъ выраженіемъ своего ума и сердца. Что касается до Костомарова, то его непониманіе нашей исторіи всего больше зависитъ отъ того, что онъ иноплеменникъ. «Во всякой народной исторіи, писанной иноземцемъ (говоритъ Прескотъ), есть непремѣнно односторонность и непониманіе. Одноземство даетъ такія силы, которыхъ никакой геній замѣнить не можетъ». Костомаровъ загнувъ изъ нашого хворосту намъ карлючку, а мы его празднословіе назвали исторіею нашего народа. На безлюдьи и Хома дворянинъ. Кто новаго не видалъ, тотъ и ветоши радъ. «Плѣняйся—тебѣ наслажденье», говоритъ Жуковскій. Есть люди, довольствующіеся еще болѣе жалкими издѣліями грамотности. Естественно мой протестъ имъ досаденъ, но и баба *сердилась на торгъ*, а торгъ про те й *байдуже*. Развѣ я втечечіе 12 лѣтъ справился хоть одинъ разъ, какъ у насъ думаютъ о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ? Передъ Кіевскій ареопагъ я не намѣренъ являться съ образомъ моихъ мыслей, и только случайно, противъ собственной воли, узнаю, что скажутъ о моей книгѣ печатно. Я ничего періодическаго не читаю. Что могутъ о нѣй сказать люди, для которыхъ и Костомаровъ—историкъ? Вы хотите, что бы было *двѣ* истины, а она только на одной сторонѣ. Если моя книга неправда, зачѣмъ ее читають? Если же я не ошибся въ изображеніи моего народа, то зачѣмъ читать его карикатурную исторію? Ты хочешь. совмѣстить несовмѣстимое—иноплеменника съ туземцемъ. Это, братъ, потому, что всѣ вы—до извѣстной степени—иноплеменники. Кто могъ сдѣлать васъ родными чадами земли своей? Не духовная-ли академія и университетъ? Да это питомники чужеземства, и притомъ самаго плохого! Я можетъ быть пишу для одного себя? Положимъ, лучше думать правду въ одиночку, чѣмъ оратор-

ствовать передъ публикой, потерявши чутье къ своему прошедшему и настоящему. Мы слишкомъ долго шли различными путями, и потому публика моя сдѣлалась мнѣ чужою.

Заграницу я не поѣду. Нельзя оставить Ал. Мих., а ей нельзя оставить все, что она имѣетъ и безъ чего она, по моей смерти, будетъ нищею. «Помни каждый ближайшій долгъ свой». А мой ближайшій долгъ развѣ состоитъ въ авторствѣ? Да и денегъ у насъ для поѣздки нѣтъ. Я взялъ отпускъ на четыре мѣсяца безъ жалованья. Отпускъ обѣщали мнѣ продлить на безконечное время.

Все таки лучше состоять подъ вѣдомствомъ министерства, чѣмъ губернатора. Только потому и не выхожу въ отставку. А не пишу къ тебѣ потому, что вся моя жизнь состоитъ изъ чтенія. Такъ о чемъ писать? Слава Богу, что я могу, ничѣмъ не занимаясь обязательно, читать и читать; этого удовольствія я не испытывалъ давно, находясь постоянно въ борьбѣ съ житейскими мелочами, которыя наконецъ научился отъ себя удалять. Твой Кулишъ.

72.

Безъ числа и года.

Интересно было бы развѣдать, къ кому перешли бумаги Иванишева. Онъ хвалился будто бы имѣетъ письменные матеріалы о Петрѣ Могилѣ. Хотя у него была скверная привычка лгать, но, можетъ быть, на сей разъ онъ говорилъ правду. Нельзя ли воспользоваться сими матеріалами? не позволятъ ли мнѣ его наслѣдники просмотрѣть его рукописи? Въ такомъ случаѣ я бы пріѣхалъ дня на полтора въ Кіевъ.

Жаль, что ты ослабѣваешь здоровьемъ. Міръ довольно пустъ: въ немъ хорошихъ людей никакъ не больше Содома и Гоморы, да и тѣ хвораютъ; а дикія силы между тѣмъ скотствуютъ въ человѣческомъ образѣ. Если тебя занимаетъ моя работа, столь непохожая на то, чего отъ меня домогаются, то позаймись просмотромъ Епархіальныхъ извѣстій, Православнаго собесѣдника и т. п. Въ нихъ помѣщаются характеристическія извѣстія и документы по церковно-экономическимъ и книжнымъ вопросамъ. Заведи записной листокъ и отмѣчай въ немъ томъ, годъ, страницы, а я все это пересмотрю заразомъ. Но если это для тебя почему нибудь неудобно, то знай, что я работаю спустя рукава и съ бóльшимъ удовольствіемъ пере-

читываю Канта, нежели родную дребедень, изъ которой надобно извлечь живое начало. Напишу ли я что нибудь еще, или не напишу,—объ этомъ я такъ думаю, какъ о будущихъ прогулкахъ по лѣсу. Нечитанныхъ книгъ у меня горы, и мнѣ гораздо пріятнѣе быть читателемъ умныхъ людей, нежели писателемъ для недоумковъ. Посему, еслибы ты возревновалъ ревностію по исторической реальности, то дѣлай это въ собственныхъ моральныхъ интересахъ.

73.

1875 Апрѣль 29.

Такъ я таки продолжаю занимать твое воображеніе! Да, хуторъ хорошее дѣло въ эту пору года. Но никогда еще такъ мало не отдавалъ я времени занятіямъ хозяйствомъ. Встаемъ рано—въ 4 и въ 5 часовъ, но просыпаемся непремѣно въ 4. Ал. М-на. встаетъ раньше меня и отдаетъ свои царственныя повелѣнія. Я же, въ качествѣ туриста, лѣнясь читаю что нибудь въ постелѣ, доколѣ не сдѣлается совѣстно, что кофе меня ждетъ, послѣ кофе запираюсь въ своей комнатѣ и, подобно Щербаку, нѣсколько часовъ изумляю міръ моимъ глубокомысліемъ, которое однакожъ прерываю по временамъ или для того, чтобы накормить журавля, или для того. чтобы освободиться отъ кошачьихъ просьбъ, или вспомню вдругъ, что цуцыкъ Бовкунъ еще не позавтракалъ, а иной разъ, видя, что Ал. Мих. хлопочетъ въ саду, соблазняюсь сіяніемъ солнца и соловьиными пѣснями, которыя лучше всяческаго глубокомыслія. Теперь мы живемъ только вдвоемъ. И братъ Ал. Мих. удалился изъ сихъ странъ въ полтавскую палестину. Пріѣхалъ бы ты подышать нашимъ воздухомъ и полѣниться вмѣстѣ со мною. Но это тебѣ будетъ не дешево стоить, потому что на людей теперь у насъ barzo cieżko, и мы едва-едва имѣемъ возможность пустынножительствовать; такъ высылать на встрѣчу тебѣ лошадей не берусь. Не мѣшало бы намъ быть съ тобою побогаче. Но, какъ я рѣшительно ни шагу изъ хутора, то мнѣ такая жизнь кажется богатою. Читать есть что, писать есть о чемъ. Якого-жъ ище хрина треба? Будь у меня деньги, я бы разгуливалъ по всему свѣту и конечно ничего не дѣлалъ бы, а теперь, вмѣсто внѣшняго міра, я вознаграждаю себя внутреннимъ міровоззрѣніемъ, и мнѣ такъ же хорошо на свѣтѣ, какъ и любой козявкѣ.

Ты правду сказалъ, что старость—хорошее дѣло. Бюфонъ (въ статьѣ l' homme) сказалъ это еще лучше тебя. Я читалъ это назадъ

тому лѣтъ 30, но и тогда соглашался съ нимъ. Старость есть освобожденіе отъ всяческаго неразумія и наслажденіе многимъ недоступнымъ для молодости. Бувай здоровъ! Твой П. Кулишъ.

Александра Михайловна тебѣ усердно кланяется.

P. S. Если бы въ Россіи была возможна статистика, то она бы доказала, что въ нашихъ домахъ больше гибнетъ людей, нежели на желѣзныхъ дорогахъ. Какъ посмотришь на нашъ народъ, какъ онъ исполняетъ свои обязанности, то такъ и видишь, что смерть гоняется за нами съ обухомъ. Это только игра случая, что я живъ среди своихъ владѣній. Сегодня могутъ убить меня кони, завтра рогатая скотина, послѣзавтра дерево въ лѣсу, тамъ огонь, а тамъ вода, а тамъ ядъ (мѣдная ступка съ позеленѣвшею солью, закисшая каструля и т. п., за чѣмъ вѣчно смотришь и вѣчно удивляешься, что еще живъ). Желѣзная дорога для меня—путь къ безопасной жизни, которая наиболѣе возможна среди цивилизаціи. Переходъ отъ твоего дома до вокзала для меня былъ опаснѣе всѣхъ моихъ разъѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ. Но довольно утомлять твои глаза!

Заграницу не поѣду до іюля, но не потому, что тебѣ мудрено снабдить меня деньгами, а потому, что мой докторантъ теперь занятъ по уши экзаменами, которые окончатся только въ іюлѣ. Тогда мнѣ нужно съ нимъ видѣться.

По сій мови та бувайте здорови. Твой Кулишъ.

Ты вельми добре описавъ городянъ, що бигають увесьденечки повысолоплювавши язики. Нема въ свити надъ хуторъ! Устанешъ—никуды не хапаесся, выйдешъ у садъ—соловьи тоби щебечуть. До кофе подадуть тоби слывокъ не такихъ, якъ оттамъ яка злыденна душа продасть ледачій наймычци. Визьмешъ, прочитешъ кныжку, або самъ перомъ пыснешъ про старовыну. Прыйде до тебе чоловикъ якій,—винъ говорыть розумно, не такъ, якъ городяне: або про дубыну, або про осычину, чи про сино, и ничого не скаже такъ не до речи, якъ отти пысьменныи люде, що абы слово, то вже й дурныця. Попысавши, выйдешъ за ворота; тамъ утята съ гусьмы плавають, кахкають, кони пасуться, скотъ полягавъ на трави, мовъ намалеваный, а тутъ ратаи на волыкивъ гукають; а сонце жъ то, сонце! Що воно выробляе по тому молодому лысту, що мовъ зеленымъ серпанкомъ позапынавъ дерево!..

74.

19 іюня.

Спасыби за гроши, що поховавъ ёси въ скарбныцяхъ. Колы не можна тоби прыйихаты буде и 28 іюня, якъ сподиваесся, то надишлешъ къ 1 іюля, а самому мини йихаты неможна, бо мушу йихаты въ Варшаву до В. Билозерскаго, щобъ завершить Матрониньску справу. Тогди жъ то й гроши мини буде треба, а теперъ на свои потребыны маю. Та що се ты мини за задачу задаешъ? Якъ я выйиду тоби на зустричъ, колы ты выйидешъ 27-го числа на ничъ, а въ Плисци будешъ на свитанню? Хочъ бы я й схотивъ передъ свитомъ йихаты въ Плиску, такъ кучеръ мій не схоче, бо теперъ наши люде стоять ривно съ пивночными американами у ривновази зъ панамы, а линощамы—выще всего свиту. Та й яки мы зъ тобой будемо, недоспавши ночи? Ни, мій голубе, колы хочешъ зробыты зъ своихъ одвидынъ утиху и для себе, и для мене, то скажи мени, на яку годыну мижъ ранкомъ и вечеромъ мушу я прыстыгнуть до тебе въ Плиску? Подывысь у кныжци, колы прыйде туда пойиздъ, тай напыши. Колыжъ тоби теперъ вельми николы, то я тебе й не сылоyватыму.

Вже соловьи позамовкалы и розы осыпаются. Теперъ одна втиха—полуныци да суныци. Не знаю, чи вродыть малына. Вышни побыло въ цвиту морозомъ, такъ само, якъ яблуки и груши. Въ осени тилько золоте сонечко по гаяхъ та левадахъ веселытыме око. Городяныннови трудно нашого брата де въ чому зрозумиты. До Плиски 22 версты, отъ ты й думаешъ: «устане винъ рано, якъ ударыть 4 годына, та дви годыны буде въ дорози, о шостій годыни мы побачимось». А воно не такъ, ось якъ воно выйде: Зъ вечера скажу Грыцькови: «завтра, Грыцько, пойидемо въ Плиску, такъ щобъ на сходи сонця рушиты зъ дому». А Грыцько мени скаже: «Колыжъ я коней упораю?» «Порай колы хочешъ, а въ Плиску мусымо постыгнуть заранял».— Отъ Грыцько и заходытьця вранци коло коней. Нема въ мене стилько снаги, щобъ его прысылуваты до порядку въ стани. Кони въ ёго замазани, закаляни; зачне винъ ихъ обмываты та обчищаты, зачне збрую збираты, запрягаты, тай вылиземо зъ нымъ изъ ворить хиба тогди, якъ добри люде снидають, а на яку годыну прыстыгнемо до тебе—сёго ни я, ни винъ не знаемо. Тымъ часомъ ты, не доспавши ночи,—яке вже тамъ спанне на зализныци?—нудытымешъ свитомъ у порожнёму поганéнькому вокзали, середь Плисецкои ривнявы и, позыраючи на годынныкъ, не знатымешъ на котрій годыни опочиты

очима. Азія! А я бажавъ бы, щобъ ты мене побачивъ зъ викна, добигаючи до Плисецькои станціи. Доволи нудьги и въ дорози черезъ наши пустыни та пустки. Нехай бы тебе не пыталы чужіи очи, що ты за панъ, а прывитало мое дружне око на бангофи. То колы хочешъ, то прыбувай у день. Тогди й мы зъ Грыцькомъ сякъ такъ вырядымось у далеку дорогу, ажъ за 22 версты, та й не спизнемося ни мынутою, видмирявши соби яку годыну на гаянне. Оце жъ пыши и сповисты, якъ воно мае буты? Твій П. Кулишъ.

75.

Зъ Варшави.

Ще не було такого чорта, щобъ злякавсь запорожець, а про те чортяки свое дило роблять. Прочитай, колы хочешъ 204 № Моск Вѣдом. Певно вже читавъ еси 250 и 251 №№ С. Петербур. Вѣдом., то й знаешъ, яку костомару заперъ я въ пельку газетнымъ вовкамъ. Теперъ читай № 263 тіеи жъ таки газеты. Клепле дурный Х. дурному Каткову, нибы я подлажуюсь до ляхивъ. Добра се ознака, що воны зсунулысь зъ глузду, бо не второпають зъ якого боку мене рвануты. Е таки люде и въ Варшави, що рады бъ мене втопыты въ ложци воды. Катковъ ихъ апостолъ. Не маючи свого розума, споглядають на мене его очима; може й заподіють мини гуртомъ яке лыхо. Та зъ напасты, мовлявъ, не пропасты. Знайдемо й мы що робыты. А поки що, пысатыму проты Катკивськихъ та Аксакивськихъ каверзъ. Нехай добри люде навчаються правды хочъ по троху.

Мазюкевича твого не бачивъ, та по правди сказавши—мени по всякъ часъ николи, то й байдуже. А що кажешъ пойихало сюда багацько розумныхъ людей, то шкода праци! Ничогисенько не вдіють, поки таки люди нами орудують, що рады бъ Кулиша въ ложци втопыты. Позасплюють розумъ, у кого й е, або попсуются такъ, що й не пизнаешъ.

Що се тоби прывыджуетьця про мое авторитетство середъ Москвы? Не знаешъ ты іи, пане брате! Тамъ правдою ничого не вдіешъ, тамъ правды бояцця.

Оце найкраще, якъ на добро чоловикови обертаты таку напасть, що одняты въ его частыну заробитку! хочъ бы мени впало сто тысячъ—и тогди думка моя не грошима бъ водылась, а тоби здается, що я клопочусь про тысячи карбованцивъ. Гай, гай! Давно бъ уже

трещала въ мене видъ ныхъ скрыня, та не грошей чоловикъ добываетьця. Нехай такъ люде про мене думають—воно й гараздъ, а тоби не личить.

Справди Головацького въ васъ не розуміють. Колысь побачать, що воно е. Затуманено людямъ очи такъ, що й ты багацько де чого не добачаешъ. Не тилько *винъ* напечатавъ, та ще напечатавъ зъ лукавои науки, побувавши въ Москви. Се дило широке, а не таке, якъ тамъ у васъ миркують. Яка тутъ гордость, брате! тутъ чоловикъ на сылу дыше середъ ворожого натовку, а тоби здаецця, що винъ пануе, а що про дорогу речешъ, то бывъ бы я падлюка, колыбъ зъ неи звернувъ, хочъ бы для одного такого якъ Аксаковъ, або Катковъ. Се ты ничого не знаешъ, тымъ раешъ мени «уступаты другимъ дорогу». Мы стоимо въ Термопилахъ. Проклята маты, що породыла такого уступателя! Нехай насъ растопчуть и возвистять мырови, що восторжествовалы надъ велыкимъ зломъ: оце буде наша найкраща слава, колы не доведецця намъ самимъ растоптаты безголовыхъ тыхъ фанатикивъ, що всимъ руськимъ мыромъ заколотылы и всимы способамы добро и правду зъ людськои души выкоренюють. Ничогисенько въ васъ не тямлять. Сыдять у васъ люде во тьмѣ и сѣни смертнѣй.

Зачѣмъ давать поводъ къ этимъ выходкамъ?—На що серцемъ и розумомъ жиmы? Та тежъ на свити нема ничого гиршого, якъ мовчки дывытысь на той соромъ, що нымъ окрыва Катковъ Руську землю! Колыбъ сталась Русь такою, якою винъ іи малюе, то бувъ бы ій капутъ, бо булабъ се брехня видъ моря до моря и никчемнисть видъ сходу до заходу сонця.

76.

6 паздерника нъ Варшави.

На вопросъ твой: когда надѣюсь побывать въ Матроновкѣ, отвѣтствую:

Первый томъ Исторіи почти что набранъ весь, а еще нужно набирать 2-й. Впрочемъ, типографія приняла чрезвычайныя мѣры. Надѣюсь выѣхать послѣ 1 ноября съ тѣмъ, чтобы изготовить 3-й томъ, которымъ сягону до Хмельниччины, а для Хмельниччины мушу съѣздить: а) въ Варшаву и Познань, б) въ Краковъ, в) во Львовъ, г) въ Ольмюцъ, д) въ Вѣну и е) въ Венецію, а пожалуй и еще въ

нѣкоторые извѣстные своими библіотеками города. Ты думаешъ себѣ: охота жъ полупьянаго козака ставить на такой пьедесталъ? А я хлопочу о томъ, что бы стыдно было ставить ему памятникъ. (Про се мовчи). Уже князь Острожскій покотывсь такъ, якъ той Перунъ Кіевскій, и никогда не выдыбаетъ изъ Леты. (И про се мовчи). За то (оттутъ почухаешъ голову)! Къ Іову Борецкому подхожу подъ благословеніе, а до мищанъ иду въ гости, плюнувши на вельможескія и панскія бесѣды. (Мовчи, брате й про се). А що вже Хмельницкому достанеться такъ такъ, якъ тому кабану, що внадытця въ жито! Тутъ може (выбачай що такъ думаю) ты скажешъ, такъ якъ одынъ пипъ казавъ мини въ Турещини: (пипъ здывовався, що писля Карамзина ще можна пысаты про те жъ само) «Якъ же се?» А три томи про Богдана Хмельницкого куды динешъ?—У пичъ укину. Ще здавна казавъ я Костомарову, що не такъ бы треба пысаты, такъ де жъ бакъ! Уси люде хвалять, а ты одынъ гудышъ! ще шалопай Максимовичъ пидмовлявъ мене: «Чомъ не напышете критики?» На якого вона ката здаєця? Критику, думаю соби, напышешъ и ты, небоже; а визьмы та змалюй самого гетьмана, тогди й побачишъ, куды твій пендзель дывытьця! та побачивши и пійдемъ у тіи богомазы, що каже: «ничаво-ста: для хахловъ и такой Богъ брядѣ». Оце жъ я й не пысавъ критики, а теперъ уже за однымъ заходомъ усе. Нехай люде дывлятьця, который патретъ кращій, чи той, що поставлено на покути, чи той, що въ порога? А гарно буде дывытысь на Хмельницького! Хочъ и въ порога стоятыме, то можна по при ёму де що намалюваты предывно! Самъ винъ ледащо, а кругъ ёго було де що й краще, що винъ умивъ тилько перваты (?). Оце жъ то для сего думаю швендяты по всихъ книготекахъ, чи не выдряпаю де чого небудь цикавого. А вже таки й накинувъ однимъ окомъ де що! Ну та то ще колы буде; а до весны мушу 3-го тома спорудыты; та на три тома буде Хмельнищины, та на три—до царыци Катерины и лядськои халепы. Такъ усимъ дивкамъ парнаськимъ, чи дельфійскимъ по кнызци на ралець и буде,—хочъ и Байронъ каже, що винъ не зважився разбуркаты потомленныхъ «Девятехъ», щобъ ральцюваты имъ своею надто простою, невысокоголосною писнею. Ну, я гарненько положу свои девять кныжокъ на (*не разобрано*). Якъ прокинутьця, то побачать, та зазырнуть, та може ще бильшого зададуть хропака! Твій П. Кулишъ.

77.

10 сентября (годъ неизвѣстенъ).

Здоровъ, брате Иване! Отъ що зробы, спасыби тоби. Пійды до Драгомана и спытай:

а) Чи осягъ винъ лыстъ про те, якъ я хвалю одинъ фельетонъ у Петерб. Вѣдомост.?

б) Чи осягъ писля того ще два листы про кныжки де що?

в) Чи правда, що трушено его?

г) Що тамъ за террор такій учиныли люде, которыхъ такъ хвалено у фельетони? и д) Хто скомпанувавъ на прочудъ гарный фельет? Хочъ тамъ якесь терророве повитре грисуе, та, бувши чоловикомъ старымъ, тоби мусыть буты байдуже. Оце жъ роспытай про его новесеньку страничку зъ історіи просвищенія руського та й мени перекинь, що воно й якъ и звидкиля така халепа сталась?

АПОЛЛОНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ СКАЛЬКОВСКІЙ.

(По поводу девяностолѣтія его жизни).

Перваго января 1898 г. исполнилось девяносто лѣтъ со времени рожденія мастистаго историка Запорожья и Новороссіи Аполлона Александровича Скальковскаго; это такой возрастъ, котораго достигаютъ немногіе, и мы, привѣтствуя исполненнаго долголѣтіемъ дней Аполлона Александровича, считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь главныя черты его жизни и перечень важнѣйшихъ его сочиненій. Этотъ перечень наглядно покажетъ объемъ учено - литературной дѣятельности нашего историка, дающей ему право на глубокое уваженіе всѣхъ образованныхъ людей, интересующихся судьбами своей родины.

„А. А. Скальковскій, сынъ помѣщика Кіевской губерніи, родился 1-го января 1808 г., въ Житомірѣ, гдѣ и окончилъ гимназію; затѣмъ, слушалъ недолго медицину въ Виленскомъ университетѣ, а затѣмъ перешелъ на юридическій факультетъ въ Московскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ, со степенью кандидата, въ 1828 году. Еще будучи студентомъ, А. А. посѣщалъ извѣстный салонъ княгини Зин. Волконской и, находясь въ дружескихъ отношеніяхъ къ жившему тогда въ Москвѣ знаменитому польскому поэту Мицкевичу, началъ свою литературную дѣятельность въ московскихъ журналахъ.

„По окончаніи курса, А. А. отправился на службу въ Одессу, въ канцелярію генералъ-губернатора, тогда графа, а позже свѣт-

лѣйшаго князя М. С. Воронцова. Гр. Воронцовъ старался окружать себя талантливыми сотрудниками и создать въ Одессѣ учено-литературный центръ. По его указанію А. А. занялся мѣстною археологіей и исторіей, а затѣмъ и статистикой, и былъ однимъ изъ учредителей Одесскаго общества исторіи и древностей и общества сельскаго хозяйства Южной Россіи.

„А. А. совершилъ множество поѣздокъ по Новороссійскому краю для разбора и изученія разныхъ архивовъ. Между прочимъ, въ Екатеринославской казенной палатѣ онъ отыскалъ, въ массѣ гнившихъ бумагъ, драгоцѣнный архивъ Запорожскаго войска. Плодомъ этихъ изысканій была первая работа—*Исторія города Одессы*, потомъ—*Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссійскаго края* (2 ч.) и *Исторія Новой Сѣчи или Послѣдняго коша Запорожскаго* (3 ч.). Разбирая вмѣстѣ съ извѣстными польскими писателями Крашевскимъ и Мих. Грабовскимъ архивы, конфискованные у магнатовъ, принимавшихъ участіе въ мятежѣ 1831 г., А. А. собралъ матеріалъ для своей книги: *Наѣзды Гайдамаковъ на Западную Украйну*.

„Посвятивъ себя потомъ, по званію редактора и директора главнаго статистическаго комитета Новороссійскаго края, по преимуществу статистикѣ, А. А. издалъ въ двухъ томахъ *Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края*, увѣнчанный демидовской преміей. Третій томъ этого сочиненія изданъ не былъ вслѣдствіе отсутствія казеннаго ассигнованія по случаю Крымской войны, но почти всѣ его главы въ отдѣльности были напечатаны въ Журн. м-ва вн. дѣлъ. Въ этомъ журналѣ, а равно въ другихъ повременныхъ изданіяхъ 30—50-хъ год., разсѣяно множество статей А—на А—ча по вопросамъ исторіи и статистики Южной Россіи. Одно перечисленіе этихъ трудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые (*Болгарскія Колоніи*, *Ростовъ на Дону и друг.*) вышли потомъ отдѣльными книгами, заняло бы многія страницы. Во время крымской войны А—нъ А—чъ сдѣлался публицистомъ, и политическія письма его въ *Сѣверной Пчелѣ* и *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* обращали на себя вниманіе.

„А. А. Скальковскій не былъ чуждъ и изящной литературы. Изданныя имъ въ 40-хъ г. романы во вкусѣ Вальтеръ-Скотта,

Мамай, *Братья-искупители*, *Кагальничанка* и *Хрустальная балка*—разсказываютъ исторію Новороссійскаго края и содержатъ много любопытныхъ свѣдѣній изъ жизни XVIII столѣтія, почерпнутыхъ изъ архивовъ и разсказовъ современниковъ, которыхъ авторъ въ молодости засталъ еще въ живыхъ.

„Помимо своей учено-литературной дѣятельности, А. А. принесъ огромную пользу краю, организовавъ въ Одессѣ архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ, которымъ и завѣдуетъ до сихъ поръ. Прослуживъ въ Новороссіи семьдесятъ лѣтъ, онъ самъ былъ живымъ архивомъ для всѣхъ, кто въ Одессѣ нуждался въ какихъ либо справкахъ по мѣстной исторіи и статистикѣ. А—нъ А—чъ былъ женатъ на дочери Степана Живковича, извѣстнаго дѣятеля по освобожденію Сербіи отъ турецкаго владычества, бывшаго секретаря Георгія Чернаго, а послѣ смерти послѣдняго, нашедшаго пріютъ въ Россіи“ [1]).

Учено-литературную свою дѣятельность А. А. Скальковскій началъ книгою—*Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссійскаго края*, первая часть котораго вышла въ Одессѣ въ 1835 году. Въ предисловіи къ этой книгѣ авторъ подробно описалъ первую свою археографическую поѣздку по Новороссіи, причемъ сообщилъ любопытныя свѣдѣнія о состояніи осмотрѣнныхъ имъ архивовъ. Въ виду рѣдкости названной книги мы приводимъ здѣсь часть этого предисловія.

„14 числа мая 1835 года оставилъ я Одессу, не зная еще навѣрно куда направить свои шаги; но первыя попытки, сдѣланныя мною въ Новомиргородѣ, пограничномъ шанцѣ и штабъ-квартирѣ Сербскаго гусарскаго Хорвата полка (1754), доказали что лучше всего объѣздъ мой произвести по хронологическому порядку. Я разумѣю подъ симъ заглавіемъ время, моментъ или порядокъ времени, какъ на сцену всеобщей русской исторіи, области и города Новороссійскія выходили.

На такомъ основаніи я обозрѣлъ Новомиргородъ, Новоархангельскъ (съ окрестными ротами и остатками крѣпостей и

---

[1]) Приведенныя здѣсь свѣдѣнія получены нами отъ К. А. Скальковскаго, которому и приносимъ искреннюю благодарность за его любезный отвѣтъ на запросъ редакціи.

шанцевъ по Синюхѣ и Виси), Ольвіополъ (т. е. Орликъ) или Екатерининскій шанецъ (пограничную крѣпость и таможню), крѣпость св. Елисаветы, или Елисаветградъ (съ нѣкоторыми бывшими гусарскими и пикинерными ротами или селами и раскольничьими округами—Злынкою, Клинцами и проч.); Александрію (бывшую роту Бече или Бешку 2-ю), колонію старообрядцевъ, а равно Крыловъ и Крюковъ, древнія козачьи усадьбы и послѣдніе шанцы Новосербскаго поселенія на границѣ Полтавскаго и Миргородскаго малороссійскихъ полковъ. У Крюкова Днѣпръ начинаетъ вторую часть поселенія въ степи, т. е. Украинское или ландмилицейское на линіи, до 1750 года заведенное, и Славяносербію; а потому я переѣхалъ границу Екатеринославской губерніи и чрезъ Запорожскія села: Романьково и Сухачевку (т. е. Верхнеднѣпровскъ), доѣхалъ до Екатеринослава II-го на Днѣпрѣ. Отсюда я пустился за Днѣпръ, въ Новомосковскъ (т. е. Новоселицу, Старо-самарскій ретраншаментъ, или Екатеринославъ I-й на Самарѣ); здѣсь въ земледѣльческомъ классѣ народа я нашелъ преданія и обычаи съ 1775 года, рядомъ съ успѣхами домоводства и земледѣлія, введеннаго иностранными колонистами.

Слѣдовало пуститься въ глубь Славяно-сербскаго поселенія до рѣкъ Лугани и Сѣвернаго Донца и дойти до Линіи, сосѣдней съ бывшими Слободскими полками; но въ Павлоградѣ узналъ я офиціальнымъ образомъ, что дѣла обѣихъ линій, старой Украинской и Днѣпровской, переданы первоначально Военной коллегіи, а послѣ начальству военно-кавалерійскаго поселенія. Часть малая сохранилась въ крѣпости св. Димитрія на Дону. Екатеринославское губернское начальство извѣстило меня, что дѣла Новосербской канцеляріи и Славяносербской коммиссіи хранились когда-то (между 1763 и 1770, т. е. по упраздненіи обѣихъ областей), въ крѣпости Бѣлевской, на Линіи и въ Бахмутѣ, но что теперь ихъ тамъ уже нѣтъ больше. Тоже самое я узналъ о Славяносербскѣ (бывшемъ Донецкѣ).

Такимъ образомъ надобно было довольствоваться Екатеринославскими губернскими архивами, и тутъ, поистинѣ, былъ главный источникъ всѣхъ собранныхъ мною свѣдѣній для пер-

выхъ двухъ эпохъ исторіи Новороссійской. Здѣсь соединены архивы дѣлъ: бывшихъ Новороссійской и Азовской губернскихъ канцелярій, съ 1764 по 1784, Екатеринославскаго намѣстничества съ 1784 по 1796, второй Новороссійской губерніи, съ 1797 по 1802, и Екатеринославской губерніи настоящей. Кромѣ сего, здѣсь находятся архивы генералъ-губернаторскіе: Воейкова, Потемкина, Зубова и др., межевые, дворянскіе и много другихъ. Но дѣлъ первоначальныхъ, касающихся временъ съ 1750 по 1763 годъ, именно самыхъ желанныхъ, ибо они, касаясь первоначальныхъ дней края, отличались бы новостью и оригинальностью, нигдѣ отыскать нельзя было. Они или погибли въ безчисленныхъ пожарахъ, разрушавшихъ такъ часто города и села Новороссійскія или—переданы въ такія руки и архивы, куда уже никто, кромѣ посвященныхъ, не можетъ отыскать себѣ дороги. Все, что удалось узнать о годахъ съ 1751 по 1764 годъ, получено мною изъ архива Екатеринославскаго архіепископа Гавріила, подавшаго мнѣ доброжелательную руку помощи въ столь затруднительномъ положеніи. Но это было бы слишкомъ мало, если бы въ Полномъ Собраніи Законовъ не были помѣщены главнѣйшіе документы, до первоначальнаго заселенія Новороссійскаго края относящіеся. По сей причинѣ вся почти первая эпоха, кромѣ мѣстныхъ преданій, основана на XIII, XIV и друг. томахъ упомянутаго собранія. Изъ Екатеринославля я ѣздилъ вдоль пороговъ Днѣпровскихъ, для осмотра крѣпости Владислава IV въ Старо-Койдакахъ, Фалѣевскаго канала въ Ненасытенскомъ, Сѣчи на островѣ Хортицѣ и небольшой верфи, бывшей (въ 1794 г.) въ урочищѣ Кичкасы. Оттуда, черезъ Никополь (или Никитинскъ), одну изъ главныхъ паланокъ, или уѣздовъ, Сѣчи, по Днѣпру добрался до Бериславля (по-турецки Кизи-Керменъ), пограничнаго запорожскаго съ татарами и нѣкогда укрѣпленнаго города. Въ Никополѣ, Бериславлѣ и Каховкѣ, кромѣ небольшихъ, весьма сбивчивыхъ, но поэтическихъ преданій о Сѣчи Запорожской, я не получилъ другого рода документовъ; за то въ с. Знаменкѣ я отыскалъ нѣсколько свѣдѣній о первыхъ поселеніяхъ старообрядцевъ на берегахъ Днѣпра. Въ соборѣ Никопольскомъ хранятся многія драгоцѣнныя утвари (даже изъ церквей католиче-

скаго исповѣданія) изъ Сѣчеваго покровскаго собора вывезенныя послѣ 1775 года (въ томъ числѣ древній черепаховый аналой—подарокъ папъ) и доставшіяся запорожцамъ изъ Австріи и Польши.—Я спѣшилъ къ Херсону. Херсонъ съ 1779 года начинаетъ свою жизнь. Онъ отецъ флота Черноморскаго, громившаго турокъ съ 1788 по 1791 годъ, и одинъ изъ важныхъ свидѣтелей трудовъ и намѣреній Потемкина. Отсюда ходили русскіе для занятія ханства Крымскаго и сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, сдѣлавшагося теперь русскимъ. Въ Херсонѣ архивы губернскіе не важны въ историческомъ смыслѣ, ибо не старѣе 1803 года, за то архивы военные въ крѣпости и адмиралтейскіе—неоцѣненнаго достоинства, ибо тамъ дѣйствія градостроителя Херсона—Ганнибала и Потемкина—основателя могущества русскаго на югѣ, изображены большими буквами и краснорѣчивыми памятниками.

Изъ Херсона чрезъ Алешки, вторую и пограничную Сѣчь Запорожскую (1731), выѣхалъ я въ Перекопскую степь, богатую соляными озерами, безмѣрными пастбищами, стадами верблюдовъ и воспоминаніями о безчисленныхъ битвахъ русскихъ, козачьихъ, польскикъ и ордынскихъ. Но эта степь, сколько мнѣ было извѣстно, мало имѣетъ памятниковъ, а еще менѣе документовъ. Я спѣшилъ въ нынѣшнюю столицу Крыма.

Симферополь, или Акъ-Мечеть, куда въ 1784 году перенесено главное управленіе русское надъ Крымомъ изъ Карасубазара, имѣетъ обширные и весьма любопытные архивы и много другихъ источниковъ полезныхъ для объясненія древней и новой исторіи полуострова: изъ нихъ я заимствовалъ все, что было возможно, о первыхъ годахъ владычества русскаго въ Тавридѣ. Остается Маріуполь и Нахичевань, греческіи и армянскія колоніи изъ Крыма вышедшія (1779). Николаевъ—послѣдствіе взятія Очакова, куда немедленно (съ 1789 г.) перенесена была часть кораблестроенія; Вознесенскъ—цѣль всѣхъ замысловъ Зубова и центръ бывшаго Бугскаго козачьяго войска и, наконецъ, Одесса (Хаджибей, Енидани) трофей и твореніе Дерибаса, коей архивы тѣмъ важны, что съ 1805 она сдѣлалась главнымъ го-

родомъ Новороссійскаго края, какъ уже съ 1803 была важнѣйшей торговой гаванью на Черномъ морѣ".

Засимъ приводимъ перечень сочиненій Аполлона Александровича.

1) 1836—1838. Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссійскаго края. 1730—1823. Часть I, съ 1730 по 1796. Одесса. XI+288 стр. Часть II, съ 1796 по 1823. Одесса. IV+349 стр. *Съ портрет. Де-Рибаса, съ рисунк. одеждъ гусарскихъ и пикинерскихъ полковъ* 1772 г. *и карт. Вознесенск. намѣстничества.*

2) 1837. Первое тридцатилѣтіе исторіи города Одессы. 1793—1823. Одесса. IV+296 стр. *Съ портр. Ришелье и планомъ Одессы* [1]).

3) *1839. Историко-статистическій опытъ о торговыхъ и промышленныхъ силахъ Одессы. Одесса [2]).

4) 1841. Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго Коша Запорожскаго. Извлечено изъ собственнаго Запорожскаго архива. Одесса. VIII+437 стр.

5) 1844. Сношенія Запорожья съ Крымомъ. 1749. Матеріалы для исторіи Новороссійскаго края. Одесса. 26 стр. (*Отдѣльн. оттискъ изъ Одесск. Вѣстн. №№ 72 и 73*).

6) 1844. Некрасовцы, живущіе въ Бессарабіи. Ж. Мин. Вн. Д., ч. VIII, 61—81 стр.

7) 1845. Наѣзды гайдамакъ на Западную Украину въ XVIII столѣтіи. 1733—1768. Одесса. 230 стр. *Съ рисунк. гайдамака и планомъ Умани.*

---

[1]) Польскій писатель Мих. Грабовскій, давая подробный отчетъ объ этой книгѣ (*Atheneum, 1843 г., № 2, 118—150*), говоритъ, между прочимъ, что въ 1836 г. былъ напечатанъ въ Одессѣ, *Дневникъ путешествія гр. Воронцова по Черному морю* (*Dziennik drogi parostatku Piotr W. wzdłuż tauryckich i wschodnich brzegów Czarnego morza*), веденный А. А. С—кимъ, но другихъ свѣдѣній объ этой книгѣ мы не встрѣчали.

[2]) Звѣздочками означены книги, заглавія которыхъ взяты изъ каталоговъ. Остальныя—описаны по самимъ книгамъ.

8) 1846. Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго Коша Запорожскаго. Изд. второе, исправленное и значительно умноженное. Три части. I—367, II—367 и III—239 стр. [1]).

9) 1846. Поѣздка по Запорожскимъ урочищамъ. Ж. Мин. Вн. Д., № 1, 34—77 стр.

10) 1847. Похороны козака. Русск. Инв., № 32. (*Разсказъ, заимствованный изъ акта 1772 г.*).

11) 1847. Ясырь. Тамъ же, №№ 82—83.

12) *1848. Болгарскія колоніи въ Бессарабіи и Новороссійскомъ краѣ. Одесса.

13) 1849—1850. Порубежники. Канва для романовъ. 4 выпуска. Одесса. I VIII+195 стр. *1. Кагальничанка. Повѣсть 1769—1770. 2. Хрустальная Балка. Повѣсть 1790 г.* II, VIII+200 стр. *Братья-Искупители. Повѣсть 1768 г.* III+202 стр. IV, 206 стр. *Мамай. Повѣсть 1758—1760 гг.* [2]).

14) 1850. Опытъ Статистическаго Описанія Новороссійскаго края. 2 части. Одесса [3]). I, 364 стр.

---

[1]) Обстоятельная рецензія на первыя двѣ части этой книги, Крашевскаго, напечатана въ тогдашнемъ *Athenenm*'ѣ См. сборникъ Крашевскаго—*Okrussyny*, (Варшава 1856)т. I, стр. 109—178.

[2]) „Авторъ ихъ представляетъ здѣсь только „канву“ для романовъ, сценою которыхъ избралъ онъ южную Россію. Подобно безсмертному шотландскому барду, и онъ „худѣйшій“ заботился гораздо больше о точномъ описаніи мѣстности, обычаевъ, характеровъ и дѣятельности народовъ заселявшихъ нашъ край до введенія въ немъ русской гражданственности, нежели объ украшеніи разсказа своего плодомъ воображенія... Авторъ писалъ съ натуры. Его „осадчіе“ и героя кагальницкіе, его козаки, ногайцы, „слобожане“, караимы и чабаны,—такіе же и теперь, какіе были и въ половинѣ прошедшаго столѣтія. Сказаніе о „Братьяхъ-искупителяхъ“ истинно во всѣхъ частяхъ. О Мамаѣ и Заблудѣ, Мигейскомъ „тайникѣ“, о крѣпости св. Елизаветы и пр.—разсказъ основанъ на подлинныхъ документахъ..“. *(Изъ „Предисловія“).*

[3]) Въ предисловіи къ I-й части авторъ указываетъ—въ какихъ журналахъ были напечатаоы раньше отдѣльныя главы „Опыта“; тутъ же авторъ перечисляетъ и источники своей книги, при чемъ называются: Сарницкій, Длугошъ, Мих. Литвинъ... Авторъ поясняетъ, что эти „рѣдкія“ сочиненія онъ получалъ отъ Крашевскаго, съ которымъ „не разъ объѣзжалъ уѣзды Новой Россіи“. Свѣдѣніе о 2-й части „Опыта“ взято изъ каталога.

15) 1854. Дунайцы. Эпизодъ изъ турецкой кампаніи 1769—1777. Временникъ Моск. Общ. Истор. и Древн., кн. XIX, 9—30 стр. (*Статья эта названа авторомъ „отрывкомъ изъ 4-й части Исторіи Новой Сѣчи“*).

16) 1855. Историческія замѣтки о пластунахъ. Русск. Инв. № 183.

17) 1885—1886. Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго Коша Запорожскаго. На основаніи подлинныхъ документовъ Запорожскаго Сѣчевого архива. Удостоенная почетнаго отзыва императорской академіи наукъ. Изданіе третье. Одесса. Часть I—XIII+302, ч. II—358 стр., ч. III—330 стр. *Съ рисунк., планами и картой земель или вольностей Войска Запорожскаго Низоваго въ 1770-хъ годахъ.*

18) 1889. Адмиралъ Де-Рибасъ и завоеваніе Хаджибея. 1764—1797. Одесса. 38 стр. *Съ портретомъ Де-Рибаса, планомъ Одессы въ 1794 г. и видомъ Хаджибейскаго замка.*

Мы здѣсь не перечисляемъ статей А. А. С—аго, напечатанныхъ въ „Кіевск. Старинѣ“, начиная съ перваго года ея изданія (1882 г). и до 1891 г. включительно.

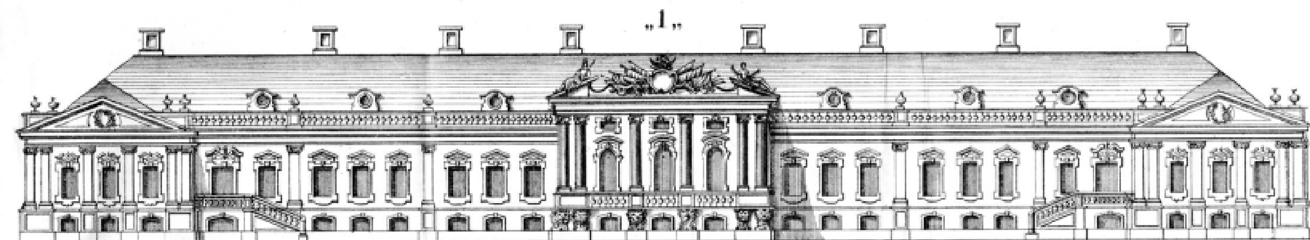
Очень можетъ быть, что нами пропущены нѣкоторыя отдѣльно изданыя книги А. А. Скальковскаго, и несомнѣнно, что въ этомъ перечнѣ нѣтъ множества статей А. А. С—аго, напечатанныхъ во время-óно въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* и *Русскомъ Инвалидѣ*. Къ сожалѣнію, этихъ двухъ изданій въ Кіевѣ найти нельзя. Мы имѣли возможность указать лишь на двѣ статьи, напечатанныя въ Русск. Инв. 1847 г. Не указываемъ мы здѣсь, по той же причинѣ, и статей А. А. С—аго, напечатанныхъ въ *Запискахъ Общ. Сельск. Хоз. южн. Россіи*, но перечень его статей, напечатанныхъ въ этомъ изданіи можно найти въ *Системат. Указателѣ* къ „Запискамъ“ Бориневича, напечатанномъ въ 1895 г., въ Одессѣ. (*Отд. оттискъ изъ Зап. С. Хоз. Южн. Р.*).

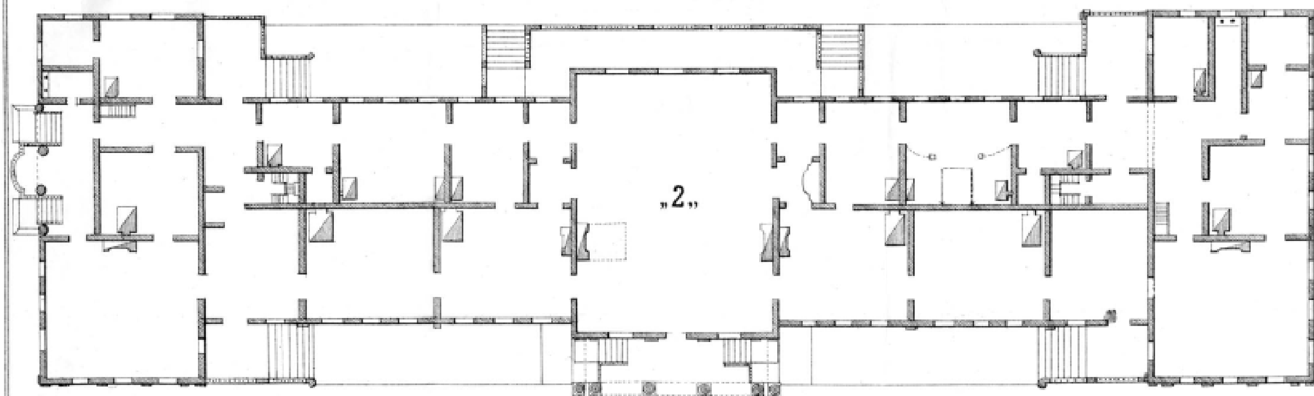
Послѣдняя историческаго содержанія статья А. А. С—аго изъ напечатанныхъ до настоящаго времени, появилась въ 1893 г., въ т. XVI-мъ *Записокъ Одесск. Общ. Истор. и Древн.*, подъ заглавіемъ: *Русское посольство къ хану Крымскому въ концѣ XVIII столѣтія.* (Стр. 267—271).

Во всякомъ случаѣ желательно было бы получить дополненія къ приведенному здѣсь списку—для составленія по возможности полной библіографіи маститаго историка Южной Россіи, которому вмѣстѣ съ симъ пожелаемъ продолжить списокъ его сочиненій новыми работами...

Выдъ Какъ Будутъ Гетманскіе Покои Подномеромъ „1„ и „2„ Значить Наплане.

1749 г

ГЕТМАНСКІЕ ДОМА ВЪ ГЛУХОВѢ.

(*Къ рисунку*).

Свѣдѣній о зданіяхъ въ старой Малороссіи лѣваго берега Днѣпра, кромѣ церковныхъ, почти совсѣмъ не имѣется. Главная причина тому заключается, конечно, въ томъ, что зданія были почти исключительно деревянныя, которыя если не горѣли, то разрушались отъ времени. Изъ старыхъ построекъ въ Малороссіи извѣстно лишь сохранившееся въ Черниговѣ каменное зданіе (на берегу Десны), которое зовутъ тамъ обыкновенно „домикомъ Мазепы". Не говоримъ о томъ, что нѣтъ никакихъ основаній связывать этотъ „домикъ" съ именемъ Мазепы, но прямое названіе этого зданія *домикомъ* является неточнымъ; судя по его виду и отсутствію въ немъ внутреннихъ капитальныхъ стѣнъ, слѣдуетъ думать, что этотъ *домикъ* не былъ жилымъ зданіемъ, а устроенъ былъ скорѣе для какой нибудь особой надобности, напр., для храненія пороха или какого нибудь „скарба".—Есть впрочемъ указаніе, что города старой Малороссіи обстроены были не бѣдно; такъ, напр., путешественникъ нач. XVIII в., Лукьяновъ, проѣзжая черезъ Глуховъ въ 1703 г., записалъ, что въ немъ „строеніе преузорочное, свѣтлицы хорошія; палаты въ немъ полковника стародубскаго Миклашевскаго—зѣло хороши." Глуховскія зданія показались Лукьянову на столько „преузорочными", что онъ не удержался отъ общаго замѣчанія, что „очень зѣло лихоманы хохлы затѣйливы къ хо-

ромному строенію...“ [1]) Въ другомъ мѣстѣ мы выразили сомнѣніе—не превознесъ ли Лукьяновъ свыше мѣры *затѣйливость хохловъ къ хоромному строенію*, наглядѣвшись по великорусскимъ городамъ на непобѣленные домики [2])... Сохранилось описаніе дома, въ которомъ жилъ гетманъ Апостолъ, уже напечатанное [3]). Сохранилось также описаніе двора съ постройками, въ которомъ „пребываніе имѣлъ“ гетманъ Скоропадскій. Описаніе это, сдѣланное въ 1727 г., представляетъ собою контуръ гетманскаго жилища. Несмотря на нѣкоторую неясность въ изображеніи общаго расположенія построекъ, описаніе это не можетъ не быть интереснымъ, и мы его приводимъ здѣсь полностью [4]).

„Въ городѣ Глуховѣ, въ дворѣ гетманскомъ, на которомъ гетманъ Скоропадскій пребываніе имѣлъ, близъ церкви Николая Чудотворца, огороженъ въ столбъ тертицами, отъ двора полкового обозного Михаила Кондратьева до задворковыхъ воротъ, а отъ церкви Николая Чудотворца тертицами (жъ?); ворота въездные—толко одни вереи брусовые, сосновые, болшие съ форткою.

Вшедъ въ дворъ, по правую сторону погребъ дубовый съ выходомъ, двери сосновые растворчетые, на крюкахъ желѣзныхъ; въ немъ въ потолокѣ (въ потолкѣ?) шендалъ на цепи желѣзной, четырѣ тертицы сосновые.

Подле погреба свѣтлица, съ комнатою безъ полу, лѣсу сосновоrо брусового, въ ней одинъ столъ липовой, четырѣ лавки сосновые, печь кафлевая бѣлая; семь окошекъ въ комнатѣ, двѣ съ окончинами стекляными въ деревѣ; двое двери на крюкахъ желѣзныхъ. Противъ—той свѣтлица жъ съ комнатою соснового лѣсу; въ ней столъ круглой, липовой, скамья, печъ кафлевая бѣлая, три лавки липовыхъ, три окна красныхъ, въ нихъ окончены стекляные въ деревѣ зъ затворами, на крючкахъ желѣзныхъ, дверь соснового лѣсу, на крюкахъ желѣзныхъ; въ комнатѣ одно окно красное, дверь на крюкахъ желѣзныхъ; между ними сени рубленые соснового лѣсу. Вышеписанное строеніе

---

[1]) Черн. Листокъ 1862 г. № 4.

[2]) Опис. Ст. Малор., II, 431.

[3]) Матер. для Отеч. Исторіи, I, от. 3-е, стр. 3-е, стр. 4—12.

[4]) Оно находится въ рукописи Кіевск. Археогр. Коммисіи, № 400.

покрыто дранью. Позади тѣхъ свѣтлицъ нужникъ, огороженъ досками, крытъ дранью.

Близъ тѣхъ свѣтлицъ свѣтлица поваренная; въ ней столъ болшой липовой; печь кафлевая бѣлая, семь окошекъ красныхъ съ окончины стекляными въ деревѣ; двѣ лавки; двери на крючкахъ желѣзныхъ; при той свѣтлицѣ сѣни рубленые соснового лѣсу; въ нихъ очагъ кирпичной, два окна красныхъ съ окончины стекляными, двери на крюкахъ желѣзныхъ; оное строеніе крыто дранью.

Близъ той кухни изба черная, старая пустая, лѣсу соснового. Подле ея изба жъ черная съ сенми лѣсу соснового; и оное строеніе крыто дранью.

Близъ тѣхъ черныхъ избъ, свѣтлица соснового лѣсу, въ ней печь зеленая кафлевая, столъ липовой, три окошка красные съ окончины стекляными, зъ затворками на крючкахъ желѣзныхъ; въ ней чуланъ дощатой; въ немъ одно красное окно съ окончиною стекляною; въ свѣтлицѣ и комнатѣ полъ дощатой. Оное строеніе крыто тертицами.

Колодезь, въ немъ струбъ дубового лѣсу, въ глубину пятнадцать саженъ; подле его колесо, чемъ воду вытягаютъ; оковано желѣзомъ; тотъ погребъ съ колесомъ, огороженъ достками сосновими встолбъ, покритъ тертицами.

Оборотъ по левую сторону, свѣтлица соснового лѣсу, въ ней печъ кафлевая голая, столъ круглой съ лавками, три окошка красныхъ, въ нихъ окончины стекляные въ деревѣ, зъ затворами, дверъ на крюкахъ желѣзныхъ; противъ той свѣтлицы свѣтлица жъ соснового лѣсу, зъ двемя комнатами; въ ней печъ зеленая, столъ круглой липовой, три окна красныхъ съ окончины стекляными, зъ затворами, на крюкахъ желѣзныхъ; въ другой комнатѣ два окошка красные съ окончины стекляными въ деревѣ, полъ дощатой. Исъ той комнаты проходъ до пекарни и въ нужникъ, и въ комору; подле той комнаты комора рубленая соснового лѣсу, съ лавками. Во ономъ строеніи, съ проходомъ, шестеро дверей на крюкахъ желѣзныхъ, между светлицъ сѣни рубленые соснового лѣсу, въ нихъ двое двери на крюкахъ

желѣзныхъ, передъ сѣнми лавки. Оное строеніе крыто тертицами. Подле той светлицы пригороженъ цветникъ.

Позади тѣхъ хоромъ пекарня сосновогo лѣсу, въ ней два окна красныхъ, одно волоковое съ окончины стекляными въ деревѣ, въ ней столъ, печъ глиняная съ лавками, полъ дощатой; при той пекарнѣ сѣни сосновогo лѣсу, въ пекарни и въ сѣняхъ двоя двери на крюкахъ желѣзныхъ. Оное строение крыто дранью. Отъ пекарни проходъ до воротъ, двери сосновые на крюкахъ желѣзныхъ.

Близъ тѣхъ свѣтлицъ ледовня дубовая, на ледовни анбаръ сосновогo лѣсу, зъ ганками; въ той ледовнѣ сходная лесница дубовая, двери сосновогo лѣсу, на крюкахъ желѣзныхъ.

Подле ледовнѣ чуланъ дощатой, двери сосновые, на крюкахъ желѣзныхъ, надъ дверми окно неболшое съ окончиною стеклянною въ деревѣ, съ мостомъ дощатымъ. Оной ледникъ и чуланъ крытъ дранью.

Свѣтлица, въ которой жителство имѣла госпожа гетманша Скоропадская; въ ней печъ поливаная, цвѣтная, шесть окошокъ красныхъ болшихъ, съ окончины скла болшого врамловского (?) зъ затворами, столярной работы, на завѣсахъ желѣзныхъ; шкапъ болшой липовой, съ выпускнымъ столомъ, полъ кирпичной, двоя двери дубовые, столярной работы, на завѣсахъ желѣзныхъ, зъ замками нутренными желѣзными съ ключами.

Противъ свѣтлицы свѣтлица жъ сосновогo лѣсу, съ комнатою, въ свѣтлицѣ четырѣ окна стеклянные, скла врамловского, зъ затворами, столярной работы, на завѣсахъ желѣзныхъ; въ томъ числѣ у одного окошка одно скло разбито, полъ кирпичной, двери столярной работы дубовые, на завѣсахъ желѣзныхъ, зъ замкомъ нутренымъ, съ ключемъ; въ комнатѣ печъ поливаная цвѣтная, три окошка скла врамловского, съ затворами, на завѣсахъ желѣзныхъ съ шурупами, дверъ столярной работы, дубовая, на завѣсахъ желѣзныхъ, полъ кирпичной. Между ими сѣни рубленые, одна стена сосновогo лѣсу, двери столярной работы на завѣсахъ липовые, зъ замкомъ нутренымъ, съ ключемъ; въ сеняхъ полъ кирпичной. Передъ сѣнми крылцо непокрыто. Оное строение покрыто тертицами. Вкругъ светлицъ

и комнатъ огородъ на цвѣтки, въ томъ числѣ и яблоки, огороженъ тертицами красными.

Того двора явилось по мѣрѣ—земли въ длину: трехъ аршинныхъ дватцать девять саженъ сполу, поперегъ: тритцать пять саженъ. Въ томъ гетманскомъ дворѣ вышепоказанное хоромное строение все новое.“

Сколько можно понять изъ этого описанія, въ гетманскомъ дворѣ были слѣдующія постройки:

1. Погребъ.

2. Домикъ, состоявшій изъ двухъ большихъ комнатъ (*свѣтлицъ*), раздѣленныхъ сѣнями, причемъ въ одной изъ свѣтлицъ была отдѣлена (конечно, переборкою, т. е. стѣною не капитальною) *комна́та*.

3. Кухня, („свѣтлица поваренная“), съ сѣнями.

4. „Изба черная“, назначенная, конечно, для прислуги.

5. Домикъ, состоявшій изъ *свѣтлицы* съ *комна́тою* и изъ чулана.

6. *Хоромы*, состоявшіе изъ двухъ свѣтлицъ, изъ которыхъ въ одной устроена была *комна́та*.

7. *Пекарня*, служившая, вѣроятно, черною кухнею.

8. Ледникъ, съ амбаромъ надъ нимъ.

9. Домикъ, состоявшій изъ двухъ *свѣтлицъ*, изъ которыхъ въ одной устроена была и *комна́та*. Свѣтлицы были раздѣлены сѣнями. Въ этомъ домикѣ, какъ говорится въ описаніи, жила гетманша Скоропадская.

Такимъ образомъ гетманское жилище состояло изъ трехъ особыхъ строеній, изъ которыхъ каждое заключало въ себѣ двѣ большія комнаты, раздѣленныя сѣнями. По своему устройству это были тѣ же *хаты*, которыя мы и теперь встрѣчаемъ въ Малороссіи у богатыхъ селянъ: отдѣльно срубленныя двѣ избы соединяются между собою сѣнями, при чемъ въ этихъ избахъ иногда отгораживаются особыя отдѣленія, называемыя *комна́тами*. Различіе гетманскихъ *свѣтлицъ* отъ селянскихъ состояла лишь въ ихъ размѣрѣ и отдѣлкѣ.

Если мы сравнимъ жилище Скоропадскаго съ жилищемъ Апостола, то увидимъ, что послѣднее состояло изъ большаго

количества „свѣтлицъ", при чемъ тутъ же находились: *свѣтлица съ комнатою*, гдѣ помѣщалась генеральная канцелярія, *свѣтлица столовая* („стѣны обиты блакитнымъ сукномъ"), *свѣтлица крестовая* и другія *свѣтлицы*, назначенныя уже для самого жилья гетманской семьи и прислуги. Тутъ же, у Апостола, на ряду съ этими свѣтлицами, встрѣчаемъ особую комнату, сложенную изъ кирпича (*каменицу*), а подъ нею—*склепъ каменный*.

Эти, контуры гетманскихъ домовъ перв. пол. XVIII в.—указываетъ на крайнюю простоту ихъ расположеній, когда большой домъ представлялъ собою соединеніе только бо́льшаго количества тѣхъ свѣтлицъ, которыя, будучи взяты отдѣльно, составляютъ обыденныя *хаты*...

Въ маѣ 1748 г. Глуховъ выгорѣлъ настолько, что, по замѣчанію современника, обратился въ „прямую пустыню; а между тѣмъ въ Малороссіи ожидалось поставленіе новаго гетмана. Въ октябрѣ 1749 г. изданъ былъ указъ о присылкѣ въ Глуховъ гр. Гендрикова „для выбора въ Малую Россію гетмана." Въ это время, повидимому, и возникъ вопросъ о постройкѣ въ Глуховѣ новаго дома для гетмана. Въ собраніи В. В. Тарновскаго находится прилагаемый здѣсь планъ[1]), сверху котораго имѣется слѣдующая надпись: „*Выдъ какъ будутъ гетманскіе покои подъ номеромъ 1 и 2 значитъ на плане*". Внизу плана значится—„*1749 года*". Когда разрѣшено было въ 1747 г. „опредѣленіе" въ Малороссіи гетмана[2]), то было извѣстно, что въ гетманы предназначается Кириллъ Разумовскій. Послѣдній отличался отъ прежнихъ гетмановъ между прочимъ и тѣмъ, что хорошо былъ знакомъ съ удобствами не только тогдашней русской столичной жизни, но и заграничной европейской. Прежней конструкціи гетманскіе дома, если бы они остались и цѣлы, не могли уже удовлетворить *графа* Разумовскаго. Вотъ для него то и проектировался прилагаемый планъ „гетманскихъ покоевъ". Мы не знаемъ, былъ ли осуществленъ этотъ планъ, но въ 1757 г. Разумовскій

---

[1]) Планъ найденъ былъ межъ бумагами Черн. губ. правленія, составлявшими часть архива генеральной канцеляріи, при чемъ никакой объяснительной бумаги при немъ не было.

[2]) Записки Як. Марковича II, 249

писалъ къ гр. М. Воронцову слѣдующее: „гнусное мѣсто Глуховское, на которомъ я построился уже было и не мало, и при томъ по сырости, низости и болотной землѣ почти уже деревянное строеніе, *не въ пору строенное* и *скороспѣшно* худыми плотниками и изъ мелкаго лѣсу, до того меня напослѣдокъ привели, что единственно для здоровія, которое домъ мой Глуховскій весьма повреждаетъ, принужденъ нынѣшняго лѣта зачать каменный домъ зъ Батуринѣ“ [1])... Очень можетъ быть, что построенный по прилагаемому плану домъ и былъ тотъ самый, о которомъ здѣсь говорится; такъ плохо строить „гетманскіе покои“, какъ жалуется Разумовскій, могла строить Глуховская администрація только до прибытія въ Глуховъ гетмана, когда некому было за этимъ смотрѣть, а строить нужно было скоро. Поэтому и можно думать, что Разумовскій засталъ домъ въ Глуховѣ уже готовымъ и построеннымъ именно по плану 1749 года.

Какъ бы то ни было, для насъ важно, что прежнія *свѣтлицы* съ *комнатами* для Разумовскаго сразу замѣнились палацомъ итальянской архитектуры. Такъ должна была быстро измѣняться и вся внѣшняя обстановка тогдашняго малорусскаго панства, конечно, старавшагося подражать своему гетману...

А. Л.

---

[1]) Семейство Разумовскихъ, I, 213,

Документы, извѣстія и замѣтки.

Универсалъ гетмана Гаврила Крутневича, 1603 года. Гетманъ Крутневичъ уже извѣстенъ изъ письма его къ Яну Замойскому, писанному въ мартѣ 1602 г. (Listy St. Żólk., 117). На основаніи указаннаго сборника писемъ, а также Буркулабовск. лѣтописи, В. Б. Антоновичъ когда то (Кіевск. Стар. 1883, V, 140) установилъ въ такомъ видѣ рядъ козацкихъ гетмановъ нач. XVII в.

1. *Самоилъ Кошка*, 1600—1602, убитый въ этомъ году въ шведской войнѣ.

2. *Гаврило Крутневичъ*, преемникъ Кошки, 1602.

3. *Иванъ Куцковичъ*, 1602—1603, «сдавшій» въ этомъ году гетманство въ г. Могилевѣ, при возвращеніи козаковъ изъ шведской войны.

4. *Иванъ Косый*. О немъ Буркул. лѣтоп. говоритъ глухо: «потомъ, по Иване Куцку, былъ гетманомъ Иванъ Косый» и—только.

Къ свѣдѣніямъ о Крутневичѣ въ замѣткѣ В. Б. Антоновича прибавлено, что онъ въ 1600 г. былъ кошевымъ(?) въ Запорожьи; свѣдѣніе это основывается, повидимому, на подписи, найденной Максимовичемъ въ одномъ изъ евангелій Переяславскихъ церквей (Соч., I, 319), датированной 14 сентября 1600 г., гдѣ значится, что надпись сдѣлана «за гетмана на тотъ часъ будучого надъ войскомъ Запорожскимъ Гаврила Кортневича у земли мултнянской». Здѣсь Крутневичъ (называемъ его такъ, какъ онъ самъ писался) значится тѣмъ же *гетманомъ*... Можно сомнѣваться—правильно ли прочтено Максимовичемъ слово *мултнянской* и не значится ли въ надписи *инфлянтской*? Тогда, можетъ быть, 1600-й годъ написанъ ошибочно вмѣсто 1602 или

1603 г., когда Крутневичъ въ званіи *гетмана* ходилъ въ землю Инфлянтскую... Впрочемъ, это одна лишь наша догадка [1]).

Затѣмъ, настоящій универсалъ точно установляетъ время гетманства Косого, причемъ видно, что послѣдній пробылъ на гетманствѣ лишь нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ чего сталъ гетманомъ снова Крутневичъ, уже гетмановавшій за годъ передъ тѣмъ.

Печатаемый универсалъ даетъ интересныя указанія на тотъ моментъ изъ исторіи Днѣпровскаго козачества, когда оно составляло еще повидимому одну группу, не раздѣляясь на Запорожскихъ и городовыхъ. Изъ универсала видно, что гетманы Кошка, Косый, Крутневичъ даютъ оборонные универсалы поднѣпровскимъ владѣльцамъ на ихъ тамошніе «уходы», защищая послѣдніе отъ своеволій «такъ Запорожскихъ козаковъ, яко и рѣчечныхъ» [2]). Отсюда можно заключить, что козаки эти составляли въ это время одно *войско*, имѣвшее свои особые отъ мѣстнаго населенія интересы... Во всякомъ случаѣ универсалъ Крутневича даетъ матеріалъ для новыхъ догадокъ въ уясненіи темныхъ сторонъ исторіи Днѣпровскаго козачества. Печатаемъ самый универсалъ съ буквальною точностью подлинника.

Гаврило Крутневичъ, гетманъ и все рицерство его кр. млти войска Запорозкого.

Ознаймуемо тымъ нашимъ войсковым листомъ теперъ и напотом будучим товаришомъ нашимъ, кому бы того ведат потреба належало, иж кгды есмо с послуги его кр. м. з Ыфлянт до Киева прибыли, били нам войску всему чоломъ в Бозе велебный его млсть отец Игнатей, игуменъ зо всею еже о Христе братею своею манастира светого Николы Пустынского Киевского о томъ, иж продокъ нашъ небожчикъ Самоел Кошка, гетманъ войска Запорозского, з нами всими товарышми своими, за дозволенемъ и радою нашею, далъ имъ лист под печатю войсковою и с подписомъ руки писарское, капитуле

[1]) Крутневичъ жилъ еще и въ 1610 г.,—См. „Кіевск. Стар.“, 1882 г., № 5, стр. 202) гдѣ Крутневичъ упоминается какъ „мешкаючій въ Каневѣ козакъ Запорозкій“, собственникъ социніанскаго евангелія.

[2]) Какъ извѣстно, объ этихъ *рѣчныхъ* козакахъ упоминаетъ уже и Папроцкій, разсказывая авантюру Заборовскаго („obrócił do drugiej rżeki Samary; tam znałazł 200 kozaków *rzecznych*, którzy tylko zwierza, ryby łowią drugim na żywność...“ „*Herby*“, изд. Туровск., 157). См. также Żródła Dziejowe, t. XX, стр. 154, 1581 года „Regestr kozaków nizowych Zaporoskich i *rzececznych*, który chodzili na służbę króla jmci do Moskwy“.

манастыра Николского, который лист перед нами тепер поклади, в которомъ пишет до всихъ товаришов нашихъ, такъ Запорозких козаков, яко и рѣчечныхъ, абы кривды на входахъ ихъ, меновите пон(и)же Черкасъ, Бѣлоберезких и Пивскихъ, также из езовъ их на Днепре, кривды и шкоды не чинили, але еще указуючи прихилност и ласку нашу (вой)сковую ку церкви божой и къ тым богомолцомъ нашимъ монастыра светого Николы, што одно приходит на войско Запорозкое от ухо...ковъ (уходниковъ?) на Днепре нижей Черкасъ и вышей Черкасъ, ведлугъ звычаю, б(оро)шна, для которого высылаемъ посланцовъ нашихъ для... (отби?)раня з них Николских уходов жадное речы, тоест Бѣлоберезских и Пивскихъ, еды, нитей, човна и никоторого борошна, а ни подводъ не брати и ни в чомъ имъ кривды не чинити, вечными часы, войско все в коле одностайне згодне даровали манастыръ Николский, о чомъ теперъ мы, будучы свѣдоми того листу так Кошчиного, яко и теперешнего часу пана Ивана Косого, имъ, капитуле, за гетманства его даного, на тые ж входы менованые, также за ведомостю и росказанемъ, призволенемъ всего войска, мы и овшемъ стверждаемъ и водлуг тых листов, яко се поменило, вже вѣчными часы есмо даровали и теперъ даруемъ имъ и всим товарышомъ нашимъ войска Запорозского козакомъ, яко и рѣчечнымъ, ознаймуемъ и росказуемъ, абы водлугъ тыхъ листовъ справовали, ни в чомъ кривды и шкоды церкви божой не чинили под ласкою и срокгостю войсковою, не важечи собе тых листов, от всего войска капитуле Николской даного легце, кгды жъ великие кривды и шкоды относят от жолнинцовъ и чигиринцовъ; еще есмо повинни ихъ, яко богомолцовъ нашихъ, от кривдъ боронити и не братъ, але еще надават, на што есмо его милости отцу игумену и всей еже о Христе брати монастыра светого Николы Пустынского Киевского дали сесь нашъ листъ, под печатю войсковою и с подписомъ руки моее власное. Писан в Киеве, року тысяча шест сот третего, мца мая двадцат второго дня.

М. П.

Грицко Сеневич, писар войска Запорозкого.

Универсалъ написанъ на листѣ сѣрой бумаги, при чемъ изъ второго полулиста вырѣзана полоса для закрытія краснаго воскового кружка, на которомъ оттиснута печать. Послѣдняя величиною въ серебр. полтинникъ, съ изображеніемъ козака и круговою надписью: *печать войска Запорозкого*.

---

1) Т. е. жителей Жовнина и Чигриндубровы.

Подлинникъ универсала находится въ собраніи В. В. Тарновскаго, которымъ пріобрѣтенъ отъ одного кіевскаго старьевщика вмѣстѣ съ нѣсколькими другими документами, исходящими изъ того же Пустынно-Никольскаго монастыря и того же содержанія,—о монастырскихъ имѣніяхъ. Слѣдуетъ думать, что документы эти взяты уже изъ Кіевской казенной палаты, куда они должны были быть переданы при секуляризаціи монастырскихъ имѣній.

А. Л.

Пререканія вѣдомствъ по поводу Запорожья въ 1751 г.

Какъ извѣстно, указомъ 19 октября 1750 г. Запорожское войско съ атаманомъ и кошемъ, «такожде съ ихъ принадлежностями» передано въ вѣдомство малороссійскаго гетмана графа К. Г. Разумовскаго. А. Скальковскій (Ист. Нов. Сѣчи, ч. II, изд. 3, Одесса, 1885, стр. 143) замѣчаетъ по этому поводу, что титулъ гетмана войскъ Запорожскихъ «въ отношеніи къ Низовому войску все еще былъ только титуломъ» и что войско это «въ границахъ своего коша и края не слушало никого, кромѣ царя и своей собственной старшины».

Послѣднее заявленіе маститаго историка кажется мнѣ слишкомъ рѣшительнымъ. Судя по архивнымъ даннымъ, приходится думать, что войско это стояло въ реальной и очень сильной зависимости отъ кіевскаго генералъ-губернатора Леонтьева, что подтверждается частью и «Матеріалами», изданными въ 1886 г. А. Андріевскимъ (Одесса, Изд. Имп. Одес. общ. ист. и др.).

Не лишенъ въ этомъ отношеніи интереса инцидентъ, возникшій немедленно вслѣдъ за указомъ 19 октября 1750 г., который былъ отправленъ изъ малорос. войсковой генеральной канцеляріи въ Сѣчь чрезъ особаго нарочнаго въ ноябрѣ того же года. Уже 19 апрѣля 1751 г. названная канцелярія послала кошевому атаману, войсковой старшинѣ, куриннымъ атаманамъ и всему войску строгій «репримандъ»: до свѣдѣнія генеральной канцеляріи дошло, что атаманъ съ товариществомъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ «писали въ кіевскую генералъ-губернаторскую канцелярію, требуя резолюцій и отъ той канцеляріи получаете ордери и туда на оніе репортуете. И хотя таковъ неприличной поступокъ, требованіемъ мимо своей настоящей команды по дѣламъ резолюцій отъ оной Кіево-губернской канцеляріи, можетъ быть послѣдовалъ по недосмотренію писаря войскового, управляющого войсковою вашею канцеляріею, но дабы то впредь исправлено

быть могло и о всѣхъ войсковыхъ дѣлахъ и нуждахъ представлено было къ главному своему комендиру, его ясневелможности господину гетману и кавалеру прямо или, до прибытія его, въ войсковую генеральную канцелярію, того рады по указу ея имп. вел. въ генеральной войсковой канцеляріи присутствующіе по повелѣнію ясневелможного господина господина гетмана и разнихъ ординовъ кавалера генералная старшина опредѣлили о семъ вамъ въ предостереженіе написать; ибо ежели сіе дойдетъ къ знанію его ясневельможности, можетъ то принято быть з неудоволствіемъ, и вамъ войска низового Запорожского господину атаману кошевому, старшинѣ тамошней войсковой и курѣннимъ атаманамъ и всему войску о томъ ведать и учинить по сему ея имп. вел. указу» (подписали: Михайло Скоропадскій, Петръ Валкевичъ, старшій войсковій канцеляристъ Василь Туманскый, войсковій канцеляристъ Мартинъ Руновскій).

Кошевой атаманъ Якимъ Игнатовичъ съ товариствомъ 13 мая 1751 г. написалъ объ этомъ указѣ «з доволнимъ репримандомъ» генералъ-губернатору М. И. Леонтьеву, такъ какъ, получивъ указъ канцеляріи, онъ съ товариствомъ «сумнителенъ» находится: «ибо в. выс—ству за доволность уже извѣстно, что чрезъ все бытіе войска Запорожского низового в командѣ в. выс—ства даже и до сего дны нѣкогда нѣ въ чемъ въ кіевскую генералъ-губернаторскую канцелярію отъ бывшихъ кошевихъ и отъ мене не репортовано, но точію прямо къ в. выс—ству доносимо о всемъ и получаемо резолюціею было. И затѣмъ по оному ея имп. вел. малороссійской войсковой канцеляріи указу впредь я зъ товариствомъ не толко по войсковимъ, но и по касаючимся пограничнимъ дѣламъ уже и къ в. выс—ству репортовать по предложенію ея имп. вел. генералной войсковой канцеляріи указа опасенъ... Того рады и в. выс—ству чрезъ сіе донося, прошу, дабы за неданіе отъ мене в. выс—ству о пограничнихъ дѣлахъ, какіе здесь будутъ провѣданны какъ отъ Порты Оттоманской и отъ полской стороны извѣстія, впредь на мнѣ зъ старшиною чего не взискалося, куда надлежитъ представить» (помѣчено: «Кошъ»).

Леонтьевъ 28 мая того же года далъ знать кошевому, что о происходящихъ въ войскѣ Запорожскомъ всякихъ дѣлахъ онъ долженъ доносить гетману или, въ его отсутствіе, генеральной войсковой канцеляріи; но о дѣлахъ экстраважныхъ и секретныхъ и объ опасныхъ болѣзняхъ непремѣнно и впредь репортовать ему, Леонтьеву, ибо такое репортованіе «касается ко осторожности высочайшихъ ея имп. вел. интересовъ и государственной цѣлости».

Въ іюлѣ того же года Леонтьевъ репортовалъ объ этомъ недоразумѣніи въ госуд. коллегію иностр. дѣлъ, чтобы снять съ себя возможную отвѣтственность.

Въ результатѣ этой переписки состоялся указъ имп. Елисаветы Петровны гетману Разумовскому отъ 24 іюля 1751 г., сообщенный въ копіи ген-губ. Леонтьеву, а отъ послѣдняго посланный «войска Запорожскаго низового почтенному господину кошевому атаману съ старшиною».

«Съ немалымъ удивленіемъ—говорится между прочимъ въ указѣ или «грамотѣ»—мы освѣдомились, коимъ образомъ еще до прибытія вашего въ Украину тамошняя генеральная войсковая канцелярія въ 19 апрѣля сего году отправя указъ... съ репримандомъ... И понеже такое отъ упомянутой генер. войск. канц. безъ вашего вѣдома запрещеніе съ репримандомъ не токмо излишно, но и весма продерзостно, потому что оной на такое опредѣленіе и посылку указа собою поступать не надлежало, а сверхъ того по произшедшимъ дѣламъ уже видно было, что запорожцы и безъ такого поводу, чтобъ они въ Кіевъ не репортовали, во многихъ нужныхъ требованіяхъ и по ордерамъ генерала-губернатора къ дѣйствительному исполненію крайне медлительны и ослушны были, а симъ запрещеніемъ они толь наипаче къ тому поощрены будутъ, еже весма непристойно, ибо вамъ доволно извѣстно есть, что о запорожцахъ не одни внутреннія, но многія и внѣшнея дѣла имѣются, и къ нашему кіевскому ген. губернатору какъ отъ хана крымского, такъ и отъ Полши всегда по онымъ отзывы и прочія важныя пограничныя произшествія бываютъ, онъ же, яко учрежденной пограничной командиръ, въ должности находится сего того наблюдать, еже всевысочайшій нашъ интересъ требуетъ; слѣдователно, хотя запорозцы и въ главной вашей командѣ состоятъ, однакожъ для показанныхъ обстоятельствъ ему, генералу, никоимъ образомъ обойтиться неможно съ кошевымъ атаманомъ... надлежащую переписку имѣть и имъ въ нужныхъ случаяхъ безъ потерянія времени отъ себя наставленія подавать, а чтобъ ему, генералу, по всѣмъ такимъ нужнымъ и времяни нетерпящимъ дѣламъ напередъ къ вамъ или въ войсковую канцелярію отписываться и чтобъ запорожской атаманъ съ товарыщи обо всемъ же мимо его, генерала, и вамъ писали, а отъ васъ бы или отъ войсковой канцеляріи уже потомъ къ нему, генералу, сообщаемо было, то вы сами понять можете, какое напрасное чрезъ то продолженіе времяни, а въ нужномъ дѣлѣ упущеніе учинится; того ради надлежитъ вамъ такіе могущіе быть

затрудненія нынѣ же отвратить и вышеозначенное отъ войсковой канцеляріи учиненное безъ васъ опредѣленіе и посланной къ кошевому атаману * указъ немедленно уничтожить и ему кошевому атаману съ старшиною накрѣпко приказать, чтобъ онъ обо всемъ потребномъ и что у нихъ происходить будетъ часто упомянутого генерала Леонтьева по прежнему репортовалъ и по его ордерамъ надлежащее исполненіе неотложно чинилъ, а обо всемъ бы въ тѣ жъ времена и къ вамъ, яко главному командиру, доносилъ, и въ прочемъ бы запорожцовъ въ добромъ смотрѣніи содержалъ, чтобъ оные отъ своевольства весма отвращены и частыя къ вамъ на нихъ отъ сосѣднихъ народовъ жалобы конечно пресѣчены были; о семъ послѣднемъ вы отъ себя и впредь неотлагаемое попеченіе возъимѣетэ»...

Коллегія иностр. дѣлъ съ своей стороны внушила Леонтьеву принимать наирачительнѣйшія мѣры для понужденія кошевого и испрашивать въ случаѣ нужды ордеровъ къ кошевому отъ гетмана, обо всемъ же въ коллегію доносить безъ замедленія.

(Дѣло ген.-губ. канцеляріи 1750 г. № 136). Сообщ. Н. М.

Письмо Ивана Вагилевича къ сенатору А. Я. Стороженку.

Личность галицко-русскаго ученаго и литератора Ивана Вагилевича, теперь почти позабытая, представляетъ однако не малый интересъ по отношенію къ той части нашей общей родины, которая съ 30-хъ годовъ текущаго столѣтія пребываетъ почти въ несмѣняемой борьбѣ *русскихъ* партій изъ-за вопросовъ національныхъ,—мы разумѣемъ Галичину. Въ этой-то борьбѣ интересную роль сыгралъ въ свое время И. Вагилевичъ, въ 1837 году принявшій дѣятельное участіе въ изданіи «Днѣстровой Русалки», первомъ серьезномъ проблескѣ національнаго движенія въ Галиціи, за что и былъ въ подозрѣніи у львовской полиціи, затѣмъ перешедшій въ польскій лагерь, что въ свое время дало ему титулъ *совсѣмъ зляшившагося,* и наконецъ въ началѣ 40-хъ годовъ, убѣдившись въ обманѣ своихъ мнимыхъ друзей, опять сдѣлавшійся *упрямымъ русиномъ.* Хотя въ 1846 году онъ и былъ рукоположенъ въ санъ священника, но положеніе его, какъ матеріальное, такъ и нравственное, было не изъ удовлетворительныхъ, вслѣдствіе чего онъ попробовалъ въ 1847 году попытать счастья устроиться въ Россіи, гдѣ впослѣдствіи многіе изъ галичанъ обрѣли себѣ уютные уголки. Мечтанія Вагилевича, какъ видно, были не изъ скромныхъ, т. к. ему грезилась каѳедра славянскихъ языковъ въ университетѣ. По поводу этихъ-то своихъ плановъ онъ и обратился съ прилагае-

мымъ письмомъ къ *Стороженку, сенатору, директору внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго и разныхъ орденовъ кавалеру*, какъ значится на адресѣ [1]). Затѣя эта не осуществилась для Вагилевича, такъ что онъ принужденъ былъ остаться въ Галиціи и заниматься научными и литературными трудами, то покидая духовное званіе, то опять возвращаясь къ нему, и кончивши переходомъ въ евангелическое исповѣданіе. Умеръ онъ въ крайней бѣдности въ 1866 году, оставивъ семью безъ всякихъ средствъ. Желающимъ подробнѣе вспомнить объ этой интересной личности укажемъ статью *Я. Г. «Судьба одного галицко-русскаго ученаго»* («Кіев. Стар. 1883 г., № 7).

Ваше Высокопревосходительство

Милостивый Господинъ!

Извините, Ваше В—ство Милостивый Господинъ, что я осмѣляюсь къ Вамъ относиться съ просьбой. Г. Мацеёвскій, съ которымъ отъ 1837 г. имѣю честь быть знакомымъ, писалъ ко мнѣ, что Вы объявили ему, что хотите ласково пособствовать мнѣ, дабы я могъ получить званіе на каѳедру Словянскихъ языковъ въ Кіевѣ или Харьковѣ. Возможно ли что сдѣлать въ этомъ дѣлѣ, дѣлайте поскорѣе, ибо и у меня есть чуствіе за отчизною Русью, и я русскій только не гражданинъ; а лучче всего, когда бы я получилъ это званіе, дабы ваше правительство занялось моей отпуской. У насъ нѣтъ совершенно просвѣщенія, и не нужно (это есть мнѣніе нашего духовнаго начальства); вотъ даже читать русскія книги запрещено въ Семинаріумѣ, а Карамзина—и нѣмецкій переводъ. Поэтому не явно ли, что я, бывъ русскимъ славянскимъ литераторомъ, много имѣю препятствій отъ моего начальства и товарищей по сану. Но и это извѣстно мнѣ нынче, что, обытая въ деревнѣ или въ городѣ, гдѣ нѣтъ сообщенія съ образованными людьми или по крайней мѣрѣ библіотеки, очень трудно приходитъ здѣлать что хорошаго въ литературѣ.

Когда Ваше В—ство Милостивый Господинъ благосклонно изволите заняться моей судьбою, прошу мнѣ объ этомъ написать нѣсколько словъ, дабы я могъ предпринять въ этомъ отношеніи нужныя мѣры.

Имѣю честь быть Вашего В—ства, Милостивый Господинъ, съ достодолжнымъ высокопочтеніемъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Вагилевичъ.

Павловъ 1/13 іюля 1847 г. Сообщ. **В. Н.**

---

[1]) Сенаторъ А. Я. Стороженко занималъ постъ Главнаго Директора департамента внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ Царства Польскаго.

Засѣданіе Черниговской архивной коммиссіи 9 декабря 1897 г. Протоколъ этого засѣданія (черниг. губ. Вѣдом. 1897 г., № 1350) состоитъ изъ двухъ частей: списка *приношеній* и *чтеній* по предмету занятій коммиссіи. Относительно перваго можно замѣтить, что не слѣдовало бы заполнять музей вещами, повидимому, неимѣющими *никакого археологическаго значенія*, въ родѣ «шелковаго вязаннаго кошелька», присланнаго въ даръ С. Д. Носомъ; а затѣмъ, слѣдовало бы о нѣкоторыхъ приношеніяхъ сообщать болѣе обстоятельныя свѣдѣнія: тотъ же С. Д. Носъ прислалъ въ коммисію «нѣсколько листовъ изъ гербовника», но какого гербовника—объясненія нѣтъ. Если это листы новѣйшаго гербовника, то можно сомнѣваться въ ихъ интересѣ для библіотеки коммиссіи, а если это листы какого нибудь стариннаго изданія (напр. Папроцкаго), то слѣдовало бы о томъ сказать.—Страннымъ кажется указаніе въ протоколѣ на зятя графа Разумовскаго—какого то полковника Буяльскаго. Никакого такого зятя у Разумовскаго не было. Относительно *чтеній* можно выразить сожалѣніе объ умолчаніи въ протоколѣ—о какихъ глуховскихъ древностяхъ сообщалъ Н. Д. Уманецъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь говорилось и «о неудовлетворительномъ ихъ состояніи». Въ протоколѣ значится, что сообщеніе г. Уманца «принято къ свѣдѣнію», а это значитъ, что сообщеніе признано не важнымъ; любопытно было бы знать *суть* сообщенія, чтобы затѣмъ судить о томъ—какія именно свѣдѣнія коммисія признаетъ не важными. Сообщеніе Ф. М. Уманца «о небрежномъ отношеніи къ Воргольскому городищу со стороны крестьянъ сосѣднихъ селъ», вызвало со стороны коммисіи, какъ и слѣдовало ожидать, ходатайство предъ начальникомъ губерніи о сохраненіи этого городища. Но желательно было бы, чтобы коммисія вмѣстѣ съ тѣмъ позаботилась и о подробномъ описаніи теперешняго состоянія Воргольскаго городища. Вѣдь рѣчь идетъ, повидимому, о центральномъ городкѣ бывшаго Воргольскаго удѣльнаго княжества, слѣд. о памятникѣ XIII в. Будетъ или не будетъ обережено это городище въ будущемъ отъ дальнѣйшаго его уничтоженія, во всякомъ случаѣ то, что еще остается отъ него теперь, требуетъ подробнаго описанія, чтобы сохранить для науки хоть какія нибудь свѣдѣнія объ этомъ интересномъ памятникѣ [1]). Думается, что описаніемъ такихъ памятниковъ,

---

[1]) Описаніе Воргольскаго городка имѣется въ книгѣ г. Самоквасова—*Древніе города Россіи*, (Прилож. стр. 7), но сдѣлано оно *Волостнымъ правленіемъ*, какъ объ этомъ тамъ и отмѣчено.

съ рисунками и планами ихъ, коммиссія оказала бы большую помощь наукѣ, которой собственно она и призвана служить.—Объ *архивахъ* въ этомъ засѣданіи коммиссіи сдѣлалъ заявленіе только кн. Н. Д. Долгоруковъ (предсѣдательствовавшій въ засѣданіи), предложившій собрать свѣдѣнія объ архивахъ—Черниговской казенной палаты и бывшихъ мировыхъ посредниковъ. Казалось бы, что сохранившіяся еще *дѣла* послѣднихъ за 1861—63 годы *(введеніе въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ)* необходимо теперь же собрать и помѣстить въ библіотеку коммиссіи, какъ самый цѣнный матеріалъ для мѣстной исторіи отмѣны крѣпостного права. Въ заключеніе секретарь коммисіи г. Тихоновъ сдѣлалъ подробный докладъ о недавно построенной церкви въ Черниговской колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ и о мѣстномъ въ ней образѣ св. Александра Невскаго.

Сообщая эти свѣдѣнія о послѣднемъ засѣданіи Черниг. архивн. коммисіи, будемъ надѣяться, что въ протоколахъ будущихъ ея засѣданій мы найдемъ болѣе свѣдѣній объ *архивахъ*...

Заговоръ отъ лихорадки *(рукопись XVIII ст.)*. Въ одномъ изъ видѣнныхъ нами рукописныхъ сборниковъ 1780-хъ годовъ, списанномъ рукою козака Яготинской сотни Степана Усика, между пьесами самаго разнообразнаго содержанія, встрѣтился слѣдующій интересный заговоръ отъ *хрибры* (испорченное лат. febris):

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь.

Пречистая Мати, госпоже! поможи мнѣ хрибру отмовити рабу Божию N (имя больного). Святый архистратигъ Михаилъ архангелъ! поможи мнѣ хрибру отмовити рабу Божию N. Святая Пятница! поможи мнѣ рабу Божому N хрибру отмовити.

Стоить дубъ на роспутьи; пѣд тимъ дубомъ стоить архистратигъ Михаилъ архангелъ з огненимъ мечемъ. Тамъ грядеть тридевять Иродовихъ дочокъ. К нимъ рече архистратигъ Михаилъ архангелъ: «Куди, тридевять Иродови дочки, грядете?»—«Грядемо ми до раба Божого N его червонои крѣви розжигати, его костей ламати, его сердце нудити». К нимъ рече архистратигъ Михаилъ архангелъ: «Неградѣте ви, тридевять Иродови дочки, до раба Божого N его червонои крѣви розжигати, его костей ламати, его сердце нудити: есть в раба Божого N тридевять крукѣвъ желѣзних, тридевять прутѣвъ желѣзнихъ; буде васъ на тридевять крукѣвъ желѣзнихъ кидати, буде на васъ триде-

вятъ прутѣвъ желѣзнихъ збивати. Пѣдѣть собѣ на сухіи лѣса, на пустіи поля, где люди не заходять, где и людскій гласъ не заходить. Аминь, аминь, аминь».

Сколько помню, заговоръ подобнаго содержанія не встрѣчался въ этнографическихъ сборникахъ, но что-то похожее мнѣ приходилось слышать въ дѣтствѣ изъ устъ «бабы-шептухи», лѣчившей меня отъ лихорадки. Во всякомъ случаѣ настоящій текстъ интересенъ уже тѣмъ, что записанъ болѣе ста лѣтъ назадъ.

Сообщ. **О. Л.**

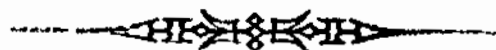
Кіевская почта въ 1731 г. Согласно послѣдовавшему въ 1725 г. апрѣля 25 изъ Кіев. Губ. Канц. указу объ устроеніи почтоваго двора, кіевскій магистратъ ежегодно избиралъ особаго почтмейстера изъ грамотныхъ мѣщанъ, который обязанъ былъ каждый мѣсяцъ представлять въ магистратъ особый реестръ, сколько было отпущено и по какимъ подорожнымъ подводъ въ теченіе мѣсяца. Реестръ этотъ затѣмъ при особомъ доношеніи магистрата представлялся въ Губ. Канц. Одно изъ такихъ доношеній съ реестромъ за ноябрь мѣсяцъ 1731 г. мнѣ и попалось въ дѣлахъ прошлаго вѣка. Изъ реестра этого, поданнаго тогдашнимъ почтмейстеромъ «присяглымъ урядникомъ» Семеномъ Марковичемъ, видно, что подводы давались отъ Кіева до Броваровъ (въ теченіе ноября мѣсяца 14 разъ) и до Боришполя (7 р.). Всѣхъ подводъ въ теченіе мѣсяца отпущено было съ почтоваго двора 30, въ томъ числѣ безъ прогоновъ 22, а за прогоны 8, при чемъ, за недостаткомъ почтовыхъ лошадей, 2 подводы были наняты у обывателей и за нихъ уплочено изъ ратуши 90 коп., а прогоновъ по нимъ получено почтою 72 к.

Актъ объ избраніи сельскаго священника, 1713 г. Року божого 1713, мѣсяця іюня 21 дня. Передо мною Ѳеодоромъ Семио违новичомъ, протопопою Роменскимъ, зехавши въ село Пустовойтовку по змершому небожчику отцу Самуилу, ставши всѣ едностайне и вся громада упрошаютъ по змершому небожчику попадѣ, иже всѣ мовлятъ: ежели пріймешъ сего дяка на имя Василя, котрий у насъ третий рокъ на дяковствѣ зостаетъ, бо онъ покорний и способний въ отправѣ церковной, дочеръ еи взяти, и ми на то всѣ по

жеби мѣли себѣ за учителя и пастира душъ людскихъ, жеби церковъ божественная не била на долгий часъ во отправѣ замедлѣнна.

Притомъ было людей зацнихъ и вѣри годнихъ, напродъ: при Стефану, старостѣ Оксютинскому и Пустовойтовскому, Ивану, атаману, Заворотку и Микитѣ, войту, рибалцѣ Ивану, ктитору Чорному и Мартину Иваненку, и Степану Тимошенку, и Ничипору Черевку, и Ѳедору Бабѣю, и иного на той часъ било не мало.

Стефанъ, староста, зо всею громадою низко кланяюсь [1]).

[1]) Изъ архива генер. канцеляріи, по Черниговск. описи, № 262.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ по исторіи Кубанскаго козачьяго войска. 3 тома. Собраны и изданы И. И. Дмитренко. *Спб. 1896. 8 д. л. Томъ I. 1. Кубанскій Край. 2. Кавказская Линія. 3. Черноморское войско козачье. 4. Хоперскіе козаки. 1737—1801 г.г. XVI+897 стр. Томъ II. Бумаги императрицы Екатерины II, Потемкина-Таврическаго, Суворова-Рымникскаго и друг. 1787—1795 г.г. XXVII+475 стр. Томъ III. Войско вѣрныхъ Черноморскихъ козаковъ. 1787—1795 г.г. XL+799 стр.*

Осенью 1896 г. Кубанское козачье войско праздновало свой двухсотлѣтній юбилей. Въ составъ Кубанскаго войска вошло съ 1861 г. и Черноморское войско, возникшее изъ переселившихся въ к. XVIII в. на берега Кубани бывшихъ запорожцевъ. Кубанскій юбилей подалъ поводъ къ нѣсколькимъ изданіямъ *матеріаловъ* для исторіи Кубанскаго козачьяго войска вообще и для исторіи «войска вѣрныхъ Черноморскихъ козаковъ» въ частности [1]). Къ числу этихъ изданій принадлежатъ и настоящіе три тома «матеріаловъ», изданныхъ И. И. Дмитренкомъ. Въ предисловіи къ этому изданію читаемъ: «Занятія по исторіи бывшаго Черноморскаго козачьяго войска, прямого и непосредственнаго наслѣдника столь славнаго и знаменитаго Запорожскаго войска, дали мнѣ возможность собрать въ архивахъ Петербурга Москвы и Екатеринодара довольно большое количество интересныхъ документовъ. Примѣръ изданія военно-ученымъ комитетомъ сборниковъ однихъ лишь военно-историческихъ документовъ... побудило и меня къ изданію возможно большаго числа собранныхъ мною документовъ, какъ пособія вообще къ исторіи козачества, такъ и въ част-

[1]) См. „Кіевск. Стар. 1897 г., № 7—8, II, 42.

ности къ исторіи Кубанскаго козачьяго войска. Осуществить это мнѣ представилось возможнымъ лишь благодаря просвѣщенному содѣйствію наказнаго атамана Кубанскаго козачьяго войска Як. Дм. Маламы съ матеріальною помощью большого любителя и глубокаго знатока козачьей старины П. П. Бурсака». Далѣе г. Дмитренко говоритъ, что, «не останавливаясь на издаваемыхъ теперь трехъ томахъ, въ недалекомъ будущемъ, имѣя уже готовый въ рукахъ матеріалъ, онъ приступитъ къ изданію послѣдующихъ томовъ, захватывая въ каждый томъ или выпускъ періодъ времени отъ 5 до 10 лѣтъ жизни Кубанскаго козачьяго войска, чередуя отдѣльно выпускъ документовъ по исторіи Черноморскаго и Линейнаго войскъ».

Матеріалы для исторіи Черноморцевъ помѣщены почти исключительно въ послѣднихъ двухъ томахъ.

Послѣ разоренія въ 1775 г. Сѣчи, запорожцы разбрелись по южнорусскимъ степямъ и «блукали» тамъ, пока Потемкинъ не организовалъ изъ нихъ въ 1787 г. «войска вѣрныхъ козаковъ», подъ командою «войсковаго атамана и подполковника» Сидора Бѣлаго. Въ январѣ 1788 г. Потемкинъ извѣстилъ «войско», что императрица «изволила снизойти на пожалованіе войску земли для поселенія въ *Керченскомъ кутѣ* или на Таманѣ. Съ этого времени бывшіе запорожцы получаютъ названіе *Черноморскихъ* козаковъ. Заботясь о дальнѣйшемъ устройствѣ послѣднихъ, Потемкинъ въ августѣ 1788 г. «утвердилъ премьеръ-майора Антона Головатаго полковникомъ при войскѣ вѣрныхъ козаковъ, имѣющихъ кошъ свой на Збуреевской сторонѣ, подъ командою войск. атамана Сидора Бѣлаго», причемъ «велѣно ему принимая въ селеніяхъ бывшихъ козаковъ Запорожскихъ всѣхъ таковыхъ, прежде въ кошѣ служившихъ козаковъ, записывать въ число помянутыхъ вѣрныхъ»... (II, 10). Затѣмъ, въ январѣ 1789 г. «войско вѣрныхъ козаковъ Черноморскихъ» получаетъ прежнюю организацію запорожцевъ: Чепѣга получаетъ званіе *кошеваго* атамана, Ант. Головатый—войсковаго судьи и т. д. Вслѣдъ затѣмъ Потемкинъ точнѣе указалъ Черноморскому войску и тѣ земли, на которыхъ оно получило право разселяться: «на Кинбургской сторонѣ земли, непринадлежащія помѣщикамъ, а отъ Буга по морю до Днѣстра... присовокупляется къ тому жъ округъ Еникольскій съ Таманомъ, на которомъ отданныя мнѣ мѣста съ рыбными ловлями самыми изобильными, *любя войско, навсегда оному дарую*». (I, 45). Съ этого времени Черноморское войско служило военную службу въ составѣ русской арміи до лѣта 1792 г., когда ему было пожаловано «въ вѣчное владѣніе

состоящій въ области Таврической островъ Фанагорія со всею землею, лежащею на правой сторонѣ рѣки Кубани отъ устья ея до Устъ-Лабинскаго редута»... (П. 2).

Вмѣстѣ съ тѣмъ на эти пожалованныя земли козаки должны были и переселиться. Напечатанные г. Дмитренкомъ «матеріалы» для исторіи Черноморскихъ козаковъ дѣлятся на двѣ части: одна, обнимающая собою службу козаковъ до переселенія на Кубань, а другая — относящаяся уже къ жизни козаковъ на Кубани. Первая часть заключаетъ въ себѣ акты 1787—1791 г.г., а вторая 1792—1795 г.г. Всѣ эти «матеріалы» взяты, какъ сказано на заголовкѣ, изъ «Кубанскаго войскового архива». Въ архивѣ этомъ занимался уже г. Короленко, авторъ обстоятельной монографіи, изданной подъ заглавіемъ «Черноморцы»[1]), состоящей тоже изъ двухъ частей: 1) «Черноморцы за Бугомъ» и 2) «Черноморцы на Кубани». Въ книгѣ г. Короленка напечатано значительное количество и сырого матеріала («Приложенія», 76 стр.), извлеченнаго изъ того же кубанскаго войск. архива. Теперь изданные г. Дмитренкомъ *матеріалы* представляютъ собою новыя подробности для исторіи Черноморскихъ козаковъ, дающихъ возможность будущему изслѣдователю пополнить и значительно распространить монографію г. Короленка[2]). Несомнѣнно, что трудъ г. Дмитренка по собранію и изданію столь значительнаго по количеству историческаго матеріала для «Черноморіи» заслуживаетъ большой благодарности всѣхъ интересующихся судьбами Днѣпровскаго козачества. При этомъ, однако жъ, нельзя не замѣтить, что планъ размѣщенія документовъ въ «Сборникѣ» г. Дмитренка имѣетъ нѣкоторые недостатки. Прежде всего, редакторъ расположилъ документы, помѣщенные во второмъ томѣ, не въ хронологическомъ порядкѣ, а по группамъ лицъ, отъ которыхъ исходили тѣ или другія оффиціальныя бумаги; такимъ образомъ мы видимъ здѣсь такіе отдѣлы: «бумаги императрицы Екатерины II», «бумаги кн. Потемкина-Таврическаго»,

---

[1]) Черноморцы. Соч. Короленко. Спб. 1874. 8 д. л. 212+76 стр. Послѣ изданія этой книги явился еще, въ 1880 г., очеркъ Бентковскаго—*Заселеніе Черноморіи съ 1792 по 1825 годъ.* (Памятн. книжка Кубанск. области 1881 г.) 125 стр. Разсказъ Бентковскаго о первыхъ годахъ жизни Черноморцевъ на Кубани основанъ на книгѣ г. Короленка.

[2]) Въ „матеріалахъ“ г. Дмитренка мы замѣтили повтореніе лишь одного документа, уже напечатаннаго г. Короленкомъ; это—церемоніалъ встрѣчи Головатаго послѣ его возвращенія изъ Петербурга, въ августѣ 1792 г., напечатанный у г. Короленка на стр. 29—31, а у г. Дмитренка—III, 499—501.

«бумаги Голенищева-Кутузова, «бумаги Нассау Зигенъ» и т. д. При такомъ планѣ свѣдѣніе о томъ или другомъ фактѣ, случившемся въ опредѣленное время, можетъ находится въ разныхъ мѣстахъ книги, смотря потому, въ бумагѣ какого *начальника* оно изложено. Затѣмъ, документы, напечатанные въ третьемъ томѣ и составляющіе матеріалъ во всемъ однородный съ тѣмъ, который помѣщенъ во второмъ томѣ, расположены однако жъ уже хронологически, потому что здѣсь оффиціальныя бумаги исходятъ отъ весьма значительнаго количества лицъ и притомъ ранговъ не важныхъ... Но въ третьемъ томѣ замѣчается существенный недостатокъ въ томъ, что редакторъ почему то нашелъ нужнымъ опустить не только *надписи и подписи* въ бумагахъ, но и обозначеніе мѣстъ, откуда бумаги писались. При этомъ заголовки бумагъ, сдѣланныя редакторомъ черезчуръ кратки и неопредѣленны. Напр. «Ордеръ Головатого полковнику Курлянскому, 28 ноября 1789 г.» (№ 224). Кто такой былъ этотъ полковникъ Курлянскій и откуда писанъ ордеръ—остается неизвѣстнымъ; «ордеръ Головатого Лубяному», (№ 227); ни званія Лубяного, ни мѣста написанія ордера—нѣтъ; «письмо Іосифа Трубникова Головатому», (№ 232);—кто такой Трубниковъ и откуда писано письмо—свѣдѣній нѣтъ». «Секретный ордеръ войск. есаула Зах. Сутыки» (№ 245);—кому писанъ ордеръ и откуда—не видно. «Прошеніе куреней Тимошевскаго и Деличковскаго судьѣ Головатому» (№ 312), кѣмъ подписано прошеніе и откуда—неизвѣстно; «приказъ коша старшинѣ Каракаю» (№ 368),—кѣмъ подписанъ «приказъ» и откуда—не видно; «сообщеніе турецкихъ запорожцевъ старшинамъ» (№ 565),—какимъ старшинамъ писано «сообщеніе», кѣмъ и откуда—не указывается. «Регистръ, сколько забрано вещей въ землянкѣ судьи Головатого» (№ 617),—въ какой землянкѣ забирались вещи, по какому случаю и кѣмъ—не видно. «Письмо судьи Головатого Павлу Фроловичу, 21 апрѣля 1792 г. устье Березани» (№ 657);—кто такой Павелъ Фроловичъ—не видно, а письмо хотя и надписано—«устье Березани», но писано оно изъ Петербурга (стр. 456), потому что тамъ находился въ этотъ моментъ Головатый (стр. 455—457); а что собственно обозначаетъ указаніе на «устье Березани»—понять нельзя. «Письмо Скаржинскаго кошовому Чепѣгѣ», 20 мая 1793 г. Астрахань (№ 861);—кто такой Скаржинскій—не видно, при чемъ это свѣдѣніе можетъ быть объяснилось бы изъ подписи Скаржинскаго, въ печати опущенной. «Письмо Федора Квитки Ант. Андр. Головатому» (№ 982),—кто такой Ф. Квитка и откуда письмо писано—не указывается. И. т. д., и т. д.

Указанные редакторскіе дефекты тѣмъ большее возбуждаютъ сожалѣніе, что собранные г. Дмитренкомъ матеріалы по содержанію своему, за рѣдкими исключеніями, очень интересны, значительно дополняя и поясняя наши свѣдѣнія о перерожденіи Запорожья въ «Черноморію».

По малоизвѣстности книги г. Дмитренка [1]), приводимъ изъ нея нѣсколько документовъ для лучшаго ознакомленія съ этимъ изданіемъ.

а. «Письмо Антона Головатою Павлу Фроловичу, 21 апр. 1792 г. Вамъ не безызвѣстно о турецкой войнѣ, какая уже окончилась, и мы, изъ бывшихъ запорожцевъ, по повелѣнію покойнаго свѣтлѣйшаго князя и великаго гетмана и монаршаго благоволенія, собравшись до двѣнадцати тысячъ, служили во оной: на водѣ—лодками, сухомъ пути—пѣшо и конно, и названы вѣрными Черноморскими козаками; а за службу теперь назначиваютъ къ поселенію землю на Кубани и Тамани, для полученія которой пріѣхалъ я съ старшинами въ Петербургъ и обнадеживае(ю)тъ отсель скорою отправкою. Въ войскѣ нашелъ больше женатыхъ, нежели холостыхъ. Знакомыхъ вашихъ изъ Шкуринскихъ (изъ Шкуринскаго куреня?) стариковъ на службѣ есть: Василь Иваша и Есько, что въ байракахъ жилъ, Лукьянъ Невдига и Остапъ Спичакъ. Полковникъ Колпчикъ померъ. Кошовымъ прежде былъ Сидоръ Бѣлый, коего подъ Очаковомъ, въ сраженіи, на судахъ убили, а нынѣ Захарій Чепѣга Кисляковскій (Кисляковскаго куреня?), судьею я, писаремъ Леушковскій (кур.) Котляревскій, есауломъ Крилевскій (кур.) Сутыка. Когда Петръ Ивановичъ и Иванъ Яковлевичъ въ живыхъ, то свидѣтелствуйте отъ меня нижайшій имъ уклонъ, а притомъ покорно прошу, батьку, не оставляйте, ежели случай позволитъ, о тамошнемъ поведеніи своей жизни, и кто изъ нашихъ запорожцевъ живъ, письменными увѣдомленіями».

Павелъ Фроловичъ, къ которому написано письмо, это несомнѣнно бывшій запорожскій войск. судья Головатый, арестованный при уничтоженіи Сѣчи, въ 1775 г., вмѣстѣ съ кошевымъ атаманомъ Калнишевскимъ (Петромъ Ивановичемъ) и войск. писаремъ Глобою (Иваномъ Яковлевичемъ). Объ этихъ двухъ лицахъ Антонъ Головатый и спрашиваетъ Петра Головатаго (м. б. своего родственника) и кланяется имъ. Но куда же это письмо писано?—Извѣстно, что глав-

[1]) Книга эта, повидимому, на рынкѣ не появлялась, такъ какъ въ объявленіяхъ не называлась. Узнать о ней намъ пришлось случайно и получили мы книгу непосредственно изъ Екатеринодара, благодаря любезности И. И. Дмитренка.

ные представители уничтоженной Сѣчи были сосланы, въ 1776 г., въ разныя отдаленныя окраины: Калнишевскій—въ Соловецкій монастырь, Петръ Головатый—въ Тобольскъ и Глоба—въ Кондинскій монастырь (850 верстъ къ сѣв. отъ Тобольска) [1]). Петръ Головатый въ Тобольскѣ и умеръ; слѣд. Антонъ Головатый писалъ свое письмо еще туда же, въ Тобольскъ, но было ли оно отправлено по адрессу—знать того нельзя, такъ какъ въ книгѣ г. Дмитренка не значится, откуда взято имъ это письмо; едва ли можно полагать, чтобы и оно взято было изъ Кубанск. войск. архива. Въ приведенномъ письмѣ Ант. Головатаго особенно интересенъ тотъ фактъ, что и чрезъ 16-ть лѣтъ послѣ ссылки Калнишевскаго, еще не зналъ о мѣстѣ этой ссылки даже и такой свѣдущій въ запорожскихъ дѣлахъ человѣкъ, какимъ былъ Ант. Головатый.

б. «Довѣренность Ант. Головатого поручику Лать на продажу его имѣнія, 10 окт., 1792 г. Состоящую Екатеринославскаго намѣстничества, въ Новомосковскомъ уѣздѣ, при рѣчкѣ Кильчакѣ, собственную мою дачу о 3500 дес. удобной, а неудобной 450 дес. земли, со всѣми находящимися на ней господскимъ и подданническимъ строеніемъ, хлѣбомъ, пчелами и другими домовыми вещами (кромѣ воды (?)) равно въ мѣстечкѣ Новоселицахъ жилой домъ, ежели кто пожелаетъ купить, прошу васъ за объявленныя отъ меня цѣны продать, гдѣ надлежитъ въ судебномъ мѣстѣ законнымъ порядкомъ крѣпость совершить, и покупщику на оную дачу планъ и книгу межевые, при семъ прилагаемые, поручите»...

Приведенный документъ показываетъ, какъ устраивалась запорожская старшина послѣ разоренія Сѣчи.

в. «Письмо Скаржинскаго кошовому Чепѣгѣ, 20 мая 1793 г. Астрахань.—Батьку, знаменитый атаманъ кошевый, старшій брате Захаръ Алексѣевичъ! Ей що то колись було въ Сѣчи видати, то теперъ слухомъ слыхати, атамана кошового, поря(а?)дника войскового, батька Захара Алексѣевича и судью Антона Андреевича съ старшинами и славнымъ вѣрнымъ войскомъ на здѣшнемъ берегу Черноморскомъ и по рѣкѣ Кубани, послухайте жъ чего хочется мнѣ?—Чтобъ

---

[1]) См. Русск. Стар. 1875 г., ноябрь, статья П. С. Ефименка, „Донъ“, ежемѣс. журналъ, 1887 г., ноябрь, статья Д. И. Эварницкаго и „Календарь Тобольск. губ. на 1890 г.“ (Тобольскъ), въ которомъ помѣщены свѣдѣнія о „колодникахъ“ Кондинскаго монастыря XVIII в., при чемъ въ числѣ колодниковъ называется и Глоба. Въ Кондинскомъ м—рѣ Глоба и умеръ, оставивъ послѣ себя въ г. Кондинскѣ потомство, существующее и нынѣ. Календ., стр. 268.

вамъ Богъ далъ счастливо жити, ороговъ бити, старыхъ женити, дѣтей плодити, рыбу ловити, скотъ розводити да и новую еще славу заслужите. Все сіе вамъ Богъ дастъ и буде, бо вы добрые люди. Ой! колибъ то я могъ васъ теперь видати и якъ батьковъ и братей обняти, тобъ то серцу утѣха, но коли въ томъ помѣха, то письмо пишу и васъ прошу, батьку, атамане кошовый, и ты, пане судья войсковый поклонъ отъ меня приняти, старшинамъ и войску сказати, что я всѣмъ вамъ пріятель вѣрный и доброжелатель нелицемѣрный, да що и сынъ мой вашъ козакъ куренній. Прощайте да и насъ не забувайте».

Кто такой былъ авторъ этого лирическаго посланія—не видно; даже неизвѣстно и имя этого Скаржинскаго, вѣроятно значившееся въ его подписи.—Можетъ быть это былъ сынъ лубенскаго сотника—Петръ Михайловичъ Ск—ій, который за участіе во взятіи Очакова получилъ Георгія, а въ 1793 г. былъ «кавказскимъ намѣстникомъ»[1]). Если это былъ дѣйствительно П. М. Скаржинскій, то письмо его не можетъ не указывать на сочувствіе «городовыхъ» къ судьбѣ Запорожья послѣ уничтоженія Сѣчи... Откуда взято это письмо, видимо принадлежавшее къ семейному архиву кошеваго Чепѣги,—не указано.

і. Письмо къ отцу сыновей Антона Головатаго, Александра и Афанасія, 13 февр., 1794 г. «Свидѣтельствуемъ вамъ наше всенижайшее почтеніе и увѣдомляемъ васъ, что мы еще слава Богу здоровы. При семъ просимъ васъ всепокорнѣйше не оставить насъ вашимъ родительскимъ увѣдомленіемъ о своемъ здоровьи и благополучіи.—Я[2]) же сего лѣта былъ въ морѣ и продолжали путь свою до Даніи; въ Копенгагенѣ были. Я служилъ на адмиралтейскомъ кораблѣ у Александра Ивановича фонъ-Крюза «Іоанъ Креститель» стопушечномъ. Но въ бытность мою въ морской практикѣ отъ морской погоды былъ всегда въ болѣзни. И такъ прошу вашего родительскаго позволенія чрезъ годъ выйдти изъ корпуса въ полкъ, въ какой вамъ угодно будетъ. Я съ моей стороны желалъ бы вашимъ черноморскимъ офицеромъ быть, ежели вашей родительской милости разсудится, по окончаніи геометріи, фортификаціи и артиллеріи[3]). Я же, когда былъ въ морѣ, то братцу ни сахару, ни чаю не отпущали,

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1893 г., іюнь, 426.

[2]) Это говоритъ о себѣ старшій Александръ, какъ видно изъ другихъ бумагъ,

[3]) Желаніе юнаго черноморца было исполнено: въ 1796 г. онъ уже ходилъ съ отцомъ въ походъ на „Персидскіе берега“. „Сборн.“, I, 67.

кромѣ полтора рубля въ пять мѣсяцевъ, и то приказывалъ ему нашъ господинъ полковникъ пить (?) по одной копѣйкѣ въ день.—Въ корпусѣ же хорошо учатъ, но впрочемъ содержаніе очень худо. Намъ, какъ вамъ извѣстно, 952 рубля въ годъ (?); платья же, въ которомъ въ классы ходимъ, кромѣ мундировъ и бѣлья, все кадетское, также—кушанье, чаю (?); тѣмъ мы и отличны отъ кадетъ. Прежде, какъ вамъ извѣстно, насъ ея императорское величество изволила опредѣлить въ корпусъ, то намъ отведено было два покоя, кушанье и денщикъ было особливо. Въ бытность мою въ морѣ, (?) при окончаніи компаніи (когда?) возвратился, то братецъ стоялъ вмѣстѣ съ кадетами и кушалъ кадетское кушанье. Я просилъ господина полковника нашего, чтобъ онъ отпустилъ кушанье къ намъ, но онъ отказалъ. Кромѣ чая, мнѣ къ зимѣ купили шубу, а братцу нѣтъ. Я много разъ сказывалъ, но онъ сказалъ: она ему не нужна, потому что онъ будетъ въ корпусѣ. И такъ, чѣмъ больше я ему говорю, тѣмъ больше онъ на меня сердится. И такъ просимъ васъ, милостивѣйшіе родители, кланяться любезной бабушкѣ нашей, также и любезнымъ братцамъ и всѣмъ сродникамъ всенижайшее наше почтеніе просимъ засвидѣтельствовать и остаемся навсегда ваши доброжелательные дѣти. С.-Петербургъ». Изъ приведеннаго письма видимъ—какъ черезъ 20-ть лѣтъ послѣ уничтоженія Запорожья сыновья разогнанныхъ запорожцевъ уже учились въ тогдашнихъ кадетскихъ корпусахъ, и, какъ видно, не отставали отъ товарищей, изучая геометрію, фортификацію, артиллерію... Кромѣ этихъ двухъ сыновей, у Головатаго было еще три: Матвѣй, Андрей и Константинъ. Послѣдніе три въ 1796 г. были еще «малолѣтними» [1]). Одного изъ нихъ, впослѣдствіи, Головатый помѣстилъ въ какое то харьковское училище [2]).

д. Письмо Федора Квитки къ Антону Головатому, 17 марта, 1794 г. «Во первыхъ поздравляю васъ со всѣмъ домомъ св. четыредесятницею, которую желаю отъ всего сердца въ ненарушимомъ здравіи и благополучіи препроводить и страстямъ Христовымъ поклониться... Матушка—что въ письмѣ пишетъ, тому есть такъ точно. Меня польстило на то то самое, что она хотя богатого отца, но все то богатство принебрегала, а приняла христіанскую вѣру съ тѣмъ, чтобы быть мнѣ женою. Я вижу, что сіе сдѣлала она чрезъ меня, боясь Всевышняго, чтобъ меня за сіе не наказалъ, если ее оставлю,

---

[1]) См. т. I, стр. 67 и т. III, стр. 764.

[2]) Статья Основьяненка о Головатомъ, Отеч., Зап. 1839 г., № 11, стр. 11.

вознамѣрился на ей сочетаться бракомъ, пришло мнѣ на мысль то, что може за сіе меня Богъ не оставитъ»...

е. «Письмо Ульяны Порохниной къ зятю Ант. Головатому, «17 марта, 1794 г. Самара». «Наступившимъ нынѣ святымъ постомъ поздравляю васъ съ любезнѣйшею вашею сожительницею и дѣтками... О себѣ же доношу, что по милости Всевышняго жива и здорова нахожусь. Федоръ Григорьевичъ свидѣтельствуетъ свое нижайшее почтеніе. Пріѣхалъ съ полка въ домъ, привезъ себѣ невѣсту изъ знатной фамиліи, но только изъ иностранныхъ, а уже выкрещенку. Проситъ дозволенія о вступленіи съ ею въ бракъ. Я хотя по разсужденіи своему, что она иностранка, несвѣдующая совсѣмъ, мнѣ и не желала (?) сего сдѣлать, но видя ея добродѣтельство, хорошія качества и къ хозяйству охоту имѣющую усердно, желаю и благословлю ихъ; и васъ покорно прошу желать имъ добра и не оставить ихъ»...

ж. Письмо Ант. Головатого къ З. А. Чепѣгѣ, 30 мая 1794 г., Тамань. «Моя Ульяна Григорьевна по полудни въ 5-мъ часу, въ самую зелену недѣлю, ради праздника, царство ей небесное, покинула меня и осталась въ крайней багѣ (?), вчерашній день, залогомъ моей вѣрности и преданности Богу, государю, войску и товариству [1]).

Больше нечѣмъ хвалиться, а увидѣвшись говорить буду».

Изъ приведенныхъ трехъ писемъ многаго понять нельзя. Федоръ Квитка (какой неизвѣстно) [2]) называетъ Ульяну «Порохнину» —матерью; въ то же время эта Ульяна Порохнина по свидѣтельству редактора есть теща Ант. Головатого, но она ли есть и та Ульяна Григорьевна, которую называетъ Головатый *своею*, извѣщая Чепѣгу о ея смерти— разобрать нельзя... Несомнѣнно, что опущенныя редакторомъ *надписи* и *подписи* писемъ во многомъ затемнили содержаніе и этихъ писемъ.

При нѣкоторыхъ недостаткахъ «Сборника», редакторъ его тѣмъ не менѣе, повторяемъ, заслуживаетъ большой благодарности за ту массу интереснаго матеріала, которую онъ въ немъ обнародовалъ. Эти матеріалы даютъ намъ возможность близко познакомиться съ

---

[1]) Письмо приводится буквально,—смыслъ заключительныхъ словъ непонятенъ...

[2]) Разумѣется не отецъ писателя Григорія Федоровича, родившагося въ 1778 г. Объ отношеніяхъ отца писателя къ Ант. Головатому см. выше указанную статью Гр. Ф. Квитки въ Отеч. Зап. 1839 г.

представителями *послѣднихъ запорожцевъ*—Чепѣгой, Головатымъ и друг. и оцѣнить ихъ практическій умъ, съ помощью котораго они такъ умѣло и прочно устроили судьбу разогнаннаго было запорожскаго «товариства». Будемъ ожидать, что обѣщаемое И. И. Дмитренкомъ «послѣдующіе томы» его «Сборника» представятъ такой же интересный матеріалъ для исторіи перерожденнаго Запорожья.

А. Л.

О начальномъ кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ. *А. А. Шахматова. М. 1897 г. 58 стр. Изъ «Чтеній въ Импер. Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ».*

Всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что *Повѣсть временныхъ лѣтъ* составлена на основаніи самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Но вопросъ, собраны-ли и сведены-ли всѣ эти матеріалы послѣднимъ редакторомъ свода, или же часть ихъ входила въ составъ другого, болѣе древняго, который и легъ въ основаніе *Повѣсти временныхъ лѣтъ*, до сихъ поръ остается открытымъ. Академикъ А. А. Шахматовъ допускаетъ возможность, что «Повѣсть вр. лѣтъ» составлена на основаніи другого, болѣе древняго свода, гдѣ уже былъ сгруппированъ матеріалъ (или только часть его) изъ разныхъ повѣстей и списковъ. Составленіе Повѣсти вр. лѣтъ А. А. Шахматовъ относитъ къ 1116 году, обѣщая показать это въ другой статьѣ, посвященной вопросу о двухъ древнѣйшихъ редакціяхъ Повѣсти вр. лѣтъ.

Мы не будемъ излагать подробно тѣхъ основаній, по которымъ А. А. Шахматовъ допускаетъ возможность существованія болѣе древняго свода, который онъ называетъ «Начальнымъ сводомъ». Интересующійся этимъ вопросомъ долженъ обратиться къ самой статьѣ г. Шахматова. Мы только постараемся указать нѣкоторые выводы автора.

А. А. Шахматовъ началъ съ сравнительнаго изслѣдованія различныхъ списковъ такъ наз. первой новгородской лѣтописи. Изслѣдованіе это показало, что въ концѣ XII или въ первой четверти XIII в. въ Новгородѣ составились два лѣтописныхъ свода, при чемъ появленіе второго свода объясняется утратой перваго или большей части перваго свода. Описывая новгородскія событія, оба свода дополняли свои извѣстія описаніями событій обще-русскаго характера, при чемъ первый сводъ заимствовалъ ихъ изъ Повѣсти вр. лѣтъ, а второй изъ

какой-то другой лѣтописи, весьма сходной, но не тожественной съ Повѣстью и представляющейся тѣмъ древнѣйшимъ сводомъ, изъ котораго въ первой четверти XII вѣка составилась Повѣсть». «Такимъ образомъ, говоритъ А. А. Шахматовъ, изученіе списковъ второго Новгородскаго свода приводитъ насъ къ возстановленію первоначальнаго свода, легшаго въ основаніе *Повѣсти вр. лѣтъ*» (стр. 1).

Изслѣдованіе А. А. Шахматова распадается на три главы. Въ первой авторъ говоритъ объ исторіи составленія 1 и 2 новгородскихъ сводовъ, а также позднѣйшаго свода XIII в.—Софійскаго временника; во второй—о томъ древнѣйшемъ новгородскомъ лѣтописцѣ, извѣстія котораго соединены первымъ новгородскимъ сводчикомъ съ заимствованіями изъ *Повѣсти вр. лѣтъ*, а вторымъ—съ заимствованіями изъ начальнаго свода; въ третьей главѣ разсматривается составъ начальнаго свода на основаніи данныхъ, представляемыхъ, какъ новгородской первой лѣтописью, такъ и архангелогородскимъ лѣтописцемъ.

Оставляя въ сторонѣ первую и вторую главы, мы подробнѣе остановимся на содержаніи третьей, болѣе интересной для юга Россіи, главѣ. Раньше всего авторъ приводитъ цѣлый рядъ статей и извѣстій Начальнаго свода, которыя, по его мнѣнію, не могутъ быть объяснены изъ Повѣсти вр. лѣтъ и представляютъ болѣе древнюю редакцію соотвѣтствующихъ частей Повѣсти вр. лѣтъ (стр. 40). Затѣмъ онъ обращается къ разсмотрѣнію хронологіи начальнаго свода и заимствованій изъ греческихъ источниковъ сравнительно съ Повѣстью вр. лѣтъ (стр. 41 и слѣд.). Въ этомъ отношеніи и г. Шахматовъ приходитъ къ заключенію, что «хронологія Начальнаго свода основана также на греческомъ источникѣ, причемъ составитель свода пользовался имъ независимо и раньше составителя Повѣсти вр. лѣтъ» (стр. 42). Есть въ начальномъ сводѣ пропуски сравнительно съ Повѣстью вр. лѣтъ, но, по мнѣнію А. А. Шамматова, пропуски эти только кажущіеся. Они объясняются тѣмъ, что составитель Повѣсти вр. лѣтъ сдѣлалъ вставки, отсюда и получились какъ-бы пропуски въ Начальномъ сводѣ (стр. 47). Такими вставками являются, напр., и договоры русскихъ князей съ греками, причемъ вставка ихъ сдѣлана настолько неискусно, что А. А. Шахматовъ старается возстановить даже прерванную цѣпь первоначальнаго разсказа (стр. 47—48). Цѣлый рядъ доказательствъ приводитъ онъ въ подтвержденіе своего мнѣнія...

Для изученія и возстановленія Начальнаго свода А. А. Шахматовъ пользуется также позднѣйшимъ лѣтописнымъ сборникомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Архангелогородскаго лѣтописца*, который является

сокращеніемъ какого-то лѣтописнаго свода, отразившаго въ древней своей части вліяніе двухъ источниковъ—Повѣсти вр. лѣтъ и Начальнаго свода, причемъ свѣдѣнія изъ Начальнаго свода переписаны не изъ Софійскаго временника. Это доказывается тѣмъ, что въ Арханг. лѣтописцѣ они сохранились въ болѣе древней и *полной* редакціи (стр. 52). «Арханг. лѣтописецъ, или вѣрнѣе оригиналъ его, содержитъ въ себѣ рядъ заимствованій изъ очень древней редакціи Начальнаго свода, редакціи, повидимому, предшествовавшей той, которая, съ одной стороны, отразилась на 2-мъ Новгородскомъ лѣтописномъ сводѣ, а съ другой—легла въ основаніе Повѣсти вр. лѣтъ». (стр. 56)...

Въ настоящее время и существуютъ пока эти два источника для возстановленія Начальнаго свода—списки 2-й редакціи Новгородской первой лѣтописи и Архангелогородскій лѣтописецъ. Цѣликомъ возстановить сводъ на основаніи ихъ, конечно, нельзя. Полнаго возстановленія, замѣчаетъ А. А. Шахматовъ. «надо ожидать или отъ новыхъ открытій въ нашихъ лѣтописныхъ сборникахъ, или отъ критическаго изученія Повѣсти вр. лѣтъ, сравнительно съ матеріаломъ, извлекаемымъ изъ Новгородской лѣтописи» (стр. 57). Скудость данныхъ для характеристики Начальнаго свода «не даетъ возможности съ увѣренностью опредѣлить ни времени, до котораго доходилъ историческій разсказъ свода, ни года, когда онъ составленъ». Авторъ ограничивается пока выводомъ, что Начальный сводъ составленъ (вѣроятно въ Кіевѣ) въ XI в. послѣ 1074 года (стр. 57). Что касается источниковъ Начальнаго свода, то часть ихъ опредѣляется изслѣдованіями, посвященными вопросу о составѣ Повѣсти вр. лѣтъ. Въ числѣ русскихъ источниковъ было какое то *Сказаніе о Началѣ Руси*, приблизительный ходъ разсказа котораго можно возстановить по новгородской редакціи. Въ числѣ источниковъ Начальнаго свода были также какія-то лѣтописныя записи новгородскаго происхожденія. Это последнее соображеніе даетъ А. А. Шахматову поводъ поставить вопросъ: «нельзя ли думать, что составителю Начальнаго свода была извѣстна какая то новгородская лѣтопись, доведенная до 70-хъ годовъ XI ст.?...

Словомъ, интересная работа А. А. Шахматова снова поднимаетъ нерѣшенный и старый вопросъ о началѣ нашего лѣтописанія, поднимаетъ его въ новомъ совершенно видѣ. Съ нетерпѣніемъ будемъ ждать обѣщанныхъ работъ автора въ этомъ направленіи.

Н. В.

Fontes historiae ukraino-russicae (ruthenicae) a collegio archaeographico Societatis Scientiarum Ševčenkianae editi. Vol. II. *Жерела до істориї України Руси. Видае археографічна Комісия Наукового Товариства імени Шевченка. Том II. Люстрациї королівщин в землях перемиській і сяноцькій в р. 1565. У Львові 1897.*

Въ свое время на страницахъ «Кіевск. Стар.» (1896, № 7—8) было отмѣчено появленіе перваго тома изданій археографической коммиссіи Товарищества имени Шевченка, въ которомъ помѣщены были относящіяся къ 1565—1566 г. люстраціи королевскихъ имѣній, лежавшихъ въ галицкомъ Поднѣстровьи. Въ только что вышедшемъ второмъ томѣ помѣщены относящіяся къ тому же времени люстраціи земель перемышльской и сяноцкой, лежащихъ въ сѣверо-западной части Галиціи, въ бассейнѣ р. Вислы, по ея притокамъ Вислоку и Сяну. Изданіе люстрацій 1565 г. Коммиссія предполагаетъ закончить третьимъ томомъ, въ который войдутъ люстраціи земель Львовской, Белзской и Холмской; люстраціи Подольскихъ повѣтовъ не войдутъ въ настоящее изданіе, такъ какъ онѣ уже изданы Кіевскою Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ (Архивъ Ю.-З. Россіи, ч. VII, т. II). Въ настоящемъ томѣ напечатаны люстраціи русскихъ жупъ (соляныхъ варницъ) въ Перемышльской землѣ и староствъ Перемышльскаго, Лежайскаго, Замховскаго и Сяноцкаго—по единственному сохранившемуся списку, находящемуся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи.

Изданію предпослано изслѣдованіе главнаго редактора арх. ком. проф. Грушевскаго, озаглавленное *«економічний стан селян в перемишльскім стростві в середині XVI в.»*. Статья эта составлена на основаніи люстрацій 1565 г. и нѣкоторыхъ матеріаловъ, относящихся къ болѣе раннему времени, а именно—подробнаго инвентаря, составленнаго въ 1553 г. (до сихъ поръ неизданнаго) и описей 1494 и 1497 (изданныхъ въ «Запискахъ Тов. Шевченка»). Главные выводы, къ которымъ приходитъ авторъ на основаніи изученія этихъ матеріаловъ, заключаются въ слѣдующемъ. Въ концѣ XV в. площадь крестьянской пашни почти не увеличивалась. Число отдѣльныхъ хозяйствъ также возрастало чрезвычайно слабо, сравнительно съ естественнымъ приростомъ населенія. Увеличеніе числа хозяйствъ обусловливалось, главнымъ образомъ, дробленіемъ грунтовъ до обычной нормы —$^1/_2$ лана; но при этомъ увеличивается число загородниковъ (малоземельныхъ): за 12 лѣтъ число ихъ увеличилось на 133$^0/_0$. Причиной всѣхъ этихъ

перемѣнъ является, съ одной стороны, развитіе фольварочнаго (шляхетскаго) хозяйства, при чемъ крестьянскіе грунты скучились «non sine effusione lacrimarum», съ другой—условіями тогдашняго хозяйства, дѣлавшими невыгоднымъ хозяйство на мелкихъ участкахъ. Не желавшіе оказаться въ положеніи пролетарія-загородника вынуждены были искать новыхъ земель для колонизаціи и нашли ихъ въ перемышльскомъ Подгорьѣ. Въ половинѣ XVI ст. здѣсь возникаетъ рядъ новыхъ поселеній; но и въ нихъ средняя величина грунта тоже—$^1/_2$ лана. Таковы были условія землевладѣнія. Что касается податей, то они еще не были уравнены и представляютъ большое разнообразіе, особенно въ селахъ различныхъ разрядовъ—русскаго, нѣмецкаго и волошскаго права. Въ селахъ «русскаго права», т. е. основанныхъ еще на старинныхъ русскихъ обычаяхъ, подати были весьма разнообразны, и только панщина приведена уже къ одному знаменателю—«робити какъ скажуть» (dum et quando mandatur). Въ селахъ «нѣмецкаго права» (т. е. вновь основанныхъ) подати равномѣрнѣе, но въ общемъ выше, чѣмъ въ селахъ русскаго права; панщина тоже. И въ тѣхъ, и въ другихъ обложеніе въ XVI в. выше чѣмъ въ XV (особенно въ русскихъ селахъ). Въ селахъ «волошскаго права» (съ русскимъ населеніемъ) господствующее занятіе составляло скотоводство; по этому и дань платилась здѣсь продуктами скотоводства; но со временемъ скотоводство приходитъ въ упадокъ и дань замѣняется должнымъ чиншемъ. Вообще же обложеніе въ этихъ селахъ весьма равномѣрное, панщина значительно легче (напр. 15 дней въ годъ, или: одинъ день жнутъ, сплавляютъ лѣсъ). Существовали еще «конюшія села», но они представляли уже архаическое явленіе, и въ XVI в. были вымѣряны на ланы и обложены чиншемъ. Таковы были повинности тяглыхъ крестьянъ. Что касается «загородниковъ», число которыхъ такъ быстро увеличивалось въ XVI в., то ихъ положеніе еще не было урегулировано: одни отбывали панщину, другіе платили чиншъ, иногда и то и другое соединялось; размѣры повинностей были очень разнообразны, вѣроятно въ зависимости отъ величины грунта.

Настоящая статья составляетъ какъ-бы продолженіе предисловія къ первому тому и отличается тѣми же достоинствами и тѣми же недостатками. Таже точность въ изслѣдованіи матеріала, то же умѣнье воспользоваться малѣйшими указаніями изслѣдуемаго матеріала, и съ другой стороны—то же отсутствіе обобщеній, иногда вызывающее въ читателѣ нѣкоторое недоумѣніе. Такъ, изъ предисловія къ 1 тому можно заключить, что положеніе крестьянъ ухудшилось по направленію отъ

Ю.-В. къ С.-З.; Перемышльская земля, занимающая С.-З. часть Галиціи, повидимому, должна представлять еще худшія условія; но изъ приведенныхъ данныхъ, повидимому, нельзя сдѣлать такого вывода, да и самъ г. Г. сопоставляетъ Перемышльское староство по обложенію съ Снятинскимъ (на Ю.-В.) и Дорогобычскимъ (на С.-З.). Вообще вторая статья заключаетъ еще меньше обобщеній, чѣмъ первая: такъ, въ ней нѣтъ указаній на разряды крестьянъ и общихъ выводовъ о благосостояніи крестьянскаго населенія. Впрочемъ г. Г. еще въ первой статьѣ заявилъ, что отлагаетъ общіе выводы до окончанія цѣлаго ряда детальныхъ изслѣдованій о внутреннемъ строѣ Галиціи въ XVI в., да и настоящую статью заканчиваетъ такъ: «на тімъ тим часом кінчаю».

В. Щербина.

Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго Общества. *Томъ 10-й Харьковъ 1897. Стр. I—X, I—III и 1—223.*

По заведенному порядку, и настоящій томъ «Сборника» открывается оффиціальнымъ отдѣломъ, носящимъ заглавіе: «*Отчетъ о дѣятельности историко-филологическаго общества въ 1896—97 академическомъ году*». Но этотъ «отчетъ» совсѣмъ не похожъ на обычные отчеты, представляющіе итоги дѣятельности того или иного учрежденія въ такой строгой и точной системѣ и сжатой формѣ, что результаты дѣятельности становятся ясными до осязательности. Отчетъ харьковскаго историко-филологическаго Общества имѣетъ, напротивъ форму, краткихъ протоколовъ засѣданій, и такъ бы слѣдовало его наименовать, не вводя читателя въ недоумѣніе. Изъ протокольнаго отчета мы узнаемъ, что Общество въ 1896—97 году имѣло пять лишь засѣданій (24 октября и 29 ноября 1896 г., 13 и 28 февраля, и 8 апрѣля 1897 г.; 15 апрѣля, когда былъ поднесенъ членами Общества М. С. Дринову альбомъ съ портретами и адресъ съ подписями членовъ, а А. С. Лебедеву—адресъ, мы не относимъ къ днямъ засѣданій Общества, потому что въ отчетѣ не сказано, чтобы поднесеніе адресовъ происходило въ засѣданіи). Пятое засѣданіе было посвящено исключительно административнымъ дѣламъ, и рефераты читались лишь въ первыхъ четырехъ засѣданіяхъ. Всѣхъ рефератовъ мы насчитали 14; по засѣданіямъ они распредѣляются очень неравномѣрно; въ 1-мъ засѣданіи было прочтено 9 рефератовъ; во 2-мъ—1, въ 3-мъ и 4-мъ—по 2;

кромѣ слушанія рефератовъ, Общество обсуждало и рѣшало свои текущія дѣла (о печатаніи трудовъ своихъ членовъ въ «Сборникѣ», о присужденіи преміи А. А. Потебни, о назначеніи темъ для преміи слѣдующаго года, о выборахъ должностныхъ лицъ и новыхъ членовъ Общества и т. п.). Прочтенные рефераты касались исторіи католической церкви (1) и этнографіи (1); къ библіографіи можно отнести 5 рефератовъ и къ некрологамъ—7.

Къ сожалѣнію, въ настоящемъ «отчетѣ» не представлены поучительныя цифровыя данныя о публичныхъ чтеніяхъ для женщинъ, какія (т. е. данныя) мы имѣли въ предшествовавшей книгѣ „Сборника".

Въ отчетномъ году въ предсѣдатели Общества избранъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ и въ секретари—Е. Е. Рѣдинъ.

Бюджетъ Общества: въ приходѣ—1786 р. 10 к.; въ расходѣ—1620 р. 10 к.; остатокъ на текущій годъ—166 руб.

Указанія на число членовъ Общества мы не нашли въ «Отчетѣ», равно какъ не нашли указаній и на дѣятельность Педагогическаго отдѣла.

Таково состояніе и дѣятельность достопочтеннаго Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Переходимъ теперь къ обзору помѣщенныхъ въ «Сборникѣ» изслѣдованій и матеріаловъ.

Серьезный этнографическій трудъ *Ѳ. Ю. Зелинскаго* производитъ чрезвычайно отрадное впечатлѣніе. Говоря *«О заговорахъ»*, авторъ обстоятельно разсматриваетъ существующія мнѣнія о нихъ ученыхъ, подвергая эти мнѣнія критическому анализу, изслѣдуетъ психологическія основы заговоровъ у разныхъ народовъ, слѣдитъ за исторіей развитія заговоровъ и опредѣляетъ ихъ главныя формальныя черты. Болѣе близкимъ къ истинѣ авторъ считаетъ опредѣленіе заговора, сдѣланное г. Крушевскимъ: „заговоръ есть выраженное словами пожеланіе, соединенное съ извѣстнымъ обрядомъ или безъ него, пожеланіе, которое должно непремѣнно исполниться. Покойный А. А. Потебня сдѣлалъ поправку къ опредѣленію г. Крушевскаго; по его опредѣленію, „заговоръ есть словесное изображеніе сравненія даннаго или нарочно произведеннаго явленія съ желаннымъ, имѣющее цѣлью произвести это послѣднее". Мнѣніе Потебни принято и г. Зелинскимъ, какъ самое точное и вѣрное. Доказательству его истинности и посвященъ весь трудъ автора. Всѣ другіе ученые смотрятъ на заговоръ какъ на остатокъ языческой молитвы, тѣмъ не менѣе всѣ они наблюдаютъ и отмѣчаютъ силу слова, выражающуюся въ заговорѣ, и на неотразимость его въ произведеніи желаемаго дѣйствія. Смотря на

заговоры, какъ на остатки языческихъ молитвъ и клятвъ, многіе ученые часто смѣшиваютъ одни съ другими, напр.: считаютъ заговорами клятвы въ договорахъ Олега и Игоря съ греками, плачъ Ярославны и проч. „Если каждое сравненіе, говоритъ авторъ по этому поводу, считать за заговоръ, то мы должны будемъ назвать заговоромъ и такое выраженіе изъ извѣстной церковной молитвы какъ: «Да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою». Изслѣдованіе Ѳ. Ю. Зелинскаго невольно приводитъ читателя къ заключенію, что заговоръ есть весьма близкое къ гипнотическому внушенію явленіе, чѣмъ и объясняется магическое дѣйствіе перваго.

Вторая статья *«Пѣсни о Травинѣ»*, принадлежащая перу извѣстнаго этнографа *Н. Ѳ. Сумцова*, затрогиваетъ очень интересный вопросъ о малорусскихъ разбойничьихъ (извѣстныхъ подъ именемъ гайдамацкихъ) пѣсняхъ, героями которыхъ являются Гнатко Голый, Кармелюкъ, Гавриленко, Недуменко, Джеременко и друг. Для опредѣленія характерныхъ чертъ малорусско-гайдамацкихъ и галицко-русскихъ опрышковыхъ пѣсенъ авторъ рекомендуетъ сравненіе ихъ съ великорусскими и предлагаетъ этотъ планъ для любителей малорусской этнографіи, въ увѣренности, что при добромъ желаніи онъ будетъ расширенъ и улучшенъ. Для примѣра г. Сумцовъ разсматриваетъ «Пѣсни о Травинѣ», малоизвѣстномъ малорусскомъ разбойникѣ, сравниваетъ ихъ съ великорусскими пѣснями о Травнинѣ и, на основаніи общихъ чертъ, приходитъ къ заключенію, что пѣсни эти великорусскаго происхожденія; онѣ могутъ быть отнесены (по сравненію съ оффиціальными документами) къ XVII в., отзываются скоморошнымъ пошибомъ и весьма характерны по чертамъ профессіональной скоморошной обработки.

Статью г. Г. Ирмера оставляемъ для обозрѣвателей латышской этнографіи, которой онъ касается, хотя не можемъ не пожелать, чтобы и южно-русскіе этнографы устроили подобную же выставку въ Кіевѣ на предстоящемъ археологическомъ съѣздѣ въ 1899 году, какая была устроена въ 1896 г. на Рижскомъ съѣздѣ и описывается г. Ирмеромъ.

Въ посвященной *Памяти Н. С. Тихонравова* статьѣ г. *Н. И. Аллкритскаго*, обозрѣвающаго труды Н. С. съ 1874 по 1893 г. авторъ напоминаетъ и объ изслѣдованіяхъ его по исторіи южно-русской литературы, говоря о которыхъ онъ или приводитъ основную мысль, или только излагаетъ ихъ содержаніе.

Отдѣлъ матеріаловъ содержитъ въ себѣ сборникъ *«народныхъ обрядовъ и пѣсенъ Лубенскаго уѣзда Полтавской губерніи, записан-*

ныхъ въ 1888—1895 гг.«, и представленныхъ для напечатанія *В. П. Милорадовичемъ.* Сборникъ имѣетъ цѣлью пополнить въ нѣкоторой степени этнографическіе недочеты и пробѣлы по лубенскому уѣзду. Онъ состоитъ изъ трехъ большихъ частей: въ первую входятъ обряды и пѣсни родинные; во вторую—пѣсни молодежи и свадебныя и въ третью—похоронныя, соотвѣтственно народному изреченію: „трычи дывенъ чоловикъ: якъ родыця, винчаетця и помирае". По мнѣнію Н. Ѳ. Сумцова объ этомъ сборникѣ, изложенномъ въ протоколахъ засѣданій историко-филологическаго общества (стр. III—V), г. Милорадовичъ „чрезвычайно удачно справился съ трудной задачей собиранія сырого матеріала. Онъ не только даетъ въ своихъ сборникахъ много новыхъ пѣсенъ и повѣрій, т. е., не отмѣченныхъ ранѣе въ печати, но главное—группируетъ ихъ въ ясномъ и послѣдовательномъ порядкѣ, съ указаніемъ на существующіе въ печати варіанты, съ краткими, но дѣльными и вполнѣ научными предисловіями». Н. Ѳ. Сумцовъ считаетъ трудъ г. Милорадовича полезнымъ вкладомъ въ современную этнографію», ибо въ немъ заключаются данныя, «которыя могутъ служить для характеристики всего южно-русскаго племени». Въ виду этой важности сборника. Историко-филологическое Общество, по недостатку собственныхъ средствъ, ходатайствовало предъ Полтавской Земской Управой о выдачѣ субсидіи въ 300 руб. для напечатанія этого сборника, съ обязательствомъ выслать въ Управу 300 экземпляровъ его. Субсидія дана была земствомъ. Отмѣчаемъ этотъ отрадный фактъ сочувствія земскихъ представителей къ интересамъ науки, къ счастію, не единственный въ исторіи земскихъ учрежденій.

И. Каманинъ.

Новости польской исторической литературы.

1) Kazimierz Pułaski. Szkice i poszukiwania historyczne. Serya druga. Petersburg 1898. Str. 350.

Обыватель подольской губерніи (с. Завадинцы каменецкаго уѣзда), авторъ «Отношеній Польши къ Менгли-Гирею» и цѣлаго ряда превосходныхъ статей изъ южно-русской исторіи (Дикія Поля, Евстафій Дашковичъ и др.), собранныхъ въ 1-мъ выпускѣ «Очерковъ и изслѣ-

дованiй» (1887), К. А. Пуласкiй выступилъ теперь съ новымъ рядомъ работъ, составляющихъ второй выпускъ „Очерковъ и изслѣдованiй“. Здѣсь помѣщено пять статей: 1) Изъ воспоминанiй Барскаго конфедерата; 2) Переписка Михаила—Юрiя Мнишка, великаго короннаго маршала, въ 1783—1790 гг.; 3) Постановленiя волынскаго сеймика въ Луцкѣ въ 1790 г.; 4) Подольская шляхта въ эпоху турецкаго владычества въ Подолiи (1672—1699) и 5) Махметъ-Гирей, ханъ Перекопскихъ Татаръ, и отношенiя его къ Польшѣ (1515—1523). Всѣ эти статьи, какъ видно изъ ихъ заглавiй, имѣютъ ближайшее отношенiе къ научной области «Кiевской Старины» и по своей обстоятельности заслуживаютъ вниманiя со стороны любителей серьезнаго историческаго чтенiя.

2) Adolf Pawiński. 1840—1896. Zarys dziejów żywota i pracy skreslił Wincenty Zakrzewski. Petersburg 1897. Str. 124.

Упоминанiе объ А. И. Павинскомъ на страницахъ „Кiевской Старины“ не можетъ показаться страннымъ, такъ какъ покойный профессоръ Варшавскаго Университета († 12 августа 1896 г.), издавая матерiалы по исторiи Польши въ сотрудничествѣ съ А. И. Яблоновскимъ (Żrodła dziejowe), косвенно оказалъ нѣкоторыя заслуги и южно-русской исторiографiи. Въ настоящей книгѣ г. Закржевскiй, профессоръ всеобщей исторiи въ Краковѣ, талантливо, въ милой и сердечной формѣ, съ глубокимъ проникновенiемъ въ душу усопшаго, рисуетъ его жизнь и научно-литературную дѣятельность. Книга такъ прекрасна, что отъ нея нельзя оторваться. Намъ только кажутся немного странными тѣ страницы (42—43), на которыхъ встрѣчаемъ такiя обобщенiя: «Довольно значительную роль въ кружкѣ редакцiи *Ateneum*'а и вообще въ Варшавскомъ Обществѣ (во 2-ой половинѣ 70-хъ годовъ) играли жиды, чувствовавшiе уже себя тѣсно связанными съ цѣлымъ обществомъ и готовые ему служить; многiе изъ нихъ шли впереди другихъ, когда являлась необходимость принести крупную жертву для цѣлей общаго блага. Кто знаетъ или помнитъ, напримѣръ, дѣятельность Якова Натансона (мы беремъ одну личность, давно умершую и оставившую много заслугъ), тотъ можетъ сразу понять, что модный теперь въ нѣкоторыхъ кругахъ ***антисемитизмъ является у насъ*** (т. е. въ Польшѣ) ***полнѣйшею безсмыслицею*** (каковы бы ни были, впрочемъ, первоначальныя, отчасти основательныя, причины подобныхъ стремленiй и явленiй), ***является одностороннимъ народно-вѣроисповѣднымъ шовинизмомъ***, вреднымъ и пагубнымъ, какъ

вообще вредны и пагубны шовинизмъ и односторонность». Вѣдь для существованія антисемитизма въ Польшѣ есть иныя, болѣе органическія, причины, чѣмъ вѣроисповѣдный шовинизмъ. Къ книгѣ приложенъ погодный указатель сочиненій Павинскаго.

3) Teki Pawińskiego. T. I Liber quitantiarum Alexandri regis ab a. 1502 ad. 1506. (Księga skarbowa Króla Alexandra Jag.). Warszawa 1897. Str. 221—XXVI.

Предисловіе Александра Яблоновскаго гласитъ: «Преждевременная смерть проф. Павинскаго не позволила ему издать собранныхъ имъ историческихъ матеріаловъ, часть которыхъ осталась почти цѣликомъ напечатанною, а другая—приготовленною къ печати. Оставить ихъ подъ спудомъ болѣе продолжительное время было-бы большою потерею для науки. Вотъ почему во имя науки, а также изъ уваженія къ памяти заслуженнаго работника на научномъ полѣ, мы считаемъ своею нравственною обязанностью заняться, не откладывая, изданіемъ въ свѣтъ его наслѣдства. Такъ какъ самые матеріалы довольно разнородны, то мы даемъ имъ общее заглавіе: *Портфели А. Павинскаго.* Начинаемъ съ книги расходовъ короля Александра». Изданіе это можетъ понадобиться и для южно-русскаго историка, такъ какъ Александръ былъ одновременно королемъ польскимъ и великимъ княземъ Литвы, въ составъ которой входила тогда вся почти Южная Русь съ Кіевомъ во главѣ; нужно только замѣтить, что матеріалъ его—крайне сухой и пригоденъ почти исключительно для исторіи польскихъ финансовъ. Къ изданію приложены три указателя: лицъ, мѣстъ и должностей. Послѣдній, по нашему мнѣнію, самый важный, такъ какъ, хотя въ словарной формѣ, но рисуетъ составъ польскаго правящаго класса того времени.

4) Drobne prace i notatki Erazma Majewskiego z dziedziny Archeologii przedhistorycznej i Etnografii. Z 66 rysunkami i podobiznami. Warszawa 1897. Str. 128.

Въ этой небольшой книжкѣ собраны журнальныя статьи и рецензіи, написанныя авторомъ въ послѣдніе годы, а также нѣкоторыя ненапечатанныя мелкія работы. Много интересныхъ соображеній, совѣтовъ и библіографическихъ справокъ найдетъ здѣсь любитель археологіи, особенно доисторической. Обращаемъ вниманіе на статьи: ***происхожденіе вишни*** (занесена въ среднюю Европу Славянами съ береговъ Чернаго моря) и ***культъ медвѣдя***, на совѣты автора, какъ

добывать и хранить предметы древности, на снимки каменныхъ орудій изъ коллекцій автора и на нѣкоторыя рецензіи, въ числѣ которыхъ есть и рецензія образцовой работы проф. В. Б. Антоновича Археологическая карта кіевской губерніи (М. 1895).

А. С.

Обзоръ журналовъ.

Русская Старина 1897, № 10—12.

Указъ имп. Александра I. (17 Марта 1801 г.) объ освобожденіи «содержимыхъ въ Динамюндской крѣпости духоборцевъ Слободско-украинской губ., козаковъ и однодворцевъ, 152 чел. м. и ж. пола (№ 10).

Рѣчь Кіевскаго Митрополита Евгенія, сказаннная отъ всего духовенства имъ Николаю I, 24 августа 1826 г. въ кремлевскомъ дворцѣ (№ 12)

Провинціальные нравы за послѣдніе полвѣка (воспоминанія Ф. Я. Лучинскаго)—окончаніе. Будучи въ 1861 г. назначенъ судебнымъ слѣдователемъ въ Новогеоргіевскъ (Херсонскойгуб.), г. Л. былъ свидѣтелемъ введенія положенія 19 февраля, о чемъ и сообщаетъ нѣсколько интересныхъ подробностей. Такъ, онъ описываетъ воображаемый крестьянскій «бунтъ», состоявшій въ коллективномъ чтеніи манифеста и просьбѣ разъяснить его. «Другихъ болѣе или менѣе серьезныхъ волненій, замѣчаетъ г. Л., я не припомню; но мѣстная администрація сильно волновалась». Одинъ становой приставъ право полиціи наказывать крестьянъ по жалобамъ помѣщиковъ обратилъ для себя въ доходную статью и бралъ съ помѣщиковъ за каждую экзекуцію по 25 р. Съ большою похвалою отзывается г. Л. о мировыхъ посредникахъ. Съ введеніемъ новыхъ судебныхъ уставовъ г. Л, не имѣвшему образовательнаго ценза, пришлось оставить должность слѣдователя и, скрѣпя сердце, принять мѣсто помощника исправника; но въ 1869 избранъ былъ мировымъ судьею Тираспольскаго округа и занималъ эту должность до ея упраздненія въ 1892. (№ 10).

Историческій Вѣстникъ 1897. № 10—12.

Графиня Е. В. Литта, ур. Энгельгардтъ Адріанова. Біографія извѣстной племянницы и фаворитки Потемкина. Въ статьѣ сообщаются свѣдѣнія и о сестрахъ ея—А. В. Браницкой и В. В. Голицыной и объ ихъ отношеніяхъ къ Потемкину, а также нѣкоторыя интимныя подробности изъ жизни имп. Екатерины II. Къ статьѣ приложенъ портретъ гр. Литта (№ 11).

Записки гр. Комаровскаго ген.-ад. имп. Александра I. Въ X главѣ записокъ сообщаются нѣкоторыя подробности о пребываніи автора въ 1862 г. въ Житомирѣ, о губернаторѣ Камбурлеѣ, помѣщикѣ Ильинскомъ и его роскошномъ имѣніи Романовѣ (Roma nuova), гр. Потоцкомъ, устроившемъ въ Умани знаменитый садъ Софіевку, о кн. Радзивилѣ, владѣльцѣ Бердичева, и о разстрѣляніи поляка Ржевускаго, смотрителя русскихъ провіантскихъ магазиновъ, передавшаго ихъ французамъ (№ 11).

Воспоминанія о Мальцовѣ Межецкаго. Біографическія свѣдѣнія объ извѣстномъ основателѣ «Мальцовскихъ» заводовъ—ген.-м. С. И. Мальцовѣ и описаніе его заводовъ. Мальцовскія конторы были, между прочимъ, въ Черниговѣ, Кіевѣ, Кременчугѣ, Екатеринославѣ, Херсонѣ, Одессѣ. Въ послѣдней главѣ описывается отправка товаровъ изъ Брянска на югъ по Деснѣ и Днѣпру, при чемъ особенно подробно описана переправа черезъ днѣпровскіе пороги. Къ статьѣ приложенъ портретъ Мальцова и нѣсколько рисунковъ (№ 11).

Терновскіе изувѣры и ихъ ученіе (по даннымъ III миссіонерскаго съѣзда) И. Л. Юдина. Статья до нѣкоторой степени разъясняетъ происхожденіе секты, главой которой была извѣстная Виталія. Секта эта возникла на почвѣ великорусскаго старообрядчества, чрезвычайно распространеннаго въ херсонской губ., и въ особенности въ тираспольскомъ уѣздѣ, гдѣ насчитывается до 11500 раскольниковъ (№ 10).

Въ отдѣлѣ «*Критика и библіографія*» помѣщены отзывы о слѣдующихъ книгахъ: «Къ исторіи западно-русскаго просвѣщенія (виленская братская школа въ первые полвѣка ея существованія) соч. К. В. Харламповича». В. 1897.—«А. Ярушевичъ. Ревнитель православія кн. К. И. Острожскій (1461—1530) и православная литовская Русь въ его время». Смоленскъ 1897 (№ 10). «Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность. Сост. И. П. Малышевскій» Спб. 1897 (№ 11).

Въ отдѣлѣ «*Новости и мелочи*» подъ заглавіемъ «Переписка Станислава Понятовскаго» сообщеніе о книгѣ «Stanislas Poniatowski et Maurice Glayre. Correspondance, relative aux partages de la Pologne. Par Evgene Mattar. Paris 1897». (№ 10).

Въ отдѣлѣ «*Смѣсь*» —описаніе открытія памятниковъ имп. Александру II, и Александру III въ Черниговѣ (№ 10) и свѣдѣнія о дѣятельности Общества исторіи и древностей въ Одессѣ, Общества древностей и искусствъ въ Кіевѣ и историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ (№ 12).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Альбицкій, К. А. Владиміровъ, А. П. Гавриленко, А. Д. Гатцукъ, А. В. Гречаниновъ, М. Н. Демьяновъ, Г. Ф. Деппъ, В. Г. Залѣсскій, К. А. Зворыкинъ, П. В. Котурницкій, Н. П. Ланговой, А. П. Лидовъ, П. М. Мухачевъ, Я. Ѳ. Никитинскій, П. П. Петровъ, А. И. Предтеченскій, В. М. Рудневъ, А. И. Сидоровъ, Н. И. Тавилдаровъ, С. Л. Франкфуртъ, П. К. Худяковъ, В. В. Шкателовъ и др.

Преподаватели, ассистенты, лаборанты—И. П. Александровъ, А. П. Величковскій, П. В. Войнаровскій, Н. Л. Громъ, И. В. Егоровъ, Д. В. Зубаревъ, С. П. Ланговой, Л. М. Лялинъ, В. Д. Мѣшаевъ, Н. А. Пановъ, В. А, Пантелѣевъ, К. М. Плѣшковъ, А. Русановъ, А. М. Соколовъ, П. С. Страховъ, К. И. Тумскій, В. Г. Фонъ-Бооль, А. Н. Шустовъ и др.

Представители фабрикъ. заводовъ, желѣзныхъ дорогъ и пр. промышленныхъ предпріятій, а также правительственныхъ и общественныхъ учрежденій—М. И. Алтуховъ, И. К. Андрюковъ, Н. Н. Алянчиковъ, Л. Я. Аркинъ, А. Г. Бадюлъ, В. Я. Беннъ, Н. Е. Березовскій, М. Берловъ, И. П. Боклевскій, Л. А. Боровичъ, А. И. Бѣловъ, Ф. И. Вараксинъ, М. К Васильевъ, И. Видавскій, Ю. Ф. Вишневскій, С. Ганшинъ, П. Гарберъ, Л. Н. Глазовъ, Д. А. Головъ, І. П. Горенцель. А. Ф. Грязновъ, А. В. Грушке, С. И. Гулишамбаровъ, И. Гурвичъ, А. Н. Державинъ, И. А. Добряковъ, К. Дьяконовъ, Л. П. Жеребовъ, А. А. Завадскій, А. Завалишинъ, И. Залкиндъ, Н. Н. Зворыкинъ, А. Д. Зелениzъ, И. М. Зиновьевъ, А. А. Зябловъ, П. Касаткинъ, М. Кергеръ, Д. Кирпичниковъ, С. А. Козьминъ, А. И. Коренблитъ, П. Н. Коротковъ, М. Г. Котельниковъ, А. Г. Лаписовъ, Л. М. Лялинъ, П. А. Малый, А. Мейро, А. П. Милинскій, А. М. Настюковъ, Ф. Ф. Надлеръ, М. А. Нетыкса, К. Ф. Нейманеръ, О. Я. Никитинскій, Н. П. Овсянниковъ, В. Н. Оглоблинъ, А. И. Онуфровичъ, П. А. Персіяниновъ, Н. А. Песоцкій, П. И. Плаксицкій, Л. О. Плущевскій, А. А. Прессъ. А. Т. Разуваевъ; К. Рейнеръ, А. С. Рейсеръ, Х. Х. Репманъ, М. А. Рыловъ, А. Семеновъ, С. Сербиновичъ, П. И. Сиптицъ, О. Старикъ, А. А. Томсонъ, М. Н. Триполитовъ, А. Угаровъ, А. Фадѣевъ, И. А. Федоровъ, Н. А. Филипповъ, И. М. Фуксъ, Г. Хелимскій, М. Я. Цоллеръ, В. Черневъ, О. В. Шаньгинъ, Д-ръ Юркевичъ. Ю. А. Эльтерманъ, П. К. Энгельмейеръ, и др.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія. Полные экземпляры журнала за 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896 и 1897 гг. по 16 руб. высылаются по первому требованію съ наложеннымъ платежомъ.

Подписавшимся среди года высылаются всѣ вышедшіе въ свѣтъ №№.

О ПОДПИСКѢ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ „ЖИЗНЬ и ШКОЛА" СЪ ПРИЛОЖЕНЬЕМЪ. „ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ" (г. X.).

«*Жизнь и Школа*» имѣетъ цѣлью служить органомъ объединенія русскихъ учителей и интересамъ лицъ, стоящихъ близко къ дѣлу образованія въ Россіи, и издается по слѣдующей программѣ:

1) Правительственныя узаконенія и распоряженія, касающіяся образованія въ Россіи.

2) Научно-популярныя статьи (съ чертежами и рисунками).

3) Мелкіе повѣсти и разсказы (бытовые и историческіе), путешествія, очерки и др. подоб. произведенія.

4) Статьи по педагогикѣ, дидактикѣ, методикѣ, училищевѣдѣнію, школьной гигіенѣ. Очерки по народному образованію въ Россіи и на Западѣ.

5) Русская печать о школьномъ дѣлѣ. Мнѣнія и сужденія печати по педагогическимъ вопросамъ.

6) Библіотечное дѣло въ Россіи и за границей. Организація общественныхъ и школьныхъ библіотекъ и др. образовательныхъ учрежденій для народа.

7) Библіографія. Критика и рецензіи педагогическихъ сочиненій какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, разборъ учебниковъ и пособій. Обозрѣніе періодическихъ изданій какъ общихъ, такъ и спеціальныхъ: научныхъ, педагогическихъ и т. п.

8) Корреспонденціи. Современное обозрѣніе воспитанія и обученія у насъ и за границей.

9) Политическія извѣстія и Новости русской жизни. Обозрѣніе выдающихся событій въ Россіи и др. государствахъ.

способленій и пр. предметовъ по различнымъ ремесламъ, а также кустарнымъ и мелкимъ фабрично-заводскимъ производствамъ, съ подробными описаніями и наставленіями, къ нимъ относящимися.

«Ремесленная газета» необходима специальнымъ школамъ, технику, ремесленнику, кустарю, торговцу, сельскому хозяину, любителю ремеслъ и потребителямъ ремесленныхъ издѣлій, т. е. во всякомъ семействѣ для того, чтобы выбрать или заказать нужный предметъ, полезно и необходимо знать, какимъ современнымъ требованіямъ онъ долженъ удовлетворять. Въ этомъ отношеніи «Ремесленная Газета» оказываетъ необходимое содѣйствіе и потребителю, и производителю ремесленныхъ издѣлій.—Въ ней постоянно помѣщаются рисунки и чертежи самыхъ модныхъ образцовъ по слѣдующимъ ремесламъ: столярному, драпировочному, портновскому (моды Русселя), сапожно-башмачному, кузнечному, слесарному, токарному и пр. При этомъ въ общепонятномъ изложеніи даются надлежащія описанія, указанія и рецепты практическаго свойства.

Кромѣ множества разнообразнѣйшихъ чертежей и рисунковъ, въ «Ремесл. Газетѣ» будетъ помѣщенъ рядъ описаній: различныхъ ремесленныхъ производствъ, новѣйшихъ изобрѣтеній, усовершенствованій, выставокъ, музеевъ, образцовыхъ ремесленныхъ и техническихъ школъ, частныхъ промышленныхъ мастерскихъ и пр.

Кромѣ еженедѣльныхъ сообщеній о различныхъ заграничныхъ новостяхъ, редакція будетъ давать безплатно отвѣты и совѣты на запросы гг. подписчиковъ, относяшіеся до ихъ спеціальности.

Получая всѣ извѣстнѣйшія иностранныя изданія по различнымъ ремесламъ, Редакція располагаетъ лучшими изъ помѣщенныхъ въ нихъ статей и рисунковъ и даетъ возможность своимъ подписчикамъ пользоваться массою полезнаго, необходимаго и дорогого (многимъ недоступнаго) матеріала за крайней дешевую цѣну.

Контора изданія оказываетъ гг. иногороднимъ подписчикамъ безплатно всевозможное содѣйствіе по различнымъ справкамъ, а также по выпискѣ книгъ, инструментовъ и др. предметовъ, которые высылаются по первому требованію немедленно съ наложеннымъ платежомъ.

«Ремесленная газета» въ теченіе истекшихъ 12-ти лѣтъ успѣла пріобрѣсти огромный составъ читателей, не только въ виду ея характера и крайней дешевизны, но главнымъ образомъ вслѣдствіе того обилія полезнаго и необходимаго для всякаго матеріала, который она даетъ своимъ подписчикамъ, а именно:

5) Четыре переплетенные тома полнаго сочиненій Вл. Ив. Даля (Козака Луганскаго)

6) Двѣ роскошно переплетенныя книги, формата in-folio, «Живописной Россіи». посвященныя описанію Москвы и Москов. промышлен. обл.

Первый нумеръ новаго XIV (1898) подписного года выйдетъ 15-го декабря 1897 года.

Годовая подписная цѣна за всѣ вышеобъявленныя изданія вмѣстѣ сь пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, безъ всякой доплаты за перес. и дост. безплатныхъ премій—**14 руб.** За границу—**24** рубля.

Разсрочка платежа допускается, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 руб.; остальныя же деньги могутъ высылаться по усмотрѣнію подписчика ежемѣсячно, до уплаты всѣхъ 14 руб. При подпискѣ въ разсрочку безплатныя преміи высылаются только по уплатѣ всей подписной суммы.

Къ свѣдѣнію гг. новыхъ подписчиковъ не получавшихъ „НОВИ" въ 1897 году.

Лица не состоявщія подписчиками «НОВИ» въ 1897 году и не имѣющія еще первой половины СОЧИНЕНІЙ АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО и первой половины СОЧИНЕНІЙ В. И. ДАЛЯ могутъ, подписываясь на «НОВЬ» въ 1898 году, получить первые шесть томовъ (т. е. томы 1 по 6) сочиненій А. Печерскаго и первые шесть томовъ (т. е. томы 1 по 6) сочиненій В. И. Даля, вмѣсто томовъ, выдаваемыхъ въ 1898 году прежнимъ подписчикамъ. Вторая же половина сочиненій, какъ А. Печерскаго, такъ и В. И. Даля, будетъ выдана этимъ новымъ подписчикамъ въ 1899 году въ чемъ редакція теперь же и принимаетъ передъ ними обязательство.

Новые подписчики на «НОВЬ» 1898 года, т. е. лица, не бывшія подписчиками на журналъ въ минувшемъ 1897 г., при уплатѣ за 1898 г. 26-ти рублей, вмѣсто 14-ти руб., могутъ получить въ 1898 г.: **всѣ 14 томовъ полнаго собранія сочиненій Андрея Печерскаго и всѣ 10 томовъ полнаго собранія сочиненій В. И. Даля,**

а также и тѣ двѣ переплетенныя книги «Живописной Россіи», которыя выдавались подписчикамъ въ 1897 году; значитъ, вмѣсто двухъ книгъ «Живописной Россіи», они получатъ четыре переплетенныя книги этого изданія и, вмѣсто 12 томовъ сочиненій А. Печерскаго и В. И. Даля, 24 тома.

Подписка принимается исключительно въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ, Гостиный Дворъ, 18; въ Москвѣ—Кузнецкій мостъ, № 12, и въ редакціи «НОВИ», въ С.-Петербургѣ, Васильевскій остр., 16 лин., собств. домъ, № 5—7.

Вирeніуса; 13) Новый способъ изслѣдованія умственныхъ способностей и его примѣненіе на учащихся проф. Эбингауза. Его-же; 14) Нравственное воспитаніе въ связи съ эволюціонной теоріей. Л. Е. Оболенскаго; 15) О воспитаніи и обученіи дѣтей идіотовъ, тупоумныхъ и отсталыхъ по Сегену. М. Н. Лебедевой; 16) Воля и воспитаніе ея. К. В. Ельницкаго; 17) Объ отношеніяхъ учителя къ ученикамъ. Ст. Никольскаго; 18) Педагогическіе матеріалы въ сатирахъ Салтыкова. С. Ашевскаго; 19) Новое поприще для дѣятельности русской интеллигентной женщины. А. М. Калмыковой; 20) Школьныя нормы В. П. Вахтерова; 21) Объ идеалахъ церковной и свѣтской школы Кл. Тихомирова; 22) Начальная школа и профессіональныя знанія. Д. Д. Лобанова; 23) Къ двадцатипятилѣтію «Положенія» о городскихъ училищахъ, Высочайше утвержденныхъ 31-го мая 1872 года. Н. З.; 24) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1896. И. П. Бѣлоконскаго; 25) Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ Пермской губерніи. А. П. Раменскаго; 26) О наглядно-звуковомъ методѣ обученія грамотѣ. Н. Страхова; 27) Способы и пріемы обученія правописанію. В. Г. Зимницкаго; 28) Методическіе пріемы веденія письменныхъ работъ по русскому языку въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. К. Н. Шульгина; 26) О современной постановкѣ преподаванія чистописанія въ нашихъ школахъ и о мѣрахъ къ ея улучшенію. И. Е. Евсѣева; 30) Замѣтка о чтеніи художественныхъ произведеніи въ народной школѣ. А. Максимова; 31) О значеніи черченія при прохожденіи курса геометріи. Н. Гебеля; 33) Замѣтки о методахъ преподаванія спеціальныхъ предметовъ въ среднихъ сельскохозяйственныхъ школахъ. П. Строева.

Въ каждой книжкѣ «Русской Школы», кромѣ отдѣла Критики и библіографіи, печатается хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ, хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессіональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе десяти печат. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою—6 р. 50 к.; для иногороднихъ съ пересылкою—семь руб.; за-границу—девять руб. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, пользуются уступкой въ одинъ рубль. Земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10%.

Для казенныхъ и общественныхъ учрежденій допускается подписка въ кредитъ (при подпискѣ въ Гл. Конторѣ); также и для частныхъ лицъ, состоящихъ на службѣ—за ручательствомъ гг. казначеевъ.

Пробный № высылается за 28 к. (марками). Новые подписчики получатъ безплатно первыя части (напечат. въ 1897 г.) истор. ром. Генр. Сенкевича „Крестоносцы", который продолжится печатаніемъ въ 1898 г.

Редакторъ-издательница **Л. Я. Гуревичъ.**

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ"

ВЪ 1898 Г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ казенныхъ прибавленій. на годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.	Съ казенными приб. на годъ.	6 мѣс.
Съ доставкой по гор. почтѣ.	16 р.—к.	9 р.—к.	4 р. 50 к.	1 р. 80 к.	18 р.—к.	10 р.—к.
Съ пересылкою иногородн.	17 „ —„	10 „ —„	5 „ 50 „	2 „ —„	19 „ —„	11 „ —„
За границу	26 „ —„	14 „ —„	8 „ —„	3 „ —„	28 „ —„	16 „ —„

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Малье-Невскій пр. № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ издатель князь *Э. Э. Ухтомскій.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ.

Восемнадцатый годъ изданія.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ"

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго

Края" и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства". V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка IX. „Свѣтъ и и Тѣни" (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края" и извѣстія другихъ газетъ XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южнаго Края" и извѣстія другихъ газетъ XII. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIII. Фельетонъ: научный, беллетристическій, стихотворный и общественной жизни. XIV. Судебная хроника XV. Критика и библіографія XVI Смѣсь XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ XIX Календарь. XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. XXI Стороннія сообщенія. XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Газета ежедневно получаетъ извѣстія изъ Петербурга и Москвы отъ собственныхъ корреспондентовъ.

Въ „Южномъ Краѣ" помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

Подписная цѣна на 1898 г.:

съ пересылкою иногороднимъ:

На	12 м.		11 м.		10 м.		9 м.		8 м.		7 м.		6 м.		5 м.		4 м.		3 м.		2 м.		1 м.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
	11	—	10	50	10	—	9	20	8	50	7	80	7	—	6	—	5	—	4	—	3	—	1	50

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ-въ главной конторѣ газеты „Южный Край", на Сумской улицѣ, въ домѣ А. А. Іозефовича, № 13.

Съ конца текущаго 1897 года „Южный Край" будетъ печататься въ увеличенномъ размѣрѣ на новой ротаціонной машинѣ, заказанной въ Парижѣ, которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторъ-издатель *А. А. Іозефовичъ*

3—3

ОБЪ ИЗДАНІИ

КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1898 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются.

1, Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты, и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій. кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—(21—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—критико-библіографическимъ, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и научной хроники заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1898 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.: продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я· Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ **В. Иконниковъ**.

3—3

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи:

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи. исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ „Извѣстіяхъ“ принимаютъ участіе: проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), А. А. Диваевъ, М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), акад. В. В. Латышевъ, В. К. Магницкій, М. Н. Мартьяновъ (Минусинскъ), В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Смолен.), Н. Н. Пантусовъ (Вѣрный), Н. М. Петровскій, П. А. Пономаревъ, Г. Н. Потанинъ (С.-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), В. М. Терехинъ (Пенза), проф. А. А. Штукенбергъ, И. Н. Юркинъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ «Извѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція «Извѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и пріобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Буда-Пештѣ и Упсалѣ для отчетовъ о новостяхъ финской, венгерской и скандинавской литературъ.

Цѣна годовому изданію 5 р., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

2—2

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА
„КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“.

А.

А. Е. Оповиданье. Кіевъ 1896 г., стр. 1—33. Цѣна 8 к.

Андріевскій А. А. Коммиссія 1749 года для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—23. Цѣна 20 к.

Андріевскій А. Изъ жизни Кіева въ XVIII вѣкѣ (архивныя замѣтки). Кіевъ 1894 г., стр. 1—120. Цѣна 75 к.

Андріевскій А. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ. 1754—1766 года. Кіевъ 1891 г., стр. 1—102. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Русскіе конфиденты въ Турціи и въ Крыму въ 1765—1768 г.г. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Реляціи Кіевскаго генералъ-губернатора за 1768 и 1769 г.г. Кіевъ 1892 г., стр. 1—139. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Послѣдніе кіевскіе сотники. Кіевъ 1896 г., стр. 1—40. Цѣна 50 коп.

Андріевскій А. Василій Андреевичъ Жуковскій. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г., стр. 1—20. Цѣна 8 к.

Андріевскій А. Первый русскій книгопечатникъ. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Андріевскій А. Крымъ и Крымскіе татары. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г. стр. 1—34. Цѣна 10 к.

Антоновичъ Вл. и Драгомановъ М. Историческія пѣсни малорусскаго народа. Томъ первый. Кіевъ 1874 г. I—XXIV, стр. 1—336 Ц. 1 р. 50 к. Томъ второй. Вып. I. Кіевъ 1875 г., стр. I—XI + 1—166 Цѣна 80 к.

Антоновичъ В. Грановщина (эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины) (Брошюра-оттискъ), стр. 1—19. Цѣна 15 к.

Антоновичъ В. Б. Археологическая карта кіевской губерніи. (Приложеніе къ XV т. „Древности“). Изданіе Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества. Москва 1895 г., стр. 1—139 + Указатель именъ географическихъ и предметный (стр. 1—20) + карта. Цѣна 3 р.

Антоновичъ В. Б. Монографія по исторіи Западной и Юго-западной Россіи. Томъ I. Кіевъ 1885 г., стр. 1—450. Цѣна 2 р.

Антоновичъ В. По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала. Кіевъ 1895 г., стр. 1—21. Цѣна 20 к.

Антоновичъ В. Описаніе монетъ и медалей, хранящихся въ нумизматическомъ музеѣ Университета Св. Владиміра. Выпускъ I. Монеты древняго міра. Кіевъ 1896 г., стр. 1—238. Цѣна 1 р. 20 к.

А. Т. Добра душа. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—34. Цѣна 5 к.

Б.

Багалѣй Д. И. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Кіевъ 1889 г., стр. 1—115. Цѣна 75 к.

Барвинокъ Ганна Молотники (Бытовой разсказъ). Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 20 к.

Бершадскій С. А. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады Вел. Кн. Литовскаго. Кіевъ 1888 г. стр. 1—157. Цѣна 75 к.

Библіографическій указатель „Кіевской Старины“ за первое десятилѣтіе 1882—1891 г г.). Кіевъ 1892 г., стр. 1—108. Цѣна 75 к.

Бігдай. Пѣсни кубанскихъ козаковъ. Выпуски: 1-ый, 2-ой, 3-ій („Пісні черноморськи“) и 4-ый („Пісні лінейськи“).

Для одного голоса и хора съ аккомпаниментомъ фортепьяно. Цѣна выпуска 1 р.

Билыловськый К. А. Складка. Альманахъ на спомынъ Владимыра Степановыча Александрова. Року Божого 1896-го Харькивъ 1896 р., стр. 1—271. Цѣна 1 р. 25 к.

Билыловськый. Складка. Альманахъ. Року Божого 1897. (Въ пользу общества вспомоществованія для нуждающихся переселенцевъ—*малороссовъ*) стр. I—VI; 1—193. Спб. 1897. (Съ 3-мя фотографіями). Цѣна 1 р. 25 к.

Билоусенко Александръ. Батькивъ грихъ. Оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—44. Цѣна 8 к.

Бѣляшевскій Николай. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—143. Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

Бѣляшевскій Николай. Раскопки на княжей горѣ въ 1891 г. Кіевъ, стр. 1—44+2 табл. снимковъ. Цѣна 30 коп.

Бѣляшевскій Николай. Археологическій съѣздъ въ Ригѣ. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина". Кіевъ, 1896 г., стр. 1—45. Цѣна 50 коп.

В.

Веселовскій А. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Вирна пара та инше. У Чернигови 1895 р., стр. 1—55. Цѣна 8 к.

Владимірскій-Будановъ М. Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1883 г., стр. 1—38. Цѣна 30 к.

В. М. Свадебныя пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ. Кіевъ 1890 г., стр 1—64. Цѣна 40 к.

Вовчокъ Марко. Викупъ. Оповіданья. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—18. Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Ледащиця. Оповіданья. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Востоковъ А. Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—17. Цѣна 15 к.

Востоковъ А. Нѣжинская Рада 1663 года (Брошюра-оттискъ), стр. 1—15. Цѣна 15 к.

В. Ю. Рѣчь кн. Н. Г. Рѣпнина и дѣло объ ея напечатаніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—8. Цѣна 10 к.

Г.

Гаврышъ Ол. Царивна-русалка. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 7 к.

Гаврышъ Ол. Оповидання. (Щастя, навикы, кохання, образъ смерты). Кіевъ, 1897, стр. 1—37. Ц. 20 к.

Гаврышъ Ол. Закохана (Поэма). Кіевъ 1893 г., стр. 1—16. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: I. Пивничный Ледовый Океанъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: II. Мезенська тундра. Кіевъ 1883 г., стр. 1—8. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: III. Лисова полоса Россіи. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: IV. Сторона велыкихъ озеръ. Петербурхъ. Кіевъ 1883 р., стр. 1—23. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: V. Билоруссія и Лытва. Кіевъ 1883 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Гамалія. К. Земля и люде въ Россіи. VI. Кавказъ. Кіевъ, 1884 г. 1—39. Цѣна 10 коп.

Глибовъ Л. Байкы (съ передмовою Б. Г.) У Чернигови 1895 р., стр. I—IV, 1—172. Цѣна: на простой бумагѣ 15 к., на лучшей 25 к., на веленевой 40 к.

Голубовскій П. Болгары и Хозары, восточные сосѣди Руси при Владимірѣ Св. Кіевъ 1888 г., стр. 1—43. Цѣна 30 к.

Гордіенко Даныло. 1) Кумъ-ханъ. 2) Прыгода у повидь. 3) Петро Мирошныченко. Оповидання. У Чернигови, 1885 г., стр. 1—25. Цѣна 3 к.

Гринченко Б. Кныга казокъ виршомъ. Одесса 1896 г., стр. 1—107. Цѣна 15 к.

Гринченко Борысъ. (В. Чайченко). Байкы. У Черныгови 1895 г., стр. 1—80. Цѣна 15 к.

Гринченко Б. Д. Писни та думы. Кныжка перша и друга. У Чернигови 1895 г., стр. 1—66. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Д. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ. Выпускъ 1. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Черниговъ 1895 г., стр. 1—300. Цѣна 1 р. 50 к.

Тоже; выпускъ 2. — Черниговъ, 1897 г., стр. 1—390. Цѣна 2 руб.

Гринченко Б. Неймовирный, або чоловикъ та жинка безъ виры не спилка. Драма на пьять дій. У Чернигови 1896 г., стр. 1—72. Цѣна 10 к., на лучшей бумагѣ 15 к.

Гринченко Б. Покынута у лиси дивчына. Казка. Одесса 1896 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к.

Гринченко Б. Дочка. Хлиборобъ. Першый коваль. Выдавъ Ст. Ив. Эрастовъ. (Въ Черноморіи). Ростовъ на-Дону 1897 г., стр. 1—16. Цѣна 3 коп.

Гринченко Б. Хатка въ Балци и пр. Оповидання. У Чернигови 1897 р., стр. 1—233. Цѣна: на простой бумагѣ 35 коп; на лучшей—75 коп.

Гулакъ-Артемовскій П. П. Сочиненія. Кіевъ 1888 г., стр. 1—26. Цѣна 25 к.

Д.

Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Изданіе подъ редакціей А. Лазаревскаго. Часть 1-ая (1718—1725 годы). Кіевъ 1893 г., стр. I—XVI+1—329. Цѣна 2 р.

То же. Часть 2-ая (1726—1729 годы.) Кіевъ 1895 г., стр. I—II+1—342. Цѣна 2 р.

То же. Часть 3 я- (1730—1734 гг.) Кіевъ,. 1897 г. Стр. 1—479. Цѣна 1 р. 50 коп.

Днипрова Чайка. Хрестоносъ. Оповидання. У Кыиви 1896 р., стр. 1—32. Цѣна 5 к.

Думы кобзарськи. Выдано нидъ доглядомъ Б. Гринченка. У Чернигови 1897 р. Стр, 1—106. Цѣна: на лучшей бумагѣ 15 к., на обыкновенной 5 к.

Е.

Ефименко А. Очерки исторіи Правобережной Украины. Кіевъ 1895 г., стр. 1—174. Цѣна 1 р. 25 к.

Ефименко А. Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. (Брошюра-оттискъ), стр 1—21. Цѣна 20 к.

Ефименко А. Бѣдствія Евреевъ въ Южной Руси въ XVII вѣкѣ (Брошюра оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ефименко П. Экономическія замѣтки о старинѣ и матеріалы. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ж.

Жыви струны. Збирныкъ писень. У Чернигови 1895 г., стр. 1—109. Цѣна 12 к.

Житецкій П. Очерки литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Кіевъ 1889 г. in 8°. Ц. 75 к.

Житецкій П. Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в. Кіевъ in 4°. Съ 4-мя снимками. Цѣна 50 к.

Житецкій П. Теорія сочиненія съ христоматіей. Одобрено Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, какъ *учебное руководство* для среднихъ учебныхъ заведеній. Кіевъ 1895 г., стр. 1—112+1—132. Цѣна 1 р.

З.

Забоценъ Петро. Гордовита пара оповіданія. С.-Петербургъ 1862, стр. 1—15. Цѣна 3 к.

Загирня М. Пидъ землею. Оповидання про шахты. У Чернигови. 1897 г Стр. 1—108. Цѣна 12 коп.

Загирня М. Добра порада. Оповидання. У Чернигови 1896 г., стр. 1—31. Цѣна 5 к.

Загирня М. Якъ выгадано машыною йиздыты. У Чернигови 1897 р. стр. 1—31. Цѣна 5 к.

Загирня М. Орлеанська дивчына Жанна д'Аркъ. У Чернигови 1897 р. Стр. 1—47. Цѣна 6 коп.

И.

Иванов. А. Розмова про земни силы. Переклав на украинську мову М. Комаров. Книжка друга (з малюнками). Кіевъ 1885 г., стр. 1—91. Цѣна 15 к.

Имшенецькый В. Видъ чого заводятця пошести або лыхи хворобы и якъ ихъ стерегтыся. С.-Петербургъ 1896 г., стр. 1—29. Цѣна 10 к.

Иродчукъ. Сира кобыла. Одесса, 1897. Стр. 1—16. Цѣна 5 коп.

К.

Казочкы. Кіевъ 1896 г., стр. 1—76 Цѣна 10 к.

Казюка и Кулишъ Панько. Дви казкы. (Пивпивныка и цыганъ). Кіевъ, 1890. Стр. 1—16. Цѣна 5 коп.

Каманинъ И. Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебургскому праву. Кіевъ 1888 г., стр. 1—91. Цѣна 50 к.

Каманинъ И. Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Вып. 1-ый. *Шевченко*. Кіевъ 1893 г., стр. 1—14. Цѣна 25 к.

Кернеренко Грыцько. Въ досужій часъ. Лирна поэзія. Харькивъ 1896 г., стр. 1—60. Цѣна 50 к.

Кернеренко Грыцько. Невелычкый збирныкъ творивъ. Харьковъ 1890 г., стр. 1—49. Цѣна 25 к.

Кистяковскій о. Өедоръ. Воспоминанія его. (Брошюра оттискъ) Кіевъ 1896 г., стр. 1—139. Ц. 1 р.

Кіевъ и его предмѣстія: Шулявка съ Протасовымъ яромъ. Байкова гора съ Саперною слабодкою по переписи 2 марта 1874 года, произведенной Юго-западнымъ Отдѣломъ Императорскаго Русскаго Географическаго общества. Кіевъ, 1875 г. стр. 1—LII, 1—401. Цѣна 1 р.

Коваленко Грыцько. Видъ чого вмерла Меласяе? Оповидання про обкладъ. У Чернигови 1897 р.; стр. 1—40; Цина 5 коп.

Коваленко Грыцько. Пошесна хвороба чума на людяхъ. У Чернигови, 1897 р. стр. 1—20. Цина 3 коп.

Коваленко Грыцько. Правдыве слово та инши оповидання. У Чернигови 1896 р., стр. 1—40. Цина 6 коп.

Конисскій О. Дидъ Евменъ. Сломынкы бабы Уляны Красючкы. У Чернигови, 1894 г Стр. 1—24. Цѣна 5 коп.

Конисськый Ол. Я. У тиснои бабы. У Кыиви 1896 р, стр. 1—32. Цѣна 5 к.

Кононенко М. Зъ Богомъ не змагайсь. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к.

Кононенко М. С. Княгиня - кобзарь. (Баллада). Кіевъ 1893 г., стр. 1—35. Цѣна 15 к.

И. П. Котляревскій. Москаль Чаривныкъ. Малоросс. водевиль въ 1 дѣйствіи. Кіевъ, 1886 г. Стр. 1—64. Цѣна 15 коп.

Коцюбынській Мыхайло. Пьятызлотныкъ. Оповидання. У Чернигови. 1895 г., стр. 1—18. Цѣна 3 к.

Коцюбынській М. 1) Харытя 2) Ялынка 3) Маненькій гришныкъ. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Крымскій А. Черезъ що люде бидніють та що имъ треба робыты. Порады Грыцька Квиткы. Москва 1896 г., стр. 1—36. Цѣна 15 к.

Крымскій А. Хто жъ выненъ? Оповиданне. Пысано мовою кыивськыхъ мищанъ. Выдавъ Ст. Ив. Эрастовъ. Екатеринодаръ. Стр. 1—32. Цина 5 коп.

Крынычка. Оповидання та вирши: Артемовського - Гулака, Билыловського, Боровыковського и др. Зибравъ. Б. Г. У Черныгови 1897 р., стр. 1—48. Цина 7 к.

Кузьменко Петро. Не такъ ждалося, да такъ склалося. Оповидання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Кулишъ. Орыся, — идиллія. Кіевъ, 1890 г. Стр. 1—16. Цѣна 5 коп.

Кулишъ П. Григорій Квитка (Основьяненко) и его повисти. Слово на новий виходъ Квитчиних повистей. С.-Петербургъ 1858 г., стр. I—XXXVI. Цѣна 25 к.

Кулишъ П. Записки о Южной Руси. Томъ второй. С.-Петербургъ 1857 г. стр. 1—354. Цѣна 2 р. 50 к.

Купчанко. Г. Нѣкоторыя историко-географическія свѣдѣнія о Буковинѣ. Кіевъ, 1875 г., стр. 1—83. Цѣна 40 коп.

Л.

Лазаревскій А. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Томъ 1-ый: Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1889 г. стр. I—XVI+1—407+I—XXX. Цѣна 3 р.

То же. Томъ II-й: Полкъ Нѣжинскій. Кіевъ 1893 г., стр. I—IV+1—521+I—XXV. Цѣна 3 р. 50 к

Лашкевичъ Алекс. Степ. (некрологъ) Кіевъ, 1889 г. Стр. 1—12 портретъ. Цѣна 15 коп.

Левицкій Иванъ. Витрогонъ. Кіевъ, 1891 г. Стр. 1—16. Цѣна 5 коп.

Левицкій Иванъ. Голодному й опенькы мясо. Мищанська комедія—водевиль на 2 діи. Видання друге. Кыивъ, стр. 1—40. Цѣна 15 коп.

Левицкій О. И. Ганна Монтовтъ. Историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—69. Цѣна 40 к.

Левицькій Иванъ. На Кожумякахъ. Мищанска комедія на 5 дій. Друге выправлене выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—108. Цѣна 25 к.

Левицькій Иванъ. Дви московкы. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—84. Цѣна 25 к.

Левицькій Иванъ. Баба Параска та баба Палажка. Частка I. Неможна баби Парасци вдержатысь на сели. Четверте выдання зъ додаткамы. Кіевъ 1887 г., стр. 1—39. Цѣна 10 к.

Левицькій Иванъ. Чортяча спокуса Оповидання. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр 1—52. Цѣна 12 к.

Левицькій Иванъ. Маруся Богуславка. Оперетта на 4 діи. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—79. Цѣна 20 к.

Левицькій Иванъ. Кайдашева симья. Повисть. Кіевъ 1887 г., стр. 1—211. Цѣна 50 к.

Левицькый Иванъ. Не той ставъ. Повисть. Кіевъ 1896 г., стр. 1—206. Цѣна 50 коп.

Леонидъ Архимандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: „Откуда родомъ была Св. Великая Княгиня Ольга." По поводу статьи И. И. Малышевскаго: „О происхожденіи Великой Княгини русской Ольги Св." Кіевъ 1889 г., стр. 1—8. Цѣна 10 к.

Лисенко М. Молодощи. Збирник танків та веснянок. Киів 1875 р., стр. 1—10. Цѣна 1 р. 20 к.

Листи съ хутора. Листъ V. Хто такий хуторянинъ. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Лучицкій И. По поводу Дрогичинскихъ древностей. Замѣтка къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи и продажѣ національныхъ

имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ заграницу). Кіевъ 1894 г., стр. 1—42. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. В. Крестьянская поземельная собственность во Франціи и продажа національныхъ имуществъ. Кіевъ 1896 г., стр. 1—65 Цѣна 75 к.

М.

Мельникъ К. Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринославѣ. Выпускъ I. Кіевъ 1893 г., стр. 1—219+Географическій указатель (стр. 1—217)+14 таблицъ рисунковъ. Цѣна 3 р. 50 к.

Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Выпускъ II (перв. половина XVII ст.) Переводъ К. Мельникъ (Подъ редакціею В. Антоновича). Кіевъ 1896 г., стр. 1—327. Цѣна 3 р.

Милорадовичъ В. Къ вопросу объ источникахъ „Вія". (Брошюра-оттискъ). стр. 1—4. Цѣна 5 к.

Милорадовичъ В. Сказки о жабахъ. (Брошюра оттискъ), стр. 1—4 Цѣна 5 к.

Мырный Панасъ. Перемудрывъ. Комедія въ пьяты справахъ. Кіевъ 1886 г., стр. 1—214. Цѣна 75 к.

Михальчукъ К. Къ южно-русской діалектологіи (А. И. Соболевскій. „Очеркъ русской діалектологіи III. Малорусское нарѣчіе.") (Брошюра-оттискъ), Кіевъ 1893 г., стр 1—35. Цѣна 20 к.

Михальчукъ М. Статистика въ области діалектологіи (А. А. Дикаревъ. Воронежскій этнографическій сборникъ. Воронежъ 1891 г.).) Брошюра-оттискъ) Кіевъ 1893 г, стр. 1—20 Цѣна 10 к.

Михальчукъ К. Филологическое недоразумѣніе (О формѣ им. п. мн. ч. именъ прилагательныхъ въ малорусскомъ яз. на—*ое* и т. п.). (Брошюра-оттискъ). Кіевъ 1896 г, стр. 1—24. Цѣна 10 к.

Мищенко Ѳ. Г. П. Галаганъ (некрологъ). Кіевъ 1883 г., стр. 1—22. Цѣна 20 к.

Мордовець Данило. Салдатка. Оповідания. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна. 5 к.

М. Щ. Дѣтскій эдемъ до вкушенія отъ древа познанія добра и зла. (Изъ дѣтскаго міра деревенскаго мальчика). (Брошюра-оттискъ). Кіевъ 1895 г., стр. 1—107. Цѣна 75 коп.

Н.

Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года и акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія Уложенія. Кіевъ 1889 г., стр. 1—292+I—XX. Цѣна 1 р.

Науменко В. Александръ Федоровичъ Кистяковскій (Біографическій очеркъ съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи его) Кіевъ 1895 г., стр. 1—43+портретъ. Цѣна 30 к.

Науменко В. Отечественный языкъ, какъ предметъ гимназическаго курса. (Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи). Кіевъ 1881 г., стр. 1—26. Цѣна 20 к.

Науменко В Примѣрная программа преподаванія русскаго языка въ низшихъ классахъ гимназіи. Кіевъ 1894 г., стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Науменко В. Александръ Алексѣевичъ Корсунъ (Некрологъ). Брошюра-оттискъ, стр. 450—461. Цѣна 10 к.

Науменко В Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. Брошюра-оттискъ, стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Наумено В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889 г., стр 1—90. Цѣна 60 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Григорія Федоровича Квитки-Основьяненка: 1) Біографическій очеркъ. 2) Квитка, какъ малорусскій писатель, передъ судомъ критики. Съ портретомъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—59 Цѣна 50 к.

Николайчикъ Ѳ. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—18. Цѣна 15 к.

Николайчикъ Ѳ. Отголосокъ лирницкаго языка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Номис. М. Украинські приказки, прислівья и таке инше. Збірники О. В. Марковича и другихъ. С.-Петербургъ 1865 г. стр. I—VII+1—304+I—XVII. Цѣна 2 р.

Н. О. Бунтъ Сквирскаго магистрата. Кіевъ 1888 г., стр. 1—50. Цѣна 35 к.

Нива. Украинській литературный збірныкъ 1885 року. Одесса 1885 г., стр. 1—207. Цѣна 1 р.

О.

Оповидання про давня: 1) Максымъ Гримачъ: 2) Въ осены лито. 3) Старый Донда. 4) Проскурка. Кіевъ 1896 г., стр. 1—40. Цѣна 5 к.

Оповидання. Дзвонарь. Сужена. Наді У Кыиви 1897 р, стр. 1—42. Цина 5 к.

Основъяненко Гр. Перекотыполе. Повисть. Харькивъ, 1894. Стр. 1—47. Цѣна 3 коп.

П.

Петровъ Н. Къ исторіи колонизаціи Слободской Украины. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Пилинскій Д. Прыгоды (Малюнки зъ життя). Москва 1896 г., стр. 1—61. Цѣна 15 к.

Пѣсни Лирныка. Напысавъ въ Полтави въ 1887-мъ року Кость Лирныкъ С.-Петерб. 1892, стр. 1—154. Цѣна

П. Л. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены Св. Равноапостольный князь Владиміръ и Св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? Кіевъ 1888 г., стр. 1—6. Цѣна 10 к.

П. Л. О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжественнаго принятія христіанской вѣры при Св. Владимірѣ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—19 Цѣна 15 к.

Программа Юго-западнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго общества для собиранія свѣдѣній по *Этнографіи*. Стр 1—104. Цѣна 10 коп

Программа Юго-западнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества для собиранія свѣдѣній по *Географіи*, стр. 1—14. Цѣна 2 коп

Про кари, до якихъ присужують мирові судді Кіевъ 1856 г, стр. 1—35. Цѣна 12 к.

Про холеру. Кіевъ 1875 г., стр. 1—48. Цѣна 7 к.

Пчилка Олена. Українськимъ дітямъ. Пьять перекладівъ-віршівъ. Киівъ 1882 р., стр 1—46. Цѣна 20 к.

Пчилка Олена. Думкы-мережанкы Волынь 1885 р., стр 1—97. Цѣна 50 к.

Пчилка Олена Переклады зъ Н. Гоголя (Два розмаитыхъ зразкы). Кіевъ 1881 г., стр. 1—33, 1—39, 1—63 Цѣна 35 к.

Пчилка Олена. „Веснянои ночы". Перекладъ оповидання Н. Гоголя. Кіевъ 1881 г., стр. 1—63. Цѣна 25 к.

Пчилка Олена. Сужена—не огужена. Жартъ въ 1 діи Кіевъ 1881 г., стр. 1—60. Цѣна 50 к.

Р.

Р—а П. З. Казка про перлове намысто. Розумный пысарь. У Чернигови 1896 р., стр. 1—24. Цѣна 4 коп.

Р—а П. З. 1) Чорноморци у неволи. 2) Якъ чоловикъ конемъ бувъ. 3) Уласъ Павленко. Тры оповидання. У Чернигови 1895 р., стр. 1—30. Цѣна 5 к.

Р. Л. Н Порча украинскихъ народныхъ пѣсенъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—15. Цѣна 15 к.

Романова Одарка. 1) Черствый пырижокъ. Казка. 2) Сватання Мороза. Зимня казочка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—26. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Ивашко. Кіевъ 1895 г., стр. 1—38. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Якъ мене Маты Божа одъ гриха одвела. Правдыве оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

Романова Одарка Писни, Думкы, легенды. Кіевъ 1896 г., стр. 1—56. Цѣна 15 коп.

Романовичъ-Славатинскій А Воспоминанія объ архивѣ Государственнаго Совѣта. Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 15 к.

Рудченко И. Я. Чумацкія народныя пѣсни. Кіевъ 1874 г., стр. I—XIII+1—257+3 таблицы нотъ. Цѣна 1 р. 30 к.

Русовъ А Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговскимъ статистическимъ отдѣломъ при губернской земской управѣ. Т. XV. Кролевецкій уѣздъ. Рецензія (Брошюра-оттискъ), стр. 1—13. Цѣна 10 к.

Русовъ А. А. Русскіе тракты въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ и нѣкоторыя данныя о Днѣпрѣ изъ атласа конца прошлаго столѣтія. Кіевъ, 1876 г., стр. 1—150 карты. Цѣна 60 коп.

Рябошапка П. Т. Розбыта бандура. Кіевъ 1893 г., стр. 1—193. Цѣна 75 коп.

С.

Самійленко Володимеръ. Зъ его поэзій. Частына перша. Кіевъ, 1890, стр. 1—47. Цѣна 20 к.

Слово о Полку Игоревымъ. Перетлумачивъ на сьогочасну наську мову К. В. Шейковскій. Елабуга, 1885 г., стр. 1—35. Цѣна 50 коп.

Старицкій. М. П. Богданъ Хмельницкій. Исторична драма въ V діяхъ, въ 6-ты одминахъ, зъ апоѳеозомъ. Кіевъ, 1897 р., 1—138. Цѣна 75 к.

Степовыкъ О. Оповидання про комахъ. Яка одъ іхъ користь, або шкода въ господарстви. (Зъ 45 малюнкамы). Кыивъ, 1882 р. Стр. 1—250. Цѣна 30 коп.

Степъ. Херсонській беллетристычный збирныкъ. Херсонъ 1883 г., С.-Петербургъ 1886 г., стр. 1—591. Цѣна 1 р. 25 к.

Сторожевъ В. Н. Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Стороженко Н. И. Первые четыре года ссылки Шевченка. Кіевъ 1888 г., стр 1—20. Цѣна 15 к.

Стороженко А. В. Леонардъ Совинскій. (Опытъ посмертной характеристики.) Кіевъ 1888 г., стр. 1—29. Цѣна 25 к.

Стороженко Олекса. Закоханий чортъ. Оповідання, С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—34. Цѣна 7 к.

Стороженко Олекса Се така баба, що ій чортъ на маховихъ вилахъ чоботи оддававъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—10. Цѣна 3 к.

Стороженко Олекса. Якъ Богъ дасть, то и въ вікно подасть. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Стороженко. Марко проклятый. Поэма на малоросс. языкѣ изъ преданій и повѣрій Запорожской старины (съ портретомъ автора). Спб., изданіе Суворина. Дешевая библіотека № 314. Стр. 1—144. Цѣна 15 коп.

Страшни забавчы. Оповиданне про рымській циркъ. Выдано пидъ доглядомъ Б. Гринченка. У Чернигови 1897 р. стр. 1—23. Цѣна 3 коп.

Сумцовъ Н. Ѳ. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію Григоріанскій календарь. Кіевъ 1888 г., стр. 1—38. Цѣна 25 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Станиславъ Орѣховскій. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Сф. Кр. Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—31. Цѣна 25 к.

Слѣпушкинъ И. О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. Изданіе четвертое коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 15 к.

Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Университета Св. Владиміра. С.-Петербургъ 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 2 р.

Т.

Тарасенко Иванъ. На Вкраини. Вирши, писни и пересьпивы. Кіевъ 1889 г., стр. 1—79. Цѣна 40 к.

Теличенко Ив. Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—27. Цѣна 20 к.

Тобилевичъ Иванъ (Карпенко-Карый). Драмы и Комедіи. т. I. Одесса, 1897 р. стр. 1—450. Цѣна 1 р. 50.; т. II. Стр. 1—479. Цѣна 1 р. 50 коп.

Тутковскій П. Юго-западный край. Популярные естественно-историческіе и географическіе очерки Выпускъ первый (съ 4 рисунками въ текстѣ). Кіевъ 1893 г., стр. 1—178. Цѣна 1 р.

Тоже. Выпускъ второй. Кіевъ 1895 г., стр. 1—?6. Цѣна 50 к.

Тышко Ол. Ма[illegible]ы. Кіевъ 1896 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Ф.

Федьковичъ. Осип. Повисти. З перед нім словом про галицько-руське письменство Мих. Драгоманова. Кіевъ 1876 г. стр. I—LVI+1—95. Цѣна 1 р

Ч.

Чайченко В. Нелюбъ. Оповидання. Кіевъ, 1891 г. Стр. 1—16. Цѣна 5 коп.

Чайченко В. Робинзонъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—63. Цѣна 15 к.

Чайченко В. 1) Пицпалъ. 2) Панько. Два оповидання. У Чернигови. 1894 г., стр. 1—28. Цѣна 3 к.

Чайченко В. Батько та дочка. Оповидання про те, якъ чоловикови пидъ землею въ шахти прыгода трапылася. У Чернигови 1894 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Оповидання. Вдруге выдано зъ додаткамы та зъ выправкамы. У Чернигови 1894 г., стр 1—87. Цѣна 10 к.

Чикаленко Е. Розмова про сельське хазяйство. Черный паръ, плодозминъ и сіяна трава. Одобрено особымъ Комитетомъ при Минист. Нар. Просв. и Министерствомъ Земледѣлія. Оесса 1897 р., стр. 1—32. Цѣна 6 к.

Чулай Грыцько. Оповидання. (Якъ я шершнивъ выганявъ и др). Кіевъ. Цѣна 10 коп.

Чулай Грыцько. Оповидання (?іаныця. Страшна кара). Кіевъ, 1891 р. стр. 1—45. Цѣна 10 коп.

Ш.

Шевченко Т. Наймычка. Поэма. Харьковъ, 1892 г. Стр. 1—31. Цѣна 2 коп.

Шейковскій К. В. Толкованіе слова „Вира". Казань 1878, стр. I—14. Цѣна 25 к.

Шейковскій К. В. Толкованіе слова „Русь" и его разновидностей Юбилейное изданіе. Мензелинскъ 1889 г. Стр. 1—14. Цѣна

Шейковскій. К. В. Рецензія на словарь Пискунова. (Отдѣльный оттискъ изъ „Филологическихъ Записокъ"). Стр. 1—20. Цѣна 15 коп.

Шейковскій К. В. Опыт южно-русскаго словаря Том V. Т—Ю. Выпуск 1-ый Т. Москва 1884 г., стр. I—XIII, 1—140. Цѣна 1 р 25 к.

Шейковскій К. В. Филологическія замѣтки. Казань 1887 г., стр. 1—37 Цѣна 50 коп.

Шевченко Т. Г. Тополя. Кіевъ 1891 г., стр. 1—14. Цѣна 1 к.

Шевченко Тарасъ. Перебендя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—6. Цѣна 2 к.

Шевченко Т. Катерына. У Чернигови 1895 р., стр. 1—28 Цѣна 3 к.

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Гайдамакы. Изданіе иллюстрированное художникомъ А. Г. Сластеномъ. Къ малорусскому тексту приложенъ переводъ Н. В. Гербеля. С.-Петербургъ 1886 г., стр. 1—71 in folio. Цѣна 5 р. 50 коп.

Шулика Павло. Де знайшовъ, де загубывъ. Оповидання. У Черкасахъ, 1897 г. Стр. 1—30. Цѣна 5 к.

Щ.

Щербина В. Новые матеріалы для исторіи Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI столѣтія. (Рецензія) (Брошюра-оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Щербина В. Три Шелеста. (Изъ исторіи Колеивщины). (Брошюра-оттискъ). 1—8. Цѣна 10 к.

Щербина В. Готлибъ-Самуилъ Трейеръ и его сочиненія по исторіи Московскаго государства. (Брошюра-оттискъ). Кіевъ 1895 г., стр. 1—19 Цѣна 15 к.

Щербина В. Изъ семейнаго архива. 1) Записки Андрея Петровича Рудыковскаго (1796—1874). 2) Стихотворенія Евстафія Петровича Рудыковскаго (1784—1851). Кіевъ 1892 г., стр. 1—117. Цѣна 75 к.

Щербина В. О Кіевской Старинѣ. Два чтенія. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1896 г., стр. 1—56. Цѣна 15 к.

Я.

Яструбецъ Про звирив (по Брему) Мнясоиди або хижи звири. I. Ведмедь. Кіевъ 1876 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Ящуржинскій Хр. Херсонесъ во время крещенія въ немъ Св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. Кіевъ 1893 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ" печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LX.

1898 г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.